I курса
№1 16го апр. Славянская грамматика
№3 30 апр. Древняя история
8го мая Русская литература

Исторія Русскаго Языка.

II курсъ
№2 19го апр. Русская грамматика
№3 30 апр. Средняя история
7го мая Русская литература

Лекціи

15го мая Русская ист.

Проф. И. В. Ягича.

Осенью
Средняя история
Философия

Изданіе А. Тютрюмовой.

Записки по следующим
На всеобщую литературу

1881 г.

Высшіе женскіе курсы

С. Петербургъ

Предметомъ нашихъ занятій будетъ исторія развитія русскаго языка, обозрѣніе всѣхъ тѣхъ измѣненій, которымъ онъ подвергался еще до появленія своего въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ (XI в.), изложеніе судебъ его съ древнѣйшихъ временъ русской письменности до начала XVIII в., когда онъ въ сознаніи пишущихъ сдѣлался самостоятельнымъ, отъ церковнославянскаго различнымъ языкомъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые спорили о томъ, въ какомъ отношеніи находится русскій языкъ къ церковнославянскому. Теперь мы знаемъ, что между церковнославянскимъ и древнерусскимъ съ самаго начала существовала значительная разница. Намъ придется коснуться этого вопроса, когда будемъ говорить о древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка и ихъ отношеніи къ церковнославянскому языку.

Сосредоточивая наше вниманіе на русскомъ языкѣ, мы не можемъ сдѣлать ни шага впередъ въ этой области, если не примемъ въ расчетъ родственныхъ ему языковъ. Такимъ образомъ сравнительный методъ, сдѣлавшій такія чудеса въ наукѣ, будетъ служить и намъ главнымъ руководствомъ. Было время, когда между нимъ и историческимъ методомъ нало-

дили нѣкоторую противоположность, но теперь научное изслѣдованіе старается класть въ основаніе всѣхъ сравненій по возможности полное историческое обозрѣніе того, что должно сдѣлаться предметомъ сравненій. Боппъ и Поттъ создали сравнительное языкознаніе при помощи санскритскаго языка. У насъ чехъ Добровскій еще до появленія первыхъ языкосравнительныхъ трудовъ въ Германіи пользовался въ широкихъ размѣрахъ сравнительнымъ методомъ въ цѣляхъ отысканія отличительныхъ свойствъ славянскихъ нарѣчій и первый сдѣлалъ попытку ихъ классификаціи, хотя и не удачную, но подавшую поводъ другимъ продолжать его дѣло. Въ тоже время направленіе историческое открыло много новыхъ памятниковъ (какъ напр. Остромірово Евангеліе), изученіемъ которыхъ получились богатые и важные результаты на счетъ древняго церковно-славянскаго языка (Востоковъ напр. открылъ въ церковно-славянскомъ языкѣ назализмъ).

Если спросить себя въ чемъ заключается сущность русскаго языка относительно всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій то на этотъ вопросъ трудно отвѣчать вполнѣ удовлетворительно, потому что 1) языкъ состоитъ изъ словъ, лексикона и 2) формъ ихъ, а лексическая сторона славянскихъ

нарѣчій еще мало разработана. Укажемъ только мимоходомъ, какъ ошибался на этотъ счетъ Добровскій въ своей классификаціи славянскихъ нарѣчій. Онъ напр. говоритъ, что группа сѣверозападныхъ нарѣчій пишетъ предлогъ раз черезъ о, а группа юговосточныхъ - через а, что первая имѣетъ предлогъ вы, а вторая - из, что въ юговосточныхъ нарѣчіяхъ существуютъ производныя формы отъ птица, а въ сѣверо-западныхъ - отъ птахъ, между тѣмъ какъ мы теперь знаемъ, что упомянутые примѣры предполагаемой сѣверозападной группы не чужды также русскому языку.

Итакъ оставляя пока въ сторонѣ составъ лексическій, при отысканіи отличительныхъ примѣтъ русскаго языка мы обратимся къ такимъ явленіямъ въ области его звуковыхъ особенностей, которыя свойственны только ему одному; онѣ, конечно, самыя существенныя и важныя тѣхъ, которыя рускій языкъ раздѣляетъ съ другими родственными ему языками.

Главное отличіе рускаго языка отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій составляетъ полногласіе, заключающееся въ томъ, что когда въ родственныхъ языкахъ стоитъ такое сочетаніе:

muta + vocalis + liquida + muta (лит. gars-as),

въ славянскихъ нарѣчіяхъ:

muta + liquida + vocalis + muta т. е. сочетаніе, представляющее уже окончательный процессъ перестановки и свойственное всѣмъ сѣверо-западнымъ и юговосточнымъ нарѣчіямъ славянскихъ языковъ, тогда, — мы говоримъ, — въ русскомъ языкѣ сходитъ такое сочетаніе:

muta + vocalis + liquida + vocalis + muta

(Вставочный вокалъ русскихъ полногласныхъ формъ именуется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ словомъ сварабхакти, которое заимствовано изъ санскритской граммати-ки.

Касательно русскаго полногласія существуетъ нѣсколько сочиненій и въ русской литературѣ. Изъ нихъ укажемъ на статью Лавровскаго: „О русскомъ полногласіи". СПб. 1859. (Извѣстія Академіи Наукъ. Томъ VII.) и затѣмъ, какъ на исправленіе ея — трудъ проф. Потебни, состоящій изъ ряда статей о русскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ воронежскихъ филологическихъ запискахъ, отдѣльно подъ заглавіемъ: „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка" Воронежъ. 1866.

Русское полногласіе поражаетъ не русскаго славянина, и не удивительно, что Добровскій въ свое время называлъ его „фенскимъ" (ошибку эту исправилъ уже Востоковъ) — ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ

въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; оно же свойственно всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ и говорамъ.
Въ южно-русскихъ нарѣчіяхъ явленіе полногласія встрѣчается даже гораздо чаще, чѣмъ въ русскомъ книжномъ языкѣ, который болѣе подвергался вліянію церковно-славянскаго языка.

Кромѣ полногласія есть и другія примѣты, которыя, вмѣстѣ взятыя, даютъ извѣстный характеръ русскому языку. Но онѣ повторяются то въ томъ, то въ другомъ славянскомъ нарѣчіи, такъ что ихъ значеніе не исключительное. Такъ въ русскомъ языкѣ сохранилось различеніе звуковъ ы и и; Сербы, и Болгаре и Словинцы не знаютъ разницы произношенія этихъ звуковъ, Чехи пишутъ у для обозначенія ы и i для обозначенія и, но въ произношеніи у нихъ разницы не существуетъ. Польскій языкъ различаетъ эти звуки въ произношеніи подобно русскому.

Затѣмъ русскому языку свойственно различное произношеніе звуковъ ъ и ь, твердое и мягкое, какъ напр. въ словѣ мостъ и кость; въ церковно-славянскомъ языкѣ мы видимъ тоже явленіе, но юго-славянскія и отчасти чешское (теперь) нарѣчіе уже не знаютъ разницы произношенія этихъ звуковъ. Въ польскомъ и сербо-лужицкомъ нарѣчіяхъ оно существуетъ.

Въ области консонантизма въ рус-

комъ языкѣ также существуютъ отличительныя примѣты. Такое явленіе, какъ сочетаніе tj и dj. отличается крайнимъ разнообразіемъ передачи въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Такъ въ русскомъ языкѣ tj = ч, въ группѣ сѣверозападныхъ славянскихъ нарѣчій (польскомъ, чешскомъ и лужицкомъ-сербскомъ) tj = c, въ болгарскомъ нарѣчіи tj = шт, равно какъ и въ церковнославянскомъ. Словинское нарѣчіе совпадаетъ въ произношеніи сочетанія tj съ русскимъ, Сербы же и Хорваты приближаются къ идеальному первоначальному произношенію: у нихъ tj = ть, т.е. ti.

Такое же разнообразіе мы встрѣчаемъ и въ произношеніи сочетанія dj. Сѣверо-западныя нарѣчія произносятъ dj, какъ z̆ или dz̆, восточныя - различно: русское, какъ ж, болгарское, какъ жд; словинское нарѣчіе въ этомъ случаѣ не совпадаетъ съ русскимъ; оно отличается такимъ же мягкимъ произношеніемъ первой половины сочетанія, что звука д (d) у нихъ совсѣмъ не слышно. Такъ напр. болгарская форма между = сербской мећа, словинской меја, русской - межа

Затѣмъ русскій языкъ вмѣстѣ съ южнославянскими нарѣчіями упрощаетъ этимологическое сочетаніе тл и дл въ л (напр. молитися вм. модлитися, мыло вм. мыдло) и вмѣстѣ съ ними прибѣгаетъ къ такъ называемому лабиализму, т.е. сочетаній

bj, pj, mj и vj дѣлаетъ бль, плъ, млъ и влъ (рублень, куплень, кормлю, ловля) Въ группѣ юговосточныхъ нарѣчій эти двѣ звуковыя черты существуютъ въ сербскомъ, словинскомъ, и болгарскомъ. Въ группѣ сѣверозападныхъ нарѣчій вставочнаго звука л не существуетъ, а наоборотъ сочетаніе tl, dl сохранилось.

На основаніи этихъ и другихъ примѣтъ начали уже очень рано дѣлать классификацію славянскихъ нарѣчій (Добровскій, Максимовичъ и друг.), отыскивали родословное дерево ихъ, даже желали при помощи славянскихъ нарѣчій проникнуть въ глушь доисторическую, уяснить себѣ движеніе и разселеніе славянскаго племени во времена доисторическія. Такъ напр. на основаніи измѣненій, происходящихъ при сочетаніи зубныхъ звуковъ d и t съ j, Сербъ Даничичъ сдѣлалъ попытку не только классификаціи славянскихъ нарѣчій, но и опредѣленія движенія славянскихъ народовъ: попытка эта не можетъ быть признана удовлетворительною, такъ какъ сдѣлана на основаніи одной только примѣты славянскихъ нарѣчій. Статья Шлейхера, помѣщенная въ 8 томѣ Извѣстій Академіи Наукъ, также заключаетъ въ себѣ попытку на основаніи извѣстныхъ звуковыхъ примѣтъ дать характеристику сѣверо-восточной группы европейскихъ языковъ (германскаго, литовскаго, славянска-

го). Въ ней много интересныхъ замѣчаній, но, какъ мы уже сказали, средства, употребленные до сихъ поръ учеными для опредѣленія взаимнаго отношенія между родственными языками, теперь насъ не удовлетворяютъ.

Приступая ближе къ нашему предмету, мы постараемся прежде всего точно опредѣлить типъ предполагаемаго языка, отъ котораго ведетъ свое начало нынѣшній рускій. Для этой цѣли мы должны собрать различныя данныя изъ существующихъ нынѣ славянскихъ нарѣчій и на основаніи этого запаса выдѣлить идеальныя формы, которыя можно обозначить названіемъ праславянскихъ. Такимъ образомъ въ одно и то же время мы узнаемъ отношеніе рускихъ формъ къ прочимъ славянскимъ и къ такъ называемому идеальному состоянію-праславянскому. Изъ этого сличенія мы получимъ понятіе о томъ, какое мѣсто занимаетъ рускій языкъ въ общеславянской средѣ, на сколько онъ отступилъ отъ праславянскаго.

Возьмемъ по-очереди всѣ главныя звуковыя явленія славянскихъ языковъ, ограничиваясь, конечно, только тѣми явленіями, которыя господствуютъ вообще въ цѣлой области каждаго отдѣльнаго нарѣчія. Такъ напр. мы не будемъ касаться выраженія звука ѣ въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, потому что уже на руской

почвѣ звукъ ѣ произносится иначе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ; точно также у Сербовъ въ различныхъ нарѣчіяхъ - различнымъ образомъ. Слѣдовательно, звукъ ѣ, какъ примѣта, не заключающая въ себѣ ничего доказывающаго, не можетъ быть внесена въ число знаменательныхъ для славянскихъ языковъ примѣтъ. - Изъ числа славянскихъ нарѣчій мы будемъ брать только живыя: русское, польское, чешское, сербо-лужицкое.

I. Русское полногласіе

1/ съ сочетаніемъ оро, оло;
2/ съ сочетаніемъ ере, (ело) оло;

Въ противоположность русскому языку всѣ прочія славянскія нарѣчія сходятся въ томъ, что не имѣютъ полногласія, но не сходятся въ томъ, что замѣняетъ у нихъ это звуковое явленіе. Шесть главныхъ славянскихъ нарѣчій сходятся въ негативной примѣтѣ, т.е. всѣ не имѣютъ полногласія, въ соотвѣтствующемъ же послѣднему явленіи развѣтвляются такимъ образомъ:

руск. оро оло

польск. в. луж.с. н. луж.с.	ро, ло	ра, ла;	чешск. словинск. сербск. болгарск.

Такимъ образомъ:

Русская форма голос-ъ = польск. głos
" " = луж. серб. hłos
" " = чешск — hlas
" " = словинск. glas
" " = сербской глас
" " = болгарск. глас

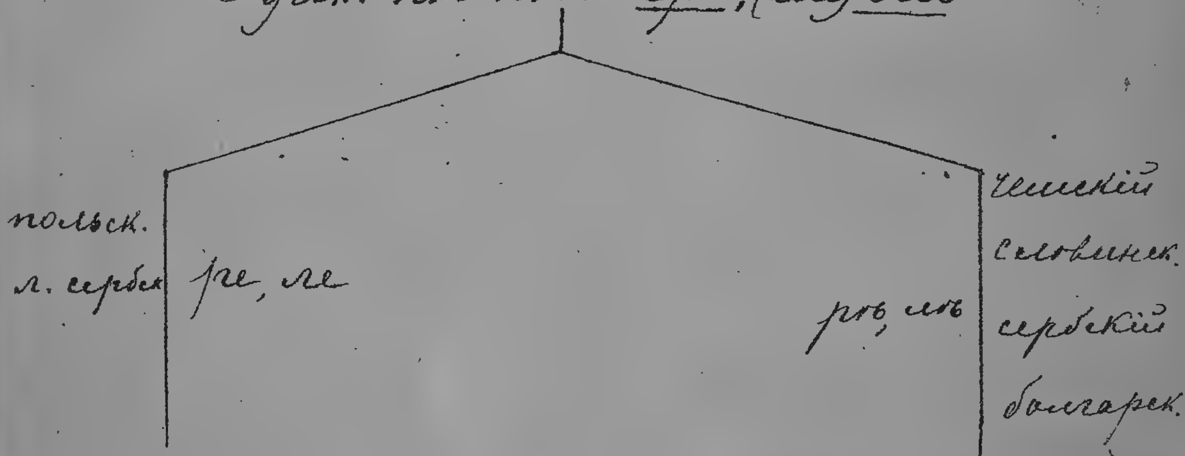
Теперь спрашивается, какая была ихъ общая форма? Въ этомъ случаѣ наука можетъ колебаться и думать, что всѣ славянскія формы произошли изъ русской или же произносились, какъ gols, изъ нея во время единства образовалась форма голос-ъ, а уже изъ этой послѣдней образовались всѣ другія. Другіе, въ числѣ ихъ и проф. Ягичъ полагаютъ, что праславянская форма была gorь, golь, доказательствомъ чего служатъ подобныя же формы въ нарѣчіи полабскихъ Славянъ.

Стало быть въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчалось сочетаніе т+о+l+т, праславянскій языкъ оставался вѣренъ этому сочетанію; когда же началось разъединеніе славянскихъ народовъ, когда стали происходить нынѣшніе славянскіе языки, то съ одной стороны произошло полногласіе, а (въ прочихъ нарѣчіяхъ) съ другой перестановка: для одной группы нарѣчій съ сохраненіемъ звука о, а для другой — съ протяженіемъ этого о въ а

Другая половина русскаго полногласія

является съ сочетаніемъ ере, еле; какъ напр. въ формъ б-ере-за. Эта форма, какъ доказываютъ родственные языки, предполагаетъ не полногласную форму берз-а = нъм. Birke.
Возьмемъ другую форму — молоко. Соотвътствующихъ ей другихъ формъ нътъ, но если сличить ее съ нъмецк. Milch, то увидимъ, что р. молоко есть форма секундарная отъ мелеко, существованіе которой мы хотя и не можемъ исторически доказать, но въ правъ предполагать, что въ доисторическое время она существовала.

Итакъ сочетанію ере нътъ соотвътствующаго еле, которое замънено оло. Представимъ опять графически то различіе, которое оказывается въ соотвътствующихъ этому сочетанію славянскихъ формахъ.

Въ последнемъ случаъ, какъ видимъ, вмъстъ съ перестановкой произошло протяженіе гласной е въ ѣ.

Такимъ образомъ:

Русская ф. берез-а, берег-ъ = польск. brzeg, brzoza вм. breza, которая не существуетъ.

" " " = в. луж. с: brěza, brjoh

" " " = н. луж. с: brjoza, brjog (brjoza, brjog.

" " " = чешск. bříza, břeh;

" " " = словинск. brěza

" " " = сербск. бреза (брjеза)

" " " = болгарск. брезà

Русск. форма молоко = польск. mleko

" " = л. сербск. млоко

" " = ц. слав. млѣко

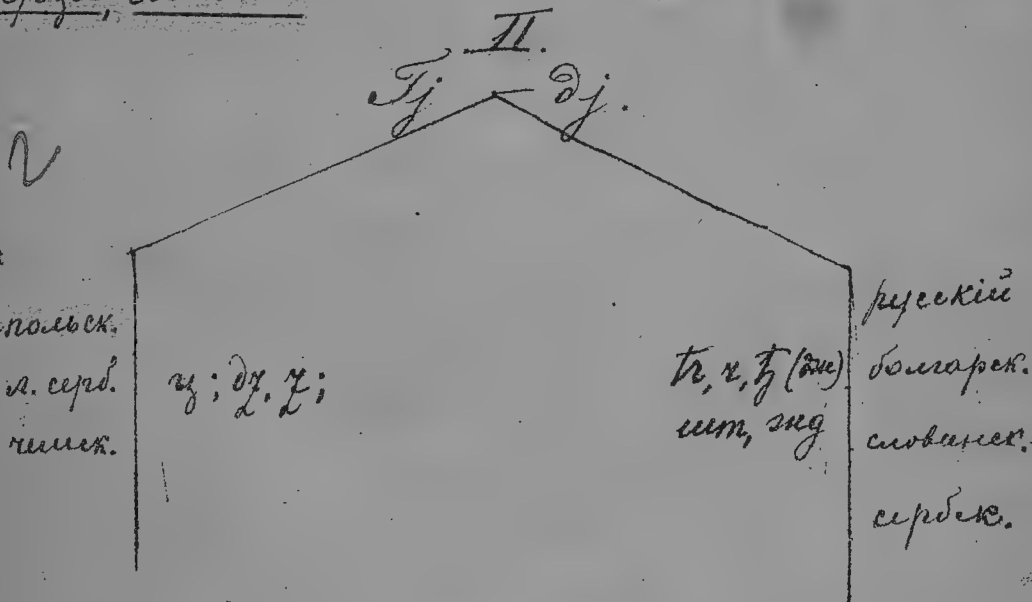
" " = чешск. mléko

" " = сербск. млиjеко

" " = болгарск. млѣко, мляко

Праславянская форма была очевидно: берза, мелко

II.

Такимъ образомъ: р. ф. свѣча = польск: świeca

" " = л. серб. swěca

" " = чешск. svíce (с.м. svieca)

р. ф. межа = польск. miedzy (miedzy)

р. ср. межа = л. сербск. mjeza - máza (чит. мяза)
" " = чешской mez - meze
р. ср. свѣча = болг. свѣщта
" = слов. svěča
" = сербск. свијећа
р. ср. межа = болг. межда
" = слов. meja
" = сербск. међа.

Праславянская форма должна приближаться къ сербской: свѣтя, медя.

III.

Этимологич. сочетаніе tl и dl

польск. л. серб. чешск.	tl, dl;	л	русск. болгарск. словинск. сербск.

т. е. одна группа нарѣчій удерживаетъ звуки t и d, а другая - теряетъ

Такимъ образомъ:

р. ср. плела = ц. слав. плела
" = польск. plotła
" = л. серб. pletła
" = чешск. pletla
р. ср. молиться = польск. modlić się
" = л. серб. modlić - modliś (se)
" = чешск. modliti se
р. ср. плела = болг. плела
" = слов. plela

р. ср. пила = сербск. пила.

р. ср. молиться = болг. молѣ се (молимсе)

" = слов. molim

" = л. серб. молим.

Праславянскія формы будутъ имѣть зв. d и t.

IV.

Сочетаніе губныхъ звуковъ b, p, v, m съ j.

Это явленіе также развѣтвляется: въ одной группѣ языковъ замѣчается смягченіе губныхъ звуковъ, которое мы будемъ обозначать знакомъ ', а въ другой — лабіализмъ.

Bj, pj, vj, mj

польск.
л. серб.
чешск.

b', p', v', m'

бл, пл, вл, мл.

русскій
словинск.
сербскій
болгарск.

Такимъ образомъ р. ср. земля, кормило = пол. karmię, ziemia

" " " " = л. с. kormjenje, zemja;

" " " " = чешск. země, krmě;

" " " " = серб. земља, крмљен

" " " " = болг. земля и земя

Относительно праславянской формы нужно предположить, что она приближалась къ формамъ западныхъ нарѣчій, не имѣя идей лабіализма

V. ъ — ь.

Особенность языковъ славянскихъ заключается еще въ томъ, что кромѣ полныхъ гласныхъ

Литографія Фомина, Горохов. 17.

звуковъ они имѣютъ два полугласныхъ или глухихъ звука ъ и ь. Разнообразіе въ передачѣ ихъ у славянскихъ народовъ весьма большое и можетъ быть разграничено слѣдующимъ образомъ: на одной сторонѣ стоятъ нарѣчія, въ которыхъ произношеніе ъ и ь совпадаетъ, т.е. ъ=ь, на другой произношеніе различается, т.е. ъ>ь

ъ, ь.

чешскій словинск. сербо-хорв.	ъ=ь	ъ>ь	русскій болгарск. польск. л. серб.

Такое разграниченіе относится къ доисторическому времени. Въ историческое время 1я группа распалась, т.е.

ъ=ь

чешскій словинск.	е	а	сербо-хорв.

Вторая группа также распалась, но при этомъ такъ, что звуки ъ и ь, каждый отдѣльно произносились различно:

ъ>ь

польск.	е, и	о, е,	русскій в. л. сербск. болгарскій,

который сюда принадлежитъ только от-

части, потому что въ немъ звуки ъ и ь иногда произносятся какъ о и е, а иногда не измѣняютъ своей формы.

Языки: польскій и л. сербскій раздѣлились въ свою очередь: л. сербскій примкнулъ къ русскому, но не вполнѣ, такъ какъ въ нижнемъ л. сербскомъ нарѣчіи звуки ъ и ь произносятся какъ е, причемъ ъ = твердому е, а ь = мягкому е. Напр. русская форма сонъ, день = чешской и словинской sen, den (dén), сербской - san dan, польской: sen, dzien, л. сербск. son, dźeń. Русская форма мохъ (въ которой о бѣглое) = ц. слав. мъхъ, чешской и словинск. mech, сербской мах, сербо-лужицкой mock (въ в. лужицкомъ нарѣчіи) и mech (въ н. лужицк.), которая совпадаетъ съ польской ф. mech.

Къ какому же выводу приводитъ насъ это различіе въ произношеніи относительно праславянской формы? Мы должны сказать, что изъ русскихъ формъ, въ которыхъ такъ явно различается твердое и мягкое произношеніе ъ<ь = о<е, мы едва-ли можемъ вывести сербскую форму мах; слѣдовательно, приходится предположить, что праславянская форма имѣла два глухихъ гласныхъ, которые, вѣроятно, произносились такъ, что для звука ъ былъ звукъ, склонявшійся въ своемъ произношеніи къ твердому о и къ твердому е (съ очень краткимъ глухимъ произношеніемъ), для звука ь былъ также глухой звукъ, колебавшійся въ произношеніи между крат-

ками е и і (съ оттѣнкомъ мягкости).

VI.

Явленіе назализма ясно выражалось въ церковнославянскомъ языкѣ звуками ѫ и ѧ и существовало также когда-то въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

а) Возьмемъ звукъ ѫ. Тутъ опять можно сказать, что всѣ нынѣшнія нарѣчія дѣлятся на три группы: къ первой относится церковно-славянскій и польскій языки, которые сохранили назализмъ въ произношеніи; сюда же относилось когда-то и словинское нарѣчіе, въ которомъ ѫ теперь произносится, какъ ô; въ IX в. оно произносилось еще съ носовымъ оттѣнкомъ. Напр. польск. формы:

Kęs (кусокъ) = словинск. kôs
węgiel (уголь) = " " vôgel
kąkol (куколь) = " " kôkol
mąż (мужъ) = " " môž

~~показываютъ, что~~ несомнѣнно потерявшіе звукъ н, замѣнили его долгимъ произношеніемъ звука о.

Ко второй группѣ славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ отнести теперь словинское и болгарское нарѣчія, въ которыхъ также нѣтъ носовыхъ звуковъ, а звукъ ѫ (замѣняющій ихъ, произносится глухо, какъ ъ, и въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ а или какъ о (въ македонскомъ нарѣчіи, какъ о) Примѣры:

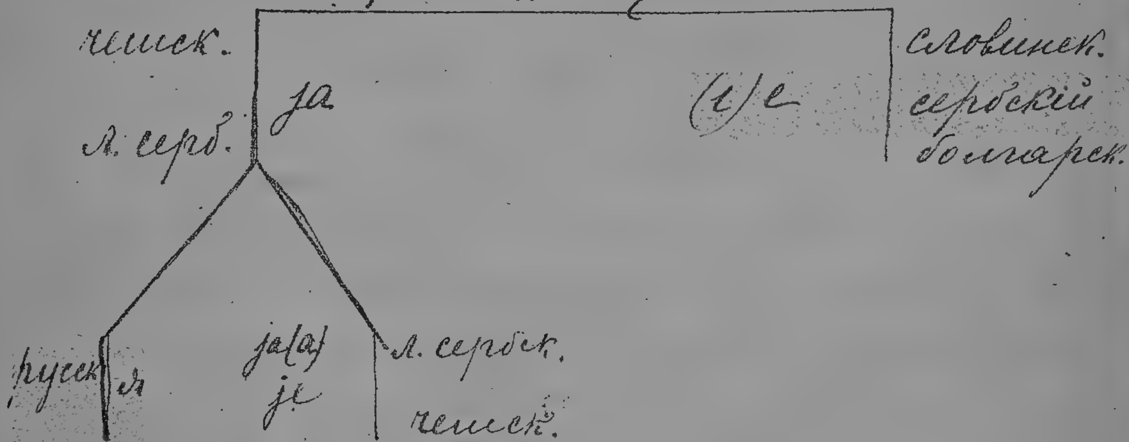
ъ = ѫ = а:

къс = кѫс = кас
мъж = мѫж = маж;

Третья группа славянских нарѣчій, къ которой принадлежатъ языки русскій, лужицко-сербскій, чешскій и сербскій совпадаетъ въ произношеніи ѫ = у. Примѣры:

чешск: kus, ukol, muž;
л. серб: muž, wuklo, kus;
сербск: кус, узао, муж.

Безъ сомнѣнія, праславянская форма имѣла носовой звукъ, т.е. ѫ = ōn или ǫ.
в) ѧ. По отношенію къ звуку ѧ произошло такие развѣтвленіе. Польскій языкъ въ которомъ существуетъ носовое произношеніе этого звука, составляетъ первую группу развѣтвленія, такъ что ѧ = польск. ę или ię. Всѣ прочія славянскія нарѣчія не знаютъ носового произношенія, но замѣняютъ звукъ ѧ звуками: (i)e[x] въ словинскомъ, сербскомъ и болгарскомъ, ia въ чешскомъ и лужицко-сербскомъ.

При этомъ, какъ видно изъ графиче

x прежде ię, теперь e

ческаго изображенія, опять происходитъ развѣтвленіе группы ia (ja): русскій языкъ произноситъ этотъ звукъ постоянно, какъ я, а въ лужицко-сербскомъ встрѣчается чередованіе ja или a и je. Въ словинскомъ, сербскомъ и болгарскомъ, гдѣ наблюдается постоянное произношеніе -e, встрѣчаются изрѣдка оттѣнки этого произношенія, для насъ, впрочемъ, не важные. Чередованіе звуковъ ja и je въ лужицко-сербскомъ и чешскомъ обусловливается качествомъ слѣдующаго звука: если слѣдуетъ звукъ твердый, то ja или a, если мягкій, то je; напр. русская форма пять = чешской pět (читать: pjet), пятый = чешск. pátý. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ и. a произошелъ изъ ja, такъ какъ въ с. лужицкомъ нарѣчіи въ этой же формѣ ясно различается мягкое произношеніе звука a. Напр. польск. mięso, ч. maso, л. сербск. mjaso (н. л. серб. mjeso) южнослав. meso; польск. święty, л. серб. swjaty, (н. л. серб. swjety) ю. слав. svete.

Основная, праславянская форма безъ всякаго сомнѣнія приближалась къ польской и была (пент-) съ носовымъ произношеніемъ.

VII.

О такъ называемомъ r sonans и l sonans.

r sonans

1.			2.
чешскій, словинск. сербскій болгарск.	сохранили слогообразовательность звука r.	несохранили слогообразовательность	русскій польск. л. сербск.

Въ передачѣ этого слогообразовательнаго r существуетъ много разнообразія во второй группѣ.

Русскій языкъ передаетъ его въ формахъ:
1) ер и ор (древнерусское ьр-ър)
2) ре и ро (древнерусское рь, ръ)

Въ церковно-славянскомъ языкѣ r sonans передается, какъ ръ или рь; въ польскомъ языкѣ существуютъ разнообразныя формы въ передачѣ его: главнѣйшія изъ нихъ ier и ar; въ л. сербск. верхнелуж. сходно съ русскимъ, нижнелуж. сходно съ польскимъ.

Праславянская форма со слогообразовательнымъ r должна писаться черезъ ър, напр. гърдъ (польск. gard, н. л. серб. gjard, русск. гордъ, в. л. сербск. hord, чешск. hrd, ю. слав. грд; польск. ziarno, н. л. серб. zerno, в. л. серб. zorno, русск. зерно, чешск. zrno и ю. слав. zrno, праслав. зърно; польск. wierzch, н. л. сербское wierch, в. л. серб. wjeřch, чешск. vrch и ю. слав. vrh (врх), прасл. вьрхъ)

VIII.

L sonans. По отношенію къ этой примѣтѣ всѣ славянскія нарѣчія разделяются на двѣ главныя группы;

въ одной изъ нихъ l sonans существуетъ или существовалъ очень долго, въ другой вмѣсто него являлась какая нибудь гласная съ l. Такимъ образомъ въ одной группѣ l существовалъ, какъ сонантъ, а въ другой къ нему присоединялась помощь l или o. Къ первой группѣ нарѣчій относятся языки: болгарскій, сербскій, хорватскій, словинскій и чехо-словацкій. Прочіе языки примкнули къ той группѣ, которая въ историческое время не знала сонантизма l, причемъ и здѣсь въ историческое время произошли разнообразныя явленія: l sonans существуетъ теперь еще въ болгарскомъ нарѣчіи и особенно часто въ встрѣчается въ формахъ чехо-словацкаго нарѣчія. Такъ напр. ф. слъньце (въ русскихъ памятникахъ писавшееся сълньце), въ болгарскомъ языкѣ произносится съ l sonans, пишется же иногда сълнце, иногда слънце, смотря по мѣстностямъ: въ чешскомъ нарѣчіи звукъ l произносился прежде, но теперь уже произносится довольно рѣдко, напр. vlk, mlčeti (молчать), slunce, chlum, hluk, tlusty; въ словацкомъ нарѣчіи эта форма сохранилась въ видѣ: dlhy, dlh, chlm, plk, slnce, stlp, tlsty. Словинцы въ историческое время стали прибавлять помощь гласнаго, и у нихъ до сихъ поръ существуетъ ф. solnce, dolgi, tolsti и т. д., въ которой однакоже l не произносят-

ся. Въ сербскомъ языкѣ въ историческое время звукъ л̥ черезъ уо развился въ у, какъ напр. въ ср.-р.: сунце, дуг, вук, ступ, жути и пр.

Въ группѣ сѣверо-западныхъ нарѣчій нельзя доказать непрерывнаго существованія вибрирующаго л̥. Въ русскомъ языкѣ оно произносится то, какъ ол (древнерусск. ъл), то, какъ ло (древнерусск. лъ). Польскій примкнулъ къ нему въ отношеніи присоединенія гласной, но съ такимъ видоизмѣненіемъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда л̥ произносился твердо, предшествовавшій ему гласный былъ е, въ тѣхъ же случаяхъ, когда л произносился мягко, ему предшествовалъ звукъ і: напр. русск. холмъ = польск. chełm; р. молчать = milczeć; р. ползать = польск. pełzać; р. волкъ = польск. wilk; въ польскомъ есть и łu: długi = долгій, tłusty = толстый. Н.-луж.-сербское нарѣчіе примкнуло въ этомъ отношеніи къ польскому, вѣрнѣе л. с. – къ русскому языку, но съ нѣкоторыми отступленіями, напр. в. л. сербск. dołhi = русск. долгій = н. л. сербск. dłujki = польск. długi; в. л. сербск. stołp = русск. столпъ, н. л. сербск. stołp = польск. słup;
в.л.с. tołsty = р. толстый = н. л. с. tłusty = польск. tłusty; но р. молчать = в.л.с. mjelčeć = н. л. с. mełcaś; р. волкъ = в. л. с. wjelk = н. л. сербск. wełk.

Когда въ историческое время звукъ л̥ сдѣлался твердымъ, то и предшествовавшая ему гласная являлась въ видѣ твердаго о

въ русскомъ и е въ луж. сербскомъ и польск. языкахъ. Вліяніе твердости или мягкости согласной л на выборъ предшествующей гласной видно изъ такихъ примѣровъ, какъ въ в. луж. сербскомъ нарѣчіи: pol-ny и pielnié.

IX

О звукѣ ы. Мы уже говорили, что не всѣ нарѣчія отличаютъ звукъ ы отъ и. Къ числу не различающихъ относятся:

1) всѣ юго-славянскія нарѣчія;
2) чешско-словацкое и
3) отчасти русскій яз. (южно-русское нарѣчіе).

Къ числу различающихъ относятся:

1) книжно-русское нарѣчіе
2) польскій яз. и
3) лужицко-сербское нарѣчіе.

Всѣ югославянскія нарѣчія, какъ мы уже сказали, не знаютъ различія ы отъ и; южно-русское нарѣчіе отличается такимъ же приблизительно среднимъ твердымъ произношеніемъ этихъ звуковъ. Западныя нарѣчія отличаютъ произношеніе ы и и отчасти только въ письмѣ, какъ напр. на это указываютъ формы: tich и byti. Въ чешскомъ нарѣчіи звукъ ы произносится не такъ, какъ въ русск. языкѣ, но какъ твердое и и различается въ письмѣ, но не въ произношеніи. Польскій и лужицко-сербскій языки сходны съ русскимъ въ томъ отношеніи, что различаютъ твердое и мягкое произношеніе; послѣднее отражается главнымъ образомъ на предшествующей согласной; напр. tykać, dym, но ciecy

(даже sicky), dzіki (даже zіky) пишутся черезъ і.
Праславянскій языкъ различалъ звукъ ы отъ и; въ древнѣйшія времена произношеніе его было такое же твердое, какъ теперь, предшествовавшія же звуку и согласныя t и d, несмотря на его ~~твер~~мягкость и различіе отъ ы, оставались цѣльными

X.

О звукахъ е–ѣ. Въ связи съ вопросомъ о звукѣ ѣ стоитъ вопросъ о произношеніи звука е въ настоящее и древнѣйшее время. Мы знаемъ, что теперь русскій языкъ подъ вліяніемъ ударенія можетъ изъ простаго звука е сдѣлать звукъ ё (жена - жёны) Подобное же явленіе перехода е въ ё (=о) наблюдается въ польскомъ и луж. сербскомъ языкѣ. Не существуетъ этого въ чешскомъ съ діалектами и всѣхъ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ со включеніемъ церковно-славянскаго языка. Напр. русское, сербское, словинское, чешское чело = польск. czoło, в.л.с. čoło н. л. с. coło; русск., сербск., словинск., болгарск, чешск. сестра = польск. siostra, л.сербск. sotra - sotša; русск., сербск. словинск., болгарск., чешск. ведро = польск. wiodro. Переходъ изъ е въ ё обусловленъ въ русск. языкѣ другими причинами, нежели въ польскомъ или л. сербскомъ; напр. въ русск. языкѣ главную роль играетъ удареніе, въ польскомъ же - качество слѣдующаго слога. Но нужно прибавить при этомъ, что въ польскомъ языкѣ послѣ гортанныхъ г, к,

нымъ этого перехода е въ о.

Праславянскій языкъ этого перехода не зналъ: для него звукъ ѣ имѣлъ значеніе простого краткаго звука е съ небольшою примѣсью тонкости или мягкости. Звукъ ѣ теперь произносится, какъ е, въ русскомъ безъ различія; въ церковно-славянскомъ языкѣ это былъ протяжно-узкій звукъ ѣ, который послѣ палатальныхъ замѣнялся звукомъ а, напр. въ ф. мож(а/ѣ)ще вм. можѣще. То же явленіе наблюдается при производствѣ глагольныхъ формъ многократнаго вида, напр. отъ плетѫ - плѣтати, отъ рекѫ - (на)рѣкати и пр. Многократная форма жѣгати отъ жегѫ въ древнѣйшихъ памятникахъ является въ видѣ жагати.

Отсюда мы можемъ заключить, что въ праславянскомъ языкѣ этого перехода не было, и наше слово часъ произносилось, какъ чѣсъ, бѣжати какъ бѣжѣти. Въ польскомъ языкѣ глаголъ слышать и теперь произносится słyszeć, бѣжать: bieżać. Что произношеніе звука ѣ послѣ палатальныхъ сильно колебалось, это видно изъ ф. ѣмь и производной - ясли; изъ русской ф. орѣхъ, которой въ сербскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ф. орах, прежняя оряхъ.

Праславянскій языкъ этихъ колебаній не зналъ.

Благодаря особой мягкости произношенія звука е, о которомъ мы уже говорили, сочетанія te (= t+e) и de (= д+е) произно-

сятся теперь въ русскомъ языкѣ мягко, но мягкость, благодаря историческимъ традиціямъ не обозначается, въ польскомъ же языкѣ еще мягче, гдѣ они пишутся черезъ cie и dzie точно также, какъ и въ лужицко-сербскомъ съ тою разницей только, что въ верхне-лужицк. нарѣчіи форма те пишется черезъ će, но произносится одинаково; въ нижне-лужицкомъ нарѣчіи она произносится еще мягче — śe, а форма де, какъ źe.

Между тѣмъ какъ сѣверо-западная отрасль языковъ шла по направленію мягкаго произношенія, на югѣ въ сочетаніяхъ де и те слышалось даже не русская твердость произношенія, свойственная и южно-русскому нарѣчію: всѣ юго-славянскіе языки и чешское нарѣчіе за исключеніемъ словацкаго произносили те и де твердо.

Праславянскій языкъ, вѣроятно, не зналъ такой крайности произношенія вышеуказанныхъ сочетаній, какъ въ польскомъ и лужицко-сербскомъ, не зналъ и абсолютной твердости юго-славянскихъ нарѣчій, а скорѣе, нужно предположить, приближался къ русскому. Напр.: теку = сербск. течем, но польск. ciekam, в.л.с. ćekać, н.л.с. śakaś, праслав. текѫ; русск. девять = сербск девет, но польск. dziewięć, в.л.с. dźewjeć, н.л.с. źaseś, праслав. девѧть.

XI. р — рь.

Въ русскомъ языкѣ существуетъ твердое и мягкое произношеніе этого звука:

ра, ры, ру; ря, ри, рю. Можно предположить, что подобное же произношение существовало и въ древнерусскомъ, и въ праславянскомъ языкѣ. Мягкость произношенія въ одной части славянскихъ нарѣчій шла дальше: такъ въ польскомъ, лужицко-сербскомъ и чешскомъ (за исключеніемъ словацкаго нарѣчія) р+е приняло свистящій характеръ, т.е. ре = rze, т.что русская форма ребро = польск. rzebro, при чемъ произношеніе звука р здѣсь такъ невнятно, что его теперь въ иныхъ словахъ выкидываютъ и пишутъ żebro. Въ чешскомъ р = ř, такъ что русское море = moře.

Юго-славянскія нарѣчія не знали мягкости произношенія звука р, такъ что русская форма море = болгарск. и серб. море, которая - если бы въ болгарскомъ языкѣ были падежи, - должна оканчиваться въ род. падежѣ на а; русск. ф. царь = болг. цар. Въ словинскомъ языкѣ встрѣчаются формы и съ мягкимъ р, точно также какъ и въ лужицко-сербскихъ (в. и нижнемъ) нарѣчіяхъ, такъ что р. форма море = л. сербск. morio. Если же звуку р предшествуютъ звуки k, p, t, то въ л. сербскомъ р измѣняется въ ш; русское три тамъ произносится, какъ тши (tři), при чемъ въ нижне-лужицк. нарѣчіи встрѣчаются еще болѣе курьезные оттѣнки произношенія.

XII. Лъ-ль.

То же, что мы сказали о звукѣ ръ-рь, можно сказать и о звукѣ лъ-ль. Несомнѣнно, праславянскій языкъ зналъ эту разницу въ произношеніи, существующую теперь въ русскомъ языкѣ, польскомъ и лужицко-сербскомъ и не существующую теперь въ чешскомъ языкѣ, хотя въ прежнихъ столѣтіяхъ она существовала, вслѣдствіе чего и обозначается въ памятникахъ XIII и XIV в., печатаемыхъ въ новѣйшее время. Нужно сказать, что русскій языкъ знаетъ теперь два звука л и ль; сербскій также два: л и љ, но русскій твердый звукъ л не совпадаетъ въ произношеніи съ сербскимъ твердымъ. ~~Послѣдній знаетъ и мягкій звукъ л, выражающійся на письмѣ знакомъ~~. Разница между сербскимъ мягкимъ љ и русскимъ заключается въ различномъ произношеніи сочетаній - сербскаго љи и русскаго ли, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ есть только разница ле и лѣ. Такимъ образомъ русск. лъ = польск. ł; сербск. среднее л = чешскому среднему л; сербск. љ = русск. мягкому л (ь). Польскій языкъ совпадаетъ съ русскимъ, т.е. знаетъ твердый звукъ л = ł и мягкій l (= ль). Отсюда мы видимъ, что нѣтъ ни одного живого нарѣчія, которое бы знало всѣ три звука л: твердый, средній и мягкій.

Для праславянскаго языка можно сдѣлать такой выводъ, что онъ зналъ всѣ три л: твердый (зналъ), средній (знали) и смягченный или мягкій (учителю)

Chaire

XIII. Г-К и переходъ гортанныхъ.

Мы знаемъ, что не всѣ славянскія нарѣчія теперь знаютъ зв. г: иныя произносятъ его, какъ h. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся: ю. русское, чешское со словацкимъ и в. лужицкое. Польскій, н. лужицкое нарѣчіе, всѣ юго-слав. и книжно-русское нарѣчіе знаютъ звукъ г. Несомнѣнно, что и праславянскій языкъ зналъ звукъ г, но не h. Далѣе нужно замѣтить, что переходъ звуковъ: г въ ж и з, к-въ ч и ц, х-въ ш и с былъ извѣстенъ и праславянскому языку (ржка-ржцѣ); богъ-бозѣ; доухъ-доусѣ). Но нужно прибавить, что эти секундарные звуки, шипящіе и свистящіе, были въ древнее время мягкіе, такъ что въ праславянскомъ языкѣ звуки ж, з, ч, ц, ш, с произносились съ мягкимъ оттѣнкомъ; въ древнѣйшихъ памятникахъ эта мягкость тогда писалась, напр. дат. пад. отъ слъньце-слъньцю (оу)

XIV. О количествѣ гласныхъ.

Нѣкоторыя славянскія нарѣчія

умѣютъ различать количество гласныхъ (quantitas), другія же нѣтъ. Къ числу умѣющихъ различать $\bar{a}$ отъ $\breve{a}$, $\bar{e}$ отъ $\breve{e}$ принадлежатъ языки: сербо-хорватскій, словинскій, чешскій и словацкій. Польскій, л. сербскій (в. лужицкое, кажется, еще отчасти знаетъ различіе); русскій и болгарскій умѣютъ только различать ударенный отъ неударяемаго слога.

Относительно праславянскаго языка мы въ правѣ предположить, что онъ умѣлъ различать краткость и долготу гласныхъ.

XV. Удареніе.

Нѣкоторыя изъ славянскихъ нарѣчій еще по сію пору отличаются движеніемъ акцента, другія лишились уже этой способности. Къ числу первыхъ принадлежатъ: русскій, болгарскій, сербскій, словинскій; всѣ прочіе замѣнили движеніе акцента 1) удареніемъ на первомъ слогѣ постоянно (чешскій и л. сербскій), 2) удареніемъ над предпослѣднемъ слогѣ постоянно (польскій - за немногими исключеніями)

Относительно праславянскаго языка можно предположить, что ему было свойственно движимое удареніе.

Литогр. Фомина, Гороховъ., 17.

Особенности морфологическія.

Мы видимъ, что праславянскій языкъ въ извѣстномъ количествѣ случаевъ, повторявшихся въ цѣлой области языка, имѣлъ свой особенный типъ фонетическій, составлявшій его характеристическое единство, отличавшее его отъ всѣхъ прочихъ родственныхъ языковъ. Обозрѣвая всѣ характеристическія особенности звуковъ, мы получили однакоже не полное представленіе о праславянскомъ языкѣ: такъ какъ языкъ вообще полонъ движенія, то къ указаннымъ звуковымъ примѣтамъ надо присоединить еще нѣсколько формальныхъ.

I. Несомнѣнно, что праславянскій языкъ имѣлъ болѣе тонкое чутье, чѣмъ то, которое существуетъ теперь между <u>а</u>-темами и <u>у</u>-темами склоненія, совпавшими вслѣдствіи, вѣроятно, потому, что уже въ именительномъ падежѣ совпали въ одно слова: <u>бог-ъ</u> и <u>сын-ъ</u>; что эти темы совпали, намъ извѣстно изъ того, что звукъ <u>ъ</u> представляетъ послѣдній результатъ ослабленія двухъ различныхъ звуковъ: <u>ă</u> и <u>ŭ</u> (bag-<u>as</u> и sun-<u>us</u>). Въ церковно-славянскомъ языкѣ разница въ склоненіи упомянутыхъ двухъ именъ еще существуетъ (хотя въ древнѣйшихъ памятникахъ въ формахъ этихъ именъ замѣтно колебаніе), вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право предполагать, что въ праславянскомъ языкѣ существовало различіе между <u>а</u>-темами

и у-темами въ слѣдующемъ видѣ:

	ед. ч.	
И. В.	богъ (а);	сын-ъ (й).
Р.	бог-а;	сын-оу
Д.	бог-оу;	сын-ови
Т.	бог-омь;	сын-омь
З.	бож-е;	сын-оу
М.	боз-ѣ;	сын-оу.

Множ. число:

И. Бози	Сынове
Р. Богъ	Сыновъ
Д. Богомъ	Сынъмъ (сыномъ)
В. Богы	Сыны
Т. Богы	сынъми
М. Бозѣхъ	сынъхъ (сынахъ)

Двойств. число.

И. В. З. Бога	Сыны
Р. М. Богоу	сыноу
Д. Т. Богома	сынъма.

есть формы, доказывающія, что церковно-славянскій языкъ въ нѣкоторыхъ падежахъ уже утратилъ разницу между а- и и-склоненіями (напр. род. падежъ сына вм. сыноу), а праславянскій языкъ различалъ его въ полномъ видѣ; наша форма (изъ) дому ясно указываетъ на то, что существительное домъ принадлежало къ у-темамъ.

2) Извѣстно, что въ церковно-славянскомъ языкѣ много именъ существительныхъ женскаго рода въ родительн. пад. единственнаго числа на и, и въ склоненіи ихъ преобладаетъ этотъ же звукъ. Но онъ (ц.слав.яз.) зналъ также ограниченное число словъ на и и мужскаго рода, изъ которыхъ

сохранилось въ русскомъ языкѣ только существительное путь. Въ праславянскомъ языкѣ несомнѣнно гораздо большее количество словъ склонялось по i-склоненію. Укажемъ напр. на слово огонь, родит. пад. огня, въ которомъ звукъ о прибавленъ для болѣе легкаго произношенія. Въ ц. славянскомъ языкѣ эта форма писалась безъ о, огнь-лат. ignis, и хотя тема его на i, однакоже родительный пад. - огнꙗ; въ древнѣйшихъ ц. слав. памятникахъ можно найти и ср. огни. Такимъ образомъ мы въ правѣ предположить, что въ праславянскомъ языкѣ это слово (и ему подобныя) принадлежало къ i-склоненію.

3) Далѣе мы должны сказать, что особенности церковно-славянскаго языка заключающіяся въ склоненіи консонантическомъ (око-очесе, иго-игесе, корꙗ-корене, любы-любве), составляющія для него уже рѣдкость, для праславянскаго языка были полнымъ жизни правиломъ.

4) Относительно склоненія именъ прилагательныхъ можно сказать, что въ русскомъ языкѣ они теперь склоняются только по образцу сложнаго склоненія, а въ сербскомъ - по образцу простаго или номинальнаго склоненія, напр. добар човек, добра човека. Въ русскомъ, чешскомъ и польск. существуютъ остатки номинальнаго склоненія.

Для праславянскаго языка мы въ правѣ предположить существованіе номинальнаго склоненія въ полномъ объемѣ, т.е. во всѣхъ падежахъ. Но и сложное склоненіе въ немъ существовало гораздо нагляднѣе, составныя части его

обнаруживались отчетливые, нежели теперь.

Возьмем ф. добра-аго, которую судя по произношению въ русскомъ языкѣ, слѣдовало бы писать „доброво". Эта форма въ ц. славянскомъ языкѣ какъ пишется, такъ и произносится одинаково и имѣетъ свое историческое основаніе, такъ какъ представляетъ стяженіе формы добрааго (черезъ ассимиляцію), а эта послѣдняя изъ добра+юго. Послѣдняя форма встрѣчается и теперь въ древнѣйшихъ памятникахъ ц. славянскаго языка, (напр. въ Зографскомъ Евангеліи). Мы въ правѣ предположить, что ц. славянскій языкъ зналъ и. Форма дательнаго падежа доброму, прежде доброумоу или доброуумоу (изъ доброуюмоу), которая встрѣчается очень рѣдко, была, вѣроятно, и въ праславянскомъ языкѣ въ числѣ прочихъ формъ сложнаго склоненія.

5. Скажемъ нѣсколько словъ о спряженіи. Въ русскомъ языкѣ оно, какъ извѣстно, сильно пострадало и имѣетъ только одно настоящее и прошедшее. Ц. славянскій языкъ зналъ при этомъ прошедшемъ еще аористъ и imperfectum. Праславянскій языкъ, несомнѣнно, зналъ также оба эти прошедшія. Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ отъ глагола нести мы имѣемъ только одну форму прошедшаго: несъ и несла.

Въ ц. славянскомъ и праславянскомъ языкѣ кромѣ того были формы:

а) простаго или несигматическаго аориста: 1е л. ед. числа нес-ъ; 3е л. множ. ч. нес-ѫ.

в) обыкновеннаго сигматическаго аориста

нес-охъ, несоша

c) сигматическаго аориста древнѣйшей формацiи: 1л. ед. ч. нѣ-съ (=нес+съ)

3л. мн. ч. нѣ-ся.

d) imperfectum: нес-ѣхъ или нес-яхъ

e) Кромѣ того праславянскiй языкъ, можетъ быть, зналъ еще будущее время, оканчивавшееся на съ или шѧ, незначительные остатки которыхъ сохранились въ древнѣйшихъ памятникахъ; такъ въ одномъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ: „о бывшихъ и бышѧщихъ". Послѣдняя форма доказываетъ, что праславянскiй языкъ умѣлъ производить будущее отъ темы неопредѣленнаго съ прибавленiемъ с (сигмы).

Отношенiе праславянскаго языка къ родственнымъ индоевропейскимъ.

Усвоивъ главное понятiе о томъ, въ какомъ видѣ могъ существовать праславянскiй языкъ, скажемъ нѣсколько словъ объ отличительныхъ особенностяхъ его сравнительно съ другими индоевропейскими языками. Къ этимъ особенностямъ относятся:

1) богатое развитiе палатализма*), т.е. перехода гортанныхъ въ шипящiе и свистящiе звуки. Достаточно сличить нѣсколько праславянскихъ формъ съ соотвѣтствующими литовскими, чтобы убѣдиться въ существованiи этого явленiя. Мы беремъ для сравненiя литовскiя формы, какъ

*) palatum - нёбо

ближайшія родственныя, такъ какъ группа языковъ славянскихъ и группа языковъ или нарѣчій литовскихъ составляютъ какъ бы двѣ вѣтви одного большаго дерева, разъвѣтвившiяся въ самое позднее время. Къ группѣ нарѣчій литовскихъ относится латышское, литовскій языкъ и вымершее прусское нарѣчіе.

Праславянская и русская форма четыре = литовская keturi. Отсюда мы заключаемъ, что переходъ зв. к въ ч составляетъ грань, раздѣляющую литовскій языкъ отъ славянскихъ. Праславянск. и русск. форма желѣзо = лит. geležis. Праслав. ф. жьлтыие, русская - желтый = лит. geltas. Праслав. и р. жила = лит. gysla; праслав. и р. живъ = = лит. gyvas и пр.

При этомъ нужно замѣтить, что въ нынѣшнемъ латышскомъ нарѣчіи уже замѣчается явленіе палатализма: такъ ф. желѣзо = латышск. dzelze, желтый = dzeltas.

Что касается второй половины палатализма, т.е. перехода небныхъ въ свистящіе, то нужно предположить, что и онъ существовалъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя въ иныхъ, напр. въ нашемъ русскомъ языкѣ теперь въ склоненіи и спряженіи этотъ законъ не соблюдается (рукѣ, помогите) Сюда однакоже относятся разныя окончанія на цъ, ца и це, на зь, которыхъ въ литовскомъ языкѣ нѣтъ. Возьмемъ примѣр

рыи:

Слав. ср. вѣнѣцъ = русск. вѣнецъ = лит. vainikas;
" " кнѧзь = лит. kūningas;
" " дроугъ, дроуже = лит. draugas, drauge;
" " рогъ, розе = лит. ragas, rage;
" " вълкъ, вълче = лит. vilkas, vilke и пр.

Большое богатство уменьшительныхъ суффиксовъ придаетъ славянскимъ языкамъ что-то современное; говоря другими словами, они также относятся къ родственнымъ языкамъ, какъ романскія нарѣчія къ латинскому. Этотъ характеръ модернизаціи усиливается съ каждымъ днемъ. Такъ наша уменьшительная форма сестрица имѣетъ только ласкательное значеніе, между тѣмъ какъ соотвѣтствующая ей сербская форма означаетъ „возрастъ". Славянскіе языки во многихъ случаяхъ забыли, что при уменьшительныхъ формахъ были когда-то болѣе простыя формы. Такъ мы знаемъ форму овь-ца, какъ самую простую, не придаемъ ей ласкательнаго оттѣнка, а между тѣмъ литовскій языкъ знаетъ болѣе простую форму: avis. Отсюда мы въ правѣ предположить, что и въ славянскомъ языкѣ существовала ф. овь, ови. Или возьмемъ ф. сердце = праслав. сьрдьце — основа ея сьрдь-, и если бы она существовала въ такомъ видѣ, то вполнѣ бы совпадала съ лит. širdis

2) Другая характерная черта праславян-

скаго языка состоитъ въ ненаклонности его къ диефтонгамъ, которые онъ обращаетъ въ монофтонги. Такъ слав. ср. и-ти = лит. ei-ti; слѣдовательно, нашъ звукъ и образовался изъ диефтонга ie, на что указываю[тъ] слав. ср. липа = лит. liepa, слав. милъ = лит. mielas.

Нашъ звукъ ѣ, соотвѣтствующій иногда литовскому ė, также происходитъ изъ диефтонга ai, какъ напр. это видно изъ соотвѣтствія слав. ср. вѣнецъ = лит. vainikas, рѣшить = лит. raišyti, мѣнить = лит. mainyti.

Наше оу соотвѣтствуетъ лит. au, ср. видимъ изъ сопоставленія слав. ср. дроугъ съ лит. draugas, юнъ съ jaunas, оутро съ auszra.

3) Третья отличительная особенность праславянскаго языка состоитъ въ томъ, что онъ не любитъ зіянія гласныхъ, во избѣжаніе чего постоянно прибавляетъ вспомогательные, облегчающіе переходъ, звуки j и в. Напр.

лит. ср. ežeras = слав. езеро = р. озеро;
" " eglė = " ель;
" " ežys = " ежъ.

Въ ср. навыкати зв. ы произошелъ изъ оу (оучити), а передъ нимъ языкъ счелъ нужнымъ вставить звукъ в во избѣжаніе зіянія, что доказывается и такими формами, какъ лит. aukštas = слав. высокіе.

4) Самое важное характерное отличіе праславянскаго языка отъ другихъ родственныхъ языковъ состоитъ въ неконсонантическомъ окончаніи, т. е. въ исчезновеніи согласныхъ окончаній въ концѣ слова (напр. латинск. dominus = ит. domino), ~~т. е. въ исчезновеніи~~. Въ одномъ только случаѣ сохранились въ слав. языкѣ согласныя окончанія, а именно при окончаніи формъ на носовые звуки, напр. въ ср. тѣла, род. пад. тѣлѧ те или рѫкѫ (= прослав. ранкам) лит. ранкам. Эти согласные звуки могли или сливаться или исчезать, какъ напр. въ винит. пад. sunum = сынъ.

Нѣсколько соображеній объ образѣ жизни древнихъ Славянъ.

Для пополненія картины желательно бы было знать, какъ жилъ этотъ народъ и какъ пользовался матерьялами своего языка. Мы не можемъ этого узнать на основаніи данныхъ, заключающихся въ письменныхъ памятникахъ, такъ какъ праславянскій языкъ надо относить къ временамъ доисторическимъ. Но есть средство, хотя и не очень прочное, однакоже могущее принести нѣкоторую пользу — это данныя самого языка, которыя отчасти могутъ насъ удовлетворить. Давно уже старались на основаніи извѣстнаго запаса словъ въ родственныхъ

языкахъ представить картину культурнаго или некультурнаго состоянія первобытнаго народа. Такъ если одни и тѣ же предметы обозначались одними и тѣми же словами въ различныхъ языкахъ, причемъ не замѣчалось заимствованія, то можно заключить, что предметы, обозначаемые соотвѣтствующими словами, были имъ знакомы еще тогда, когда они составляли части какого нибудь потерявшагося цѣлаго. На этомъ основаніи и были сдѣланы попытки ~~сдѣлать~~ изобразить картину культуры не только нынѣ существующихъ народовъ, но и праарійцевъ или праиндоевропейцевъ (Пикте). Въ этомъ смыслѣ сдѣланы попытки и у насъ-Славянъ изобразить подробную картину праславянской культурной жизни. Будиловичъ въ I т. своего сочиненія: „Первобытные Славяне" разбираетъ запасъ словъ славянскихъ языковъ сравнительно съ родственными имъ и задается цѣлью объяснить, какъ обозначалъ человѣкъ предметы различнаго назначенія по различнымъ языкамъ, т.е. въ славянскомъ и родственныхъ ему языкамъ. Трудъ Будиловича представляетъ не вполнѣ удачную попытку, такъ какъ этотъ ученый начинаетъ свое изслѣдованіе слишкомъ издалека. Но во всякомъ случаѣ трудъ его очень достойный: желательно только,

чтобы онъ продолжался.

Попытаемся и мы, опредѣливъ типъ праславянскаго языка съ помощью родственныхъ ему нарѣчій литовской группы, указать на нѣкоторыя выдающіяся стороны жизни литославянъ. Интересно прежде всего знать, гдѣ могли жить литославяне? На этотъ вопросъ можно отвѣчать предположительно, что они жили последнее время доисторической жизни въ предѣлахъ нынѣшней европейской Россіи. Но есть одно слово: „море", извѣстное всѣмъ Славянамъ и не извѣстное литовской группѣ нарѣчій, изъ чего мы можемъ заключить, что литославяне во время своего этнографическаго единства жили на континентѣ, не соприкасавшемся съ моремъ. И у литовцевъ есть слово, только не совсѣмъ соотвѣтствующее нашему „море", т.что оно обозначаетъ „воду", „прудъ", „болото", „озеро". Слѣдовательно, Славяне узнали слово „море" въ нынѣшнемъ его значеніи уже тогда, когда, отдѣлившись отъ литовцевъ, передвинулись дальше на югъ, ближе къ Черному морю.

Данныя литославянскаго словаря убѣждаютъ насъ въ томъ, что литославяне были еще мало развиты. Такъ у нихъ весьма небольшой за-

насъ словъ, относящихся къ земледѣлію (рожь, овесъ, соха); есть тоже слово орать (пахать) = arti; отсюда слѣдуетъ, что они тогда уже умѣли до нѣкоторой степени пахать землю. Но со скотоводствомъ они во всякомъ случаѣ были больше знакомы: напр. корова, животное столь важное для человѣка, обозначается у обоихъ однимъ и тѣмъ же словомъ. Продукты скотоводства часто не совпадаютъ въ поименованіи (Такъ напр. извѣстное всѣмъ Славянамъ слово „масло" не встрѣчается у Литовцевъ, а слово „молоко" выражается у нихъ терминомъ, соотвѣтствующимъ нашему общему „пища". Напротивъ слово „доить" существуетъ у Литовцевъ въ томъ же корнѣ, какъ и у Славянъ.

Относительно названій жилья мало соотвѣтствующихъ другъ другу славянскихъ и литовскихъ словъ, если не считать р. домъ, которое, кажется, совпадаетъ съ лит. nãmas. Такое важное слово, какъ порогъ, общее всѣмъ Славянамъ, не существуетъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ; слав. печь также не имѣетъ ничего себѣ соотвѣтствующаго. Далѣе, извѣстно, что одно изъ древнихъ словъ у Славянъ для выраженія „строить" было „рубить" („рубить городъ"), указывающее на исключительное искусство

построекъ изъ дерева; и тутъ мы не находимъ ничего соотвѣтствующаго въ литовскихъ нарѣчіяхъ. Наше слав. слово „городъ" = лит. gardas означало у насъ первоначально „укрѣпленное, огороженное мѣсто," между тѣмъ какъ въ лит. языкѣ слово „gardas" имѣло значеніе „хлѣва". Стало быть въ общей жизни слово „gordos"-„gardas" не доходило еще до значенія культурнаго въ нынѣшнемъ смыслѣ. Нашимъ словамъ „село", „улица" есть соотвѣтственныя названія и въ литовскомъ языкѣ, но тамъ они заимствованныя. Металлы: золото, серебро и желѣзо были извѣстны литовцамъ и славянамъ во время этническаго единства; какое же было употребленіе ихъ въ жизни, на это въ языкѣ нѣтъ данныхъ. Для обозначенія одежды тоже немного соотвѣтствующихъ словъ; такъ напр. наше слово „рубаха" выражается въ литовскомъ языкѣ словомъ, имѣющимъ значеніе „сѣтки". Важное слав. слово „полотно" передается въ литовск. языкѣ выраженіемъ, соотвѣтствующимъ по значенію нашему „ткань", но самое слово не совпадаетъ.

Итакъ на основаніи даже такихъ фрагментарныхъ данныхъ мы можемъ сказать, что въ лито-славянскую

эпоху не существовало культуры съ прочною осѣдлою жизнью, главное занятіе было скотоводство, и народъ велъ кочевой образъ жизни.

Совсѣмъ другой выводъ мы получаемъ въ томъ случаѣ, если на основаніи тѣхъ же пріемовъ захотимъ нарисовать картину культуры Славянъ, какъ одного этнографическаго цѣлаго. Замѣчая тутъ значительный прогрессъ, мы въ правѣ предположить, что жизнь Славянъ, отдѣлившихся отъ Литовцевъ, должна была продолжаться много столѣтій, чтобы достичь того состоянія, которое мы въ правѣ предположить на основаніи данныхъ изъ языка.

Достаточно небольшаго количества словъ славянскихъ языковъ, относящихся къ обозначенію предметовъ осѣдлой жизни земледѣльческой, чтобы получить совсѣмъ другую картину ихъ быта.

Относительно земледѣлія напр. нужно сказать, что всѣ представленія о немъ извѣстны Славянамъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Они не только были хорошо знакомы съ земледѣліемъ, но знали уже разные виды ремеслъ, умѣли строить себѣ жилища изъ дерева, однимъ словомъ вели уже осѣдлый образъ жизни.

Но съ другой стороны нужно за-

мѣтить, что въ славянскомъ языкѣ, отдѣльно отъ литовскаго, встрѣчается довольно много такихъ культурныхъ словъ, которыя Славяне заимствовали изъ германскихъ языковъ; эти слова сохраняются до сихъ поръ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что когда Славяне отдѣлились отъ Литовцевъ, то въ теченіе своей обособленной жизни, несомнѣнно, стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ Германцамъ x) и отъ нихъ заимствовали много предметовъ культурныхъ потребностей, много словъ. Не приходится, конечно, сожалѣть о томъ, что напр. наше слово „хлѣбъ" заимствовано у Германцевъ, также какъ и слово „плугъ", заимствованное въ свою очередь Германцами отъ романскихъ народовъ.

Многія слова, касающіяся общественныхъ учрежденій, свидѣтельствуютъ о преимуществахъ Германцевъ. Такъ напр. слово „цѣсарь" заимствовано отъ нѣм. „Keisar", „король" изъ герм. Karl; герм. „kuningas" совершенно соотвѣтствуетъ слав. „князь"; „peningas" = слав. „пенязь"

Хотя Славяне несомнѣнно умѣли „рубить" дерево для постройки, все же

x) стоявшихъ ближе къ культурнымъ центрамъ тогдашнихъ образованныхъ народовъ.

и тутъ не обошлось безъ влiянiя германскаго - о чемъ свидѣтельствуетъ слово хижина <u>скуча</u>, заимствованное изъ нѣмецкаго.

Такимъ образомъ въ развитiи Славянъ замѣчался прогрессъ отчасти благодаря Германцамъ. Мы говоримъ отчасти, потому что такiя славянскiя слова, какъ „сукно", „полотно", „рубаха", „риза" и др. доказываютъ, что Славяне могли имѣть и самобытную культуру. Въ нравственномъ отношенiи они также не ~~отставали отъ~~ ставились въ состоянiе дикости: укажемъ на слово „вѣра", „законъ", „каяти", извѣстныя въ праславянскую эпоху.

Относительно религiи у Славянъ мы не хотимъ дѣлать никакихъ заключенiй, потому что запасъ словъ, относящихся къ этому предмету, очень скуденъ (названiя боговъ, обыкновенно помѣщаемыя въ учебникахъ, не точны) Интересно только то, что литовцы не знали слав. слова „богъ" - у нихъ соотвѣтственное ему слово было <u>devas</u>, близкое къ лат. „deus"; наше же слово „богъ" сближается съ древнеперсидскимъ и иранскимъ названiемъ

Укажемъ между прочимъ еще на одно несомнѣнно общеславянское слово „писать", на основанiи котораго

на основаніи котораго пытались сдѣлать выводъ объ извѣстной образованности Славянъ. Но это слово значило первоначально только „рисовать", дѣлать предметы пестрыми. У Словинцевъ и по сію пору „писанный" значитъ „пестрый".

Конечно, на основаніи этихъ скудныхъ данныхъ нельзя представить себѣ слишкомъ отчетливую картину, но по сравненію съ бытомъ дикихъ народовъ, которые намъ извѣстны по описаніямъ путешественниковъ, мы все-таки заключаемъ, что Славяне въ эпоху своего этнографическаго единства были уже культурнымъ племенемъ.

Изученіе славянскихъ древностей - предметъ новый, который разрабатывается только съ нашего столѣтія. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ чешскому ученому Шафарику. До него благодаря печальной судьбѣ Чеховъ писали даже не на чешскомъ, а на латинскомъ языкѣ (Добровскій); оттого ученые чешскіе изслѣдователи всю скорбь души своей за родину переносили въ древность, желая тамъ найти болѣе утѣшительные результаты. И, дѣйствительно, благодаря ихъ идеализаціи оказалось, что культура древнихъ Сла-

что была несравненно выше германской. Теперь мы не можемъ принять этого, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы сознаться, что культура 19 в. отстаетъ отъ культуры 9го. Наша теперешняя отсталость отъ западной Европы объясняется неблагопріятными историческими условіями и замкнутостью Славянъ, которые жили вдали отъ культурныхъ грековъ и римлянъ и не соприкасались съ ними.

Интересно знать, какъ долго продолжалось время единства Славянъ? Не имѣя опредѣленныхъ указаній на это, мы должны обратиться къ самымъ раннимъ упоминаніямъ о Славянахъ. Со стороны разныхъ славянскихъ ученыхъ были дѣланы, да и теперь иногда дѣлаются попытки отыскать упоминанія о Славянахъ въ источникахъ болѣе ранняго времени. Одни изъ этихъ попытокъ не выдерживаютъ критики, а другія еще ожидаютъ подтвержденія. Сюда относится вопросъ о происхожденіи Скиѳовъ, упоминаемыхъ у Геродота и у другихъ болѣе позднихъ писателей. Одни ученые видятъ въ нихъ Монголовъ, другіе — Финновъ, третьи — Арійцевъ. Но и на этомъ ученые не останавливаются, а спрашиваютъ, если это были Арійцы (что вѣроятнѣе всего между прочимъ), то какіе?

Шафарикъ и Боцель принимаютъ часть скиѳовъ (Невровъ и Будиновъ) за Славянъ. Но нельзя сказать, чтобы эта теорія была положительно вѣрна: можно только думать, что во времена Геродота Славяне несомнѣнно жили на материкѣ нынѣшней Россіи, но подъ какимъ именемъ, это опредѣлить трудно.

Несомнѣнныя историческія данныя о Славянахъ относятся къ концу I и началу II в. по Р. Х. Подъ какимъ же именемъ упоминаютъ о нихъ писатели? Они являются одновременно подъ двумя названіями: Венетовъ (Venete) или Венедовъ (Venedae, Venedi) и Spoli или Spali, въ которыхъ хотятъ видѣть нынѣшнихъ Сербовъ. Послѣднее, второе названіе можетъ быть туземное, славянское, первое же, вѣроятно, дано Славянамъ Германцами. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ писателямъ до V в. по Р. Х. народъ, жившій за Вислою и Карпатами, но только по имени. Болѣе подробныя извѣстія начинаются только съ VI в.

Въ VI в. являются кромѣ прежде извѣстныхъ названія Вииды или Венеды два новыхъ имени: Словѣне и Анты (Прокопій Кесарійскій и Іорнандъ). Изъ нихъ Slavenoi (Sklavenoi, Sclavenoi) нельзя вывести первоначально названія для всѣхъ Славянъ; скорѣе можно предположить, что названіе „Словѣне" принадлежало только одной части народа и потомъ уже (IX в.) въ видоизмѣнен-

ной своей формѣ - Славяне - получило то значеніе, которое имѣетъ теперь, обозначая всѣ Славянскіе народы. Имя Антовъ остается трудно объяснимымъ и до сихъ поръ

До конца IV в. Славяне жили въ предѣлахъ нынѣшней европейской Россіи, не доходя ни на сѣверъ, ни на югъ до моря и не соприкасаясь съ Греками; но незадолго до нашествія Гунновъ ихъ начали тѣснить съ сѣверо-запада германскіе народы, которые пробирались отчасти черезъ ихъ селенія на югъ, какъ напр. Готы, которые утвердились въ III в. на Черномъ Морѣ и на сѣверномъ берегу Дуная (въ Дакіи)

Готы въ своемъ движеніи на югъ столкнулись со Славянами и сразились со Spaloi. Доказательствомъ тому служатъ упоминанія ученыхъ объ этомъ событіи и кромѣ того недавно въ Россіи найдено маленькое желѣзное копье съ серебряными рунами, при разборѣ которыхъ оказалось, что на немъ начертано имя какого-то полководца, можетъ быть, нѣмецкаго. Точно такое же копье съ готскими рунами было найдено въ Германіи. Готы, утвердившись на берегахъ Черного моря, подчинили себѣ, вѣроятно, Славянъ, т.е. тѣхъ изъ нихъ, которые жили близко къ югу, между тѣмъ какъ сѣверная часть славянскихъ племенъ начала, должно быть, довольно рано двига…

на сѣверозападъ черезъ Вислу въ предѣлы Древней Германіи, покидаемой въ теченіе IV–V в. племенами германскими.
Распространеніе Славянъ на германской территоріи началось раньше движенія ихъ на югъ, такъ что если считать время VI и первой половины VII в. временемъ усиленнаго передвиженія южной вѣтви Славянъ, то смѣло можно сказать, что движеніе сѣверо-западныхъ Славянъ началось столѣтіемъ раньше.
Такимъ образомъ карта славянскихъ народностей V, VI и VII в. получаетъ теперь новый видъ: на Западѣ Славяне заняли громадныя пространства Германіи до Лабы отъ устьевъ и вдоль этой рѣки до того мѣста, гдѣ она поворачиваетъ къ Дрездену, затѣмъ по Залѣ въ Богеміи. На сѣверѣ поселенія славянъ касались приблизительно Гольштиніи и Рюгена и доходили теперь уже до моря.
Главный толчокъ къ движенію тѣхъ Славянъ, которые въ доисторическое время жили по юговосточнымъ склонамъ Карпатъ и въ южнодунайской равнинѣ, былъ данъ набѣгами кочевниковъ въ центральную Европу, нашествіемъ Гунновъ и Аваръ.
Это движеніе началось сперва подъ чужимъ названіемъ, пока Славяне играли пассивную роль племенъ подчиненныхъ и силою изгоняемыхъ, но съ конца VI столѣтія они уже выступаютъ подъ своимъ

собственными, какъ Славяне, стремящіе-ся на югъ черезъ Дунай и теченіемъ Дуная на западъ въ Паннонію и въ Альпы. Объ этомъ наступательномъ движеніи ихъ черезъ границы греческой имперіи занесено много извѣстій на страницы византійскихъ лѣтописцевъ. Результатомъ движенія оказалось, что около половины VII в. большая часть Балканскаго полуострова, Паннонія и примыкающія къ ней съ запада альпійскія страны были заняты Славянами, извѣстными подъ однимъ общимъ названіемъ Словѣне. Послѣдніе, закончившіе это переселеніе на югъ, были Хорваты и Сербы, занявшіе свою нынѣшнюю родину именно въ половинѣ VII вѣка.

О движеніи славянскихъ племенъ на на сѣверо-западъ не имѣется никакихъ извѣстій какъ о тѣхъ, которые переходили на югъ и югозападъ черезъ Дунай, конечно, потому, что интересы византійской имперіи и ея писателей не были затронуты тѣмъ, что происходило на далекомъ сѣверѣ. Мы узнаемъ только тогда, что Славяне двигались къ Вислѣ и на западъ отъ нея, когда Германія вся уже занята ими. Движеніе Славянъ то на сѣверо-западъ, то на югъ и юго-западъ, то по верховьямъ Вислы и Днѣстра дальше на сѣверо-западъ по Дунаю и его при-

томамъ дальше на югъ и югозападъ было несомнѣнно обусловлено отчасти ихъ географической группировкой въ доисторическихъ жилищахъ, отчасти же ихъ родственными отношеніями, опредѣляемыми, конечно, главнымъ образомъ языкомъ.

Ко всему этому можно еще прибавить что поднявшіяся племена весьма быстро развивались въ культурѣ, оставшіяся же на своихъ мѣстахъ уступали имъ въ развитіи.

Исторія довольно много занимавшаяся сѣверо- и югозападными (народами) славянами въ теченіе VIII и IX в., не даетъ никакихъ извѣстій о славянахъ восточныхъ, о томъ, какъ они воспользовались тѣмъ просторомъ, который имъ представился послѣ ушедшихъ сородичей. Только къ концу X и началу XI в. появляется новый источникъ о внутреннемъ положеніи этой оставшейся въ русскихъ равнинахъ массы – это первоначальная русская лѣтопись, занимающая первое мѣсто среди памятниковъ X, XI и XII в. Извѣстно, что она сохранилась только въ редакціи, древнѣйшая часть которыхъ не восходитъ далѣе XII в. Поэтому мы не можемъ сказать ничего положительнаго о томъ какъ слагалась эта первона-

чальная лѣтопись, что въ ней слѣдуетъ отнести къ позднѣйшимъ наслоеніямъ и прибавкамъ. Этотъ весьма трудный и сложный вопросъ относится къ области критики и до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно. Тѣмъ не менѣе все то, что повторяется по всѣмъ спискамъ лѣтописи и касается XI в. мы въ правѣ принять за извѣстія, бывшія и въ первоначальной лѣтописи.

Что говоритъ эта первоначальная лѣтопись о Славянахъ? Въ главныхъ своихъ воззрѣніяхъ она не сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о нихъ на основаніи греческихъ и римскихъ источников. Мы уже говорили, что Славяне двигались на югъ и западъ, а на сѣверо-западѣ не достигали моря; это намъ извѣстно изъ греко-римскихъ источниковъ II, III, IV, V и VI в. Первоначальная лѣтопись напротивъ считаетъ прародиной Славянъ долину Паннонскую, говоря: „ѿ сихъ же ō и дву языку бы языкъ словенескъ ѿ племене же афетова Nарѣцамои норци (нарци) иже суть словѣне"

Въ этихъ норци или нарци нѣкоторые хотѣли видѣть обитателей Норика, но правдоподобнѣе предположить, что переписчикъ невѣрно самъ это слово, и что въ п...

ной лѣтописи здѣсь стояли Иллирцы или Иллурцы.

„По (во) мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словени по дунаеви кде есть нынѣ оугорьская земля и болгарьская." Такимъ образомъ лѣтописецъ полагаетъ прародину Славянъ въ Угорской землѣ. Такое воззрѣніе вѣрно по отношенію къ Славянамъ въ VI и VII в., но никакъ не по отношенію къ ~~Славянамъ~~ древнѣйшему времени, такъ какъ къ концу VI и началу VII в. относится уже ихъ разселеніе, а не этническое единство. Но лѣтописецъ, разсылая ихъ съ Дуная, говоритъ: „ѿ тѣхъ слове(ѣ)нъ разидоша ся по земли и прозваша ся имены своими кде сѣдше на которомъ мѣстѣ нако пришедше сѣдоша на рѣцѣ име(я)немъ моравѣ(а) и прозваша ся Морава, а друзии Чесѣ(и) нарекоша ся а се ти же Словѣне(и) Хор(ро)вати(е) бѣша (и) Серпь (Серебь) и Хо(ру)утанѣ(е). Волохомъ бо нашедши(м) на Словены на дунайские и сѣдши(е)мъ въ нихъ и насиля ю(щемъ) щимъ имъ Словѣне(и) оне овѣи пришедше и (ѣ) сѣдоша на Вислѣ и прозваша ся Ляховѣ", т. е. вслѣдствіе нашествія Волоховъ = древнихъ Кельтовъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная, они должны были разселиться, „а ѿ тѣхъ Ляховъ прозваша ся Поляне. Ляховѣ (с)

друзии Лю(у)тичь(и) ини и Мазовша-н(е)(а) ини Поморяне"

Очевидно, лѣтописецъ, не будучи знакомъ съ этнографическимъ значеніемъ народностей, отнёсъ Лютичей и Мазовшанъ къ Ляхамъ, какъ части одного цѣлаго, а о Лужицкихъ Сербахъ и вовсе не говоритъ.

„Такоже и тѣ(и) (же) Словѣне пришедше (и) сѣдоша по Дне(п)пру и нарекошася Поляне а друзии Деревляне зане сѣдоша в лѣсѣхъ а друзии сѣдоша межи(ю) Припѣ(е)тью и Двиною и нарекоша(с) Дреговичи (и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане) рѣчькы ра(д) яже втечеть въ Двину имянемь Полота ѿ сеха прозваша(с) Полочанъ". Переходя къ перечисленію русскихъ Славянъ, лѣтописецъ старается объяснить и ихъ названія, причемъ пропускаетъ это объясненіе относительно Дреговичей. Теперь мы знаемъ, что въ корнѣ этого слова лежитъ значеніе „болотистаго". Далѣе онъ говоритъ: „Словѣне же сѣдоша около о(е)зера Ильмера и прозваша ся своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же сѣдоша на(по) Деснѣ и по Семи (ьме) (и) по Сулѣ и нарекоша (ся) Сѣвера(ъ) (и) тако разыдеся словенескъ(ский) языкъ тѣмь же и прозва ся слове(ь)нъская

граммота"

Мы въ правѣ отнести всѣ эти свѣдѣнія, насколько они касаются этнографическаго расположенія Славянъ, не къ X в., а къ VII, VIII и IX в. и предположить, что лѣтописецъ пользовался какимъ нибудь намъ извѣстнымъ источникомъ. Дальнѣйшій разсказъ лѣтописи пополняетъ пробѣлы нѣкоторыми новыми подробностями: „о нихъ же и Кривичи иже сѣдять на верхъ Волгы и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихъ же и городъ есть Смоленскъ туда бо сѣдать Кривичи." Къ этому же прибавляется опять: „Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородьцы, Полочане. Дрь(ре)говичи Сѣверо(ъ) Бужане за нѣ сѣдать по Бугу послѣже (же) Во(е)лыняне, т. е. Волыняне, занявшіе мѣсто Бужанъ. Дальше черезъ нѣсколько строкъ, гдѣ говорится о насиліяхъ, сдѣланныхъ Обрами, сказано: „Си же (обри (добрѣ) воеваше нѣ Словѣны и примучиша Дулѣбы сущая Словѣны и насилье творяху женамъ Дулѣбскымъ". Свѣдѣнія о томъ, гдѣ жили Дулѣбы мы опять находимъ не тамъ, гдѣ бы можно было ожидать, а нѣсколько дальше: „Дулѣбы же живяху по Бугу кдѣ нынѣ Во(е)лыняне –", но и этимъ не оканчивается перечисленіе русских

племенъ - дальше мы читаемъ: „Полянамъ живущимъ о себѣ якоже рекохомъ сущии ѿ рода словѣньска и нарекоша ся Поляне а Деревляне ѿ Словенъ же и нарекоша-ся Древляне. Радимичи бо и Вятичи ѿ Ляховъ. бѣста бо два брата в Лясѣхъ Радимъ а другыи Вят(ко)къ и пришедша сѣдоста Радимъ на Рь(с)мю (и) прозваша Радимичи а Вятко сѣде (съ) родомъ своимъ по Ѡцѣ ѿ него же прозваша ся Вятичи и живяху вмирѣ Поляне и Древляне и Сѣверо(ъ) и Радимичи и Вятичи"

Рядомъ съ этими послѣдними вдругъ являемся у лѣтописца: „Хорваты (е) (Дулѣбы же живяху по бугу где нынѣ Волыняне) а Улучи (Оулучи) Тиверцы сѣдяху по (бугу)(Днѣстру) и по Днѣпру и при) присѣдяху къ Дунаеви (и) бѣ множество ихъ сѣдяху бо по (бугу [Днѣстру] и по Днепру) оли до моря (и) суть городи (ради) ихъ и до сего же".

Вотъ все, что древняя лѣтопись, благодаря сдѣланнымъ къ ней добавленіямъ, знала о томъ племени Словѣнъ, отъ котораго произошелъ русскій народъ. Мы видимъ, что самый близкій и любимый лѣтописцу народъ были Поляне, жившие около Кіева. Далѣе на сѣверъ жили Древляне, которыхъ лѣтописецъ считаетъ болѣе дикими; съ правой стороны отъ Днѣпра отъ Десны до Сулы жили Сѣверяне, на

сѣверо-востокъ отъ нихъ Радимичи и по Окѣ - Вятичи, на западъ отъ Полянъ и Древлянъ по Бугу - Волыняне (Бужане, Дулѣбы), между Припятью и Двиной Дреговичи, по западной Двинѣ и на верховьяхъ Днѣпра - Кривичи и Волгы; у озера Ильменя и по Волхову - Словѣне (Новгородцы) Совсѣмъ на югозападъ по берегамъ Днѣпра къ Дунаю жили Уличи (Угличи) и Тиверцы, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что они доходили до моря, надо предположить, Черного. Лѣтописецъ сознательно указываетъ, что все это (и друг. здѣсь поименованныя) были племена славянскія, такъ какъ далѣе она перечисляетъ и тюркскіе, и финскіе народы, граничившіе съ Русью. Варяговъ она отличаетъ отъ названія славянскихъ племенъ и отъ Руси, говоря подъ 859г.: „Имаху дань Варязи (приходяще) изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, и на Мер(ях) и на всѣхъ Кривичѣ(а)хъ, а Козари(е) имяху(ть) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣ(и)хъ." Это послѣднее извѣстіе важно для насъ еще въ томъ отношеніи, что изъ него мы узнаемъ о томъ, что все нынѣшнее пространство западной и средней Россіи находилось въ зависимомъ положеніи на сѣверѣ отъ Варяговъ, на югѣ - отъ Козаровъ.

Для насъ важны названія Варяговъ и Руси, встрѣчающіяся въ лѣтописи, по

тому влиянію и воспитательному значенію, которое они имѣли на сложеніе политической жизни славянскихъ племенъ. Мы узнаемъ далѣе изъ лѣтописи о призваніи трехъ братьевъ изъ Варяго-русскаго племени, скандинавское происхожденіе которыхъ отвергается критикой несмотря на массу доказательствъ, существующихъ въ ихъ пользу. Тамъ, гдѣ идетъ объ нихъ рѣчь въ лѣтописи, сказано: „Идоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся зваху тіи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свіи, друзи же Урмане, Анъгляне, друзи Гъте, тако и си".

Мы уже видимъ, что лѣтописецъ хорошо понималъ связь Руси съ прочими норманскими или сѣверногерманскими племенами. Главнымъ доказательствомъ въ пользу того что говоритъ первоначальная русская лѣтопись, т. е. скандинавскаго происхожденія Варяго-Руссовъ, служитъ историческій фактъ, заключающійся въ томъ, что въ первыхъ договорахъ Русскихъ съ Греками упоминается довольно большое количество именъ личностей, объясняемыхъ только при помощи древнихъ нордскихъ языковъ. Второе доказательство того, что слово Руссы въ смѣшеніи съ Варягами еще не служитъ въ пользу славянскаго происхожденія Варяговъ, состоитъ въ томъ, что въ свидѣтельствѣ Константина

Багрянороднаго о походахъ русскихъ на Константинополь, гдѣ онъ говоритъ о порогахъ, названія ихъ прекрасно объясняются - славянскія при помощи славянскихъ нарѣчій, а русскія - при помощи скандинавскихъ. Въ этомъ отношеніи можно указать послѣ Куника, Погодина и другихъ на сочиненіе Томсена, который задался цѣлью (въ трехъ лекціяхъ) высказать свой взглядъ относительно происхожденія племени Русь и объяснить названія Днѣпровскихъ пороговъ и имени, встрѣчающагося въ договорахъ между русскими и греками. Это сочиненіе появилось на англійскомъ языкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1876 г. въ Оксфордѣ), а въ 1879 г. появился нѣмецкій переводъ его „der Ursprung des russischen Staates" съ поправками самого автора. Это самое дѣльное сочиненіе по занимающему насъ спорному вопросу. Конечно, есть и въ немъ нѣкоторые дальнѣйшихъ объясненій требующіе пробѣлы, но въ общемъ у Томсена такъ мало не поддающагося объясненію, что оно вовсе не мѣшаетъ тому чувству удовлетворенія, которое испытываешь при чтеніи этого коротенькаго изслѣдованія. Такъ напр. происхожденіе названія Рюрикъ, Рурикъ (Ρουρικας) объясняется только изъ нордскихъ памятниковъ, гдѣ встрѣчается HRURIKR, Rörik, Roricus.

(нѣмецкій звукъ ö и ü передается у насъ смягченнымъ ю, какъ греч. μῦρον черезъ мюро, а звукъ х-придыхательный-исчезаетъ. Названіе Ольга соотвѣтствуетъ германскому Helga, по извѣстной наклонности древнерусскаго языка изъ Нльга (которое должно бы передавать германскую форму) вышло Ольга, какъ изъ Нлена: Олена. Игорь не что другое, какъ Ingvarь, послѣ И носовой звукъ исчезаетъ у Славянъ, а неударяемое передается черезъ о, иностранное же ч очень часто смягчается.

Какъ долго продолжалъ этотъ иноземной элементъ Руси свое отдѣльное географическое существованіе, трудно сказать, но весьма вѣроятно, что онъ, будучи представляемъ не особымъ (элементомъ) племенемъ, а дружинами, скоро растворился въ славянской массѣ.

Не считая нужнымъ слѣдить далѣе за исторіей русскаго народа-это дѣло русской исторіи-мы считаемъ необходимымъ добавить, что это племя отличалось промышленнымъ характеромъ и обладало пространствомъ земли, заключавшей въ нѣдрахъ своихъ большія богатства, о чемъ свидѣтельствуютъ торговые договоры русскихъ съ Греками. Поли-

тическая и культурная жизнь этого племени развивалась весьма быстро. Дитмаръ Мерзебургскій свидѣтельствуетъ намъ о (томъ, говоря о) Кіевѣ, какъ о городѣ величиніемъ и богатствомъ чуть-ли не соперничающемъ съ Константинополемъ.

Для насъ большое значеніе имѣетъ моментъ принятія Христіанства Славянами, такъ какъ съ этимъ связывается вопросъ о водвореніи на Руси церковно-славянскаго языка.

Кромѣ сношеній, бывшихъ между русскими князьями и Константинополемъ, которыя по историческимъ источникамъ выступаютъ на первый планъ, для русской письменности еще важнѣе тотъ фактъ, что въ предѣлахъ византійской имперіи существовало уже славянское богослуженіе со всѣми литургическими книгами, написанными на славянскомъ языкѣ. Не будь этихъ послѣднихъ, первая попытка русской письменности имѣла бы другое направленіе, т.е. христіанство въ Россіи выступило бы съ одной стороны въ видѣ господства языка греческаго, съ другой присоединился бы со временемъ языкъ чисто-народный русскій. То и другое въ данныхъ обстоятельствахъ перешло на

языкѣ славянскаго богослуженія, явившійся къ Славянамъ Россіи вмѣстѣ съ книгами изъ славянскаго юга, изъ предѣловъ византійской имперіи и сосѣдняго княжества болгарскаго. Но уже до принятія христіанства кіевскимъ княземъ Владиміромъ могла существовать въ Кіевѣ христіанская община: въ какомъ видѣ они исповѣдывали христіанство, какое у нихъ было богослуженіе, мы точно сказать не можемъ, но можно предположить, что греческое, потому что Греки, благодаря снисходительному обращенію русскихъ князей и торговыхъ интересовъ селились въ Кіевѣ и образовывали тамъ цѣлыя колоніи.

Изъ числа славянскихъ племенъ, принявшихъ христіанство раньше конца X в. обращаютъ на себя вниманіе Славяне, жившіе въ Моравіи и Панноніи, и болгаре. Благодаря особымъ политическимъ условіямъ эти Славяне желали имѣть богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Это желаніе высказали Моравскіе Славяне. Ихъ князь Ростиславъ къ концу 862 г. отправилъ въ Царьградъ посольство съ просьбой прислать въ Моравію учителя вѣры христовой. [illegible] со [illegible]

та тогдашнимъ императоромъ византійскимъ Михаиломъ III, и онъ поручилъ дѣло церковнаго устроенія Моравіи лицамъ уже подготовленнымъ къ подобной дѣятельности — Кириллу и Меѳодію. Мы не знаемъ, была ли у Славянъ азбука до Кирилла и Меѳодія, но Константину приписываютъ изобрѣтеніе ея, хотя вѣрнѣе думать, что онъ далъ жизнь, приспособленіе и широкое распространеніе уже существовавшимъ у Славянъ письменнымъ знакамъ. Предполагая знакомство съ практической стороной дѣятельности св. братьевъ, перейдемъ къ вопросу о языкѣ, на которомъ былъ сдѣланъ переводъ св. писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ. Мы ничего не знаемъ о томъ, посылали-ли русскіе князья за славянскими проповѣдниками, знаемъ только, что съ принятіемъ христіанства оказалось стремленіе въ письменности и богослуженіи имѣть авторитетный языкъ, существовавшій уже на ~~почвѣ~~ югѣ, у Славянъ Дунайскихъ, что придавало особый оттѣнокъ христіанству и дѣлало представителей его носителями религіи и культуры.

Какой же это былъ языкъ, который вмѣстѣ съ церковными книгами перешелъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ?

Это и былъ извѣстный намъ церковно-славянскій языкъ, которымъ говорило когда-то одно изъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова или Паннонии.

Между тѣмъ съ переходомъ Славянъ въ христіанство въ церкви произошелъ расколъ, раздѣленіе ея на восточную и западную. Первая признавала главою церкви византійскаго патріарха, а вторая - римскаго папу. Этотъ фактъ имѣлъ значеніе и для дѣятельности первыхъ славянскихъ апостоловъ: принадлежа къ восточной церкви по вѣроисповѣданію, они испытали по прибытіи своемъ въ Моравію стремленіе папы подчинить себѣ ихъ дѣятельность у южныхъ Славянъ. Благодаря тому, что болгарскій царь Михаилъ рѣшилъ вопросъ о принадлежности Болгаріи къ восточной церкви, значительно облегчился переходъ къ намъ славянскихъ книгъ, такъ какъ Константинополь, завязавшій связи съ Россіей, не допустилъ бы туда книгъ изъ еретической страны - Греки даже радовались возможности дать Славянамъ книги на понятномъ для нихъ языкѣ. И въ то время, когда высшая духовная власть, епископы были приглашены изъ Греціи, проповѣдники и книжники явились изъ

Болгаріи.

Теперь является вопросъ, гдѣ же жилъ тотъ церковно-славянскій языкъ, прежде нежели онъ явился въ Болгарію? Это еще не рѣшено окончательно. Еслибы Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали только въ Болгаріи, то это могъ быть языкъ Солунянъ или Македонянъ. Но раньше они проповѣдывали въ Моравіи и Паннонiи, въ чемъ нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что Моравы не говорили тѣмъ же языкомъ, какъ Болгары. Какимъ же изъ этихъ нарѣчій воспользовались Кириллъ и Меѳодій для проповѣди и перевода св. книгъ для Моравовъ? Надо думать, что они пришли въ Моравію съ готовымъ языкомъ для проповѣди и перевода и для составленія письменъ (все равно, были-ли это глаголическія или кирилловскія буквы). Константинополь съ богатыми источниками литературы и письменности представлялъ, конечно, гораздо больше удобствъ, чѣмъ некультурная страна Моравская. Итакъ, надо думать, что Кириллъ и Меѳодій воспользовались главнымъ образомъ тѣмъ нарѣчіемъ, которое существовало въ ихъ македонской родинѣ, хотя нельзя отрицать и того, что въ Моравіи

оно должно было подвергнуться влія-
нію туземнаго языка. Когда же
при князьяхъ Борисѣ и Симеонѣ хри-
стіанство было принято въ Болга-
ріи, въ той же церковно-славянс-
кой формѣ, то языкъ этотъ, приняв-
шій въ себя много словъ моравскихъ
и паннонскихъ, подвергся снова
вліянію языка болгарскаго. Вотъ
на этомъ-то языкѣ, сложившемся
изъ трехъ элементовъ: македонска-
го, моравскаго и болгарскаго, слившихся
воедино, и явились въ Россію священныя
книги. Этотъ же языкъ скоро сдѣ-
лался не только церковнымъ, но
государственнымъ и литературнымъ.

Для южно-славянской письменно-
сти конца 9 и начала 10 вѣка мы долж-
ны предположить существованіе въ
большомъ количествѣ памятниковъ,
писанныхъ кирилловской и глаголичес-
кой письменностью. Но когда въ Болга-
ріи былъ окончательно рѣшенъ вопросъ
о присоединеніи ея къ восточной церкви,
то въ это же время былъ рѣшенъ и
вопросъ письменности: кириллица
сдѣлалась не только письменностью
церковныхъ книгъ, но и литератур-
ныхъ произведеній. Кирилловскіе
памятники и попадали преимуще-
ственно въ Россію.

Тѣмъ не менѣе нельзя думать,

чтобы и въ самой Болгаріи по оконча-
ніи вопроса о письмѣ прекратилось
существованіе глаголическихъ памят-
никовъ, которые изрѣдка и отчасти
могли попасть и въ Россію. У насъ ме-
жду прочимъ сохранился намекъ на
это въ одномъ спискѣ пророческихъ
Книгъ XI в. съ подлинника X в. Тамъ гово-
рится: „... нако сподоби мя написати
книгы сиа и съ куриловицѣ князю Вла-
димеру Новъгородъ княжящю, сынови
Ярославлю болшему. Почахъ же писа-
ти въ лѣто 5 ф NF мѣсяце мала въ
дГ а кончахъ того же лѣта мѣсяца
Декабря въ 61. азъ попъ Оупирь Лихый."
Непонятно, зачѣмъ переписчикъ поста-
вилъ здѣсь слово „куриловицѣ", которое
могло бы имѣть смыслъ и мѣсто толь-
ко въ томъ случаѣ, еслибы онъ спи-
сывалъ съ глаголическаго памятника.
Можно предположить, что въ то вре-
мя глаголица была извѣстна подъ
именемъ куриловицы; и въ подлинни-
кѣ находились слова, писанныя глаго-
лическимъ шрифтомъ, которыя онъ
и могъ внести ради курьеза въ копію.
И, дѣйствительно, къ числу памят-
никовъ 11 и 12 в. принадлежатъ и
такіе, въ которыхъ попадаются
слова или отдѣльныя буквы, писан-
ныя глаголическимъ шрифтомъ,
какъ напр. въ памятникѣ XI в., зако-

чающемъ въ себѣ 12 словъ Григорія Богослова.

Зная о сношеніяхъ русскихъ князей съ Болгаріей, мы можемъ смѣло предположить, что эти памятники были извѣстны въ Россіи и раньше офиціальнаго акта принятія христіанства, но во всякомъ случаѣ, это остается въ области догадокъ, такъ какъ древнѣйшіе памятники, сохранившіеся въ подлинникахъ, относятся только къ 11 вѣку. Хотя исторія литературы и говоритъ о памятникахъ 10 в., однакоже исторія языка не можетъ пользоваться этимъ матерьяломъ, такъ какъ она можетъ орудовать только тѣмъ матерьяломъ, который сохранился въ подлинникахъ или, вѣрнѣе, въ копіяхъ. Такъ литература будетъ трактовать о „повѣсти временныхъ лѣтъ", какъ о памятникѣ 11 в., а исторія языка, какъ о памятникѣ 14 в. на томъ основаніи, что въ продолженіи трехъ столѣтій, когда его переписывали, многое въ немъ могло быть измѣнено.

Въ лѣтописи мы находимъ указанія на то, что русскіе князья заботились о распространеніи грамоты со времени введенія христіанства: „Пославъ нача (Владиміръ) поимати у нарочитое чади дѣти и баяти

нача на ученье книжное, матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаянымъ на ученье книгамъ събыстъся пророчьство на рускыи земли глаголющее: въ оны дни и т.д."

Все это показываетъ, что характеръ заботливости Владиміра о просвѣщеніи не имѣлъ такого оффиціальнаго оттѣнка, какъ объ этомъ говорится въ учебникахъ исторіи. Гораздо осязательнѣе заботы о томъ же предметѣ князя Ярослава: „И Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, изъ лиха же черноризьци и <u>книгамъ прилежа</u> и почитая е часто въ нощи и въ дне. И събра писцы многы и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и списаша книгы многы. Ими же поучающеся, вѣрнии людие наслажаются ученья божественнаго." Потомъ: „Ярославъ.... заложи же и церковь св. Софья митрополью Ярославъ же св. якоже же рекохомъ любимъ бѣ книгамъ многы написавъ положи въ церкви св. Софьи юже созда самъ." Но лѣтописецъ невѣрно передаетъ извѣстіе о томъ, что письменность была греческая, и Ярославъ

раль переписчиковъ: мы получили отъ болгаръ готовые списки, и не греческіе, а южно-славянскіе.

Какіе именно были памятники? Прежде всего самые необходимые для христіанской жизни, книги церковныя: переводъ евангелія, псалтири, нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта (пятикнижіе, книги пророчествъ, книги царей); несомнѣнно, былъ привезенъ и служебникъ и другія богослужебныя книги: октоихъ, стихирарь, тріодь, миней и пр. Для поученія новообращеннаго народа и ознакомленія его съ догматической стороной христіанства въ Болгаріи было переведено кое-что съ греческаго, какъ напр. „богословіе Іоанна Дамаскина". Трудъ этотъ обыкновенно приписываютъ Іоанну, экзарху болгарскому, жившему во время Симеона, царя Болгаріи. Этотъ переводъ существуетъ въ русскихъ спискахъ 12 в. Іоаннъ же перевелъ такъ наз. Шестодневъ (философское толкованіе о созданіи міра) съ добавленіями отъ себя (на основаніи того, что говорится объ этомъ же предметѣ у Василія Великаго. Самъ Симеонъ „болгарскій былъ также „книголюбецъ", какъ объ немъ говоритъ исторія; въ древнѣйшихъ памятникахъ болгарской

письменности его сравниваютъ съ Птоломеемъ за богатое собраніе книгъ. Симеонъ прославился переводомъ Златоструя (сборникъ поученій Іоанна Златоустаго); его же стараніями былъ переведенъ Изборникъ Святослава 1073 г. Этотъ памятникъ извѣстенъ съ 1817 г., потомъ уже открытъ другой, болѣе поздній, но во многомъ близкій къ подлиннику сходный списокъ этого памятника, изъ котораго узнали, что настоящій сборникъ былъ посвященъ царю Симеону болгарскому, а русскій переписчикъ, переписывая его, вмѣсто имени царя болгарскаго поставилъ имя русскаго современнаго ему князя.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы сказать, въ какомъ видѣ перешла къ намъ болгарская письменность. Книги, предназначаемыя для чтенія народу, были не всегда удобопонятны; Изборникъ Святослава напр. представляетъ цѣлую энциклопедію христіанско-философской мудрости и грамматической учености Византіи 10 в., совершенно непонятную для для необразованнаго класса народа. Но какъ же понимали русскіе эти книги, какъ совершалось ученіе

богослуженіе на мало понятномъ для нихъ языкѣ? Дѣло въ томъ, что въ IX в. болгарскій и русскій языкъ гораздо ближе сходились между собой чѣмъ теперь; въ то время новообращенные, еще не освоившіеся съ новымъ ученіемъ ощущали особаго рода уваженіе къ той таинственности, которая проистекала отъ несовсѣмъ яснаго пониманія богослуженія. Народъ проникался уваженіемъ къ славянскому языку потому, что онъ былъ языкомъ церкви, и только этимъ объясняется то, что не было никакихъ препятствій для распространенія в Россіи этого несовсѣмъ понятнаго языка.

Но есть представители такого мнѣнія, что церковно-славянскій языкъ не былъ пришлымъ, а туземнымъ языкомъ Россіи. Какъ доказательство своего мнѣнія они приводятъ свидѣтельство изъ біографіи св. Кирилла такого рода, что когда онъ пріѣхалъ въ Херсонъ, то, от Херсона дошедъ научи се тоу жидовьской бесѣдѣ и книгамъ, осмь чести прѣ озъ грамматикие и отъ такого разоумъ болии въсприимъ. Самарѣнинъ же нѣкоей тоу живѣше и приходе къ нему со-

заше се съ нимъ и принесъ книгы сама-
рѣньскы показа ему и спросивъ и оу
него философъ затвори съ въ храми-
нѣ и на молитву се положи и отъ
бога разоумъ приимъ чисти наче
книгы беспорока.
Обрѣтъ же тоу евангелие и псалтырь
росьскы писмени писано и человѣка
обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою и бе-
сѣдовавъ съ нимъ и силоу рѣчи при-
имъ, своей бесѣдѣ прикладане, различни
писмена гласная и съгласная и къ
богоу молитву дрьже въ скорѣ начетъ
чисти и сказати." Но это свидѣтель-
ство о томъ, что Кириллъ нашелъ
русское евангелие, и псалтирь, и чело-
вѣка, говорившаго на русскомъ язы-
кѣ, совершенно бездоказательно, меж-
ду тѣмъ какъ въ опровержение
его можно привести массу приме-
ровъ, напр. какъ русские переписчики
часто недоумѣвали при списыва-
нiи южнославянскихъ книгъ и пр.
Если мы внимательно разсмот-
римъ это извѣстiе, то увидимъ,
что оно имѣетъ легендарный ха-
рактеръ. Кириллъ былъ человѣкъ
весьма образованный и даровитый,
но едва-ли онъ имѣлъ такiя
феноменальныя способности къ
изученiю языковъ, какъ о томъ раз-
казывается въ приведенномъ о-

рыхъ. Разсказъ о русскомъ человѣкѣ и русскихъ книгахъ можетъ относиться къ тому времени, когда русскіе еще не были объединены въ одно цѣлое, только въ томъ случаѣ, если писецъ въ началѣ вставилъ эту прибавку въ легенду. Если же эту прибавку придется отнести къ позднѣйшему времени, то очевидно, что она носитъ на себѣ патріотическій характеръ и „русскій языкъ" долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ современнаго русскаго.

Къ числу памятниковъ XI в., съ которыхъ мы могли бы начать изученіе русскаго языка, относятся: 1) такіе, которые въ концѣ обозначенъ годъ ихъ написанія и 2) такіе, которые неизвѣстно когда написаны, но по внѣшнимъ признакамъ могутъ быть отнесены къ тому же столѣтію.

Къ числу первыхъ относится только пять памятниковъ: a) Остромірово Евангеліе 1056 и 1057 г., b) Изборникъ Святославовъ 1073 г. и c) таковой же 1076 г., наконецъ d) Минея 1096 г. и e) Минея 1097 г.

Къ числу тѣхъ, которые могутъ быть отнесены къ XI в. на основаніи палеографическихъ соображеній, относится также небольшое количество памятниковъ, но и въ отрывкахъ, такъ что при изученіи исторіи русскаго языка мы

должны прежде всего обратиться къ группѣ памятниковъ, на которыхъ обозначенъ годъ ихъ написанія.

Во главѣ ихъ стоитъ Остромирово Евангеліе. Оно находится теперь въ Публичной библіотекѣ и было найдено въ покояхъ Императрицы Екатерины, куда попало изъ Москвы - въ Москву же было перевезено изъ Новгорода. Этотъ весьма занимающійся древнерусскимъ языкомъ извѣстный памятникъ былъ изданъ Востоковымъ (въ настоящее время это изданіе составляетъ рѣдкость и заставляетъ желать новаго), который, занимаясь церковно-славянскимъ языкомъ, открылъ на основаніи его назализмъ. Подлинникъ, привезенный изъ Новгорода, отличается художественной писменностью и изящными изображеніями четырехъ Евангелистовъ, которые нарисованы до такой степени отчетливо, что заставляютъ думать, что ихъ срисовывали съ иконы. По изящности съ этимъ памятникомъ едва-ли можетъ сравниться какой-либо другой. Въ концѣ его есть послѣсловіе, весьма важное въ томъ отношеніи, что даетъ возможность хотя и приблизительно сказать, сколько времени переписывался этотъ памятникъ, не говоря уже о томъ, что изъ

него же мы узнаемъ и имя писавшаго его. Тамъ читаемъ:

(1057) „Слава тебѣ Ги црю нбсныи яко сподоби мя написати еуліе се. почахъ же е писати. въ лѣ ѕ ф ξ д. а оконьчахъ е въ лѣ ѕ ф ξ е. Написахъ же еулие се рабоу бжию нареченоу сущу въ крщении Иосифъ а мирьскы Остромиръ. близокоу сущоу Изяславу кънязоу. Изяславоу же кънязоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти. и отца своего Ярослава и брата своего Володимира. самъ же Изяславъ кънязь прѣстолъ отца своего Ярослава Кыевѣ. а брата своего столъ порѫчи правити близокоу своемоу Остромиру Новѣгородѣ. Мънога же лѣт дароуи Бъ сътяжавъшоумоу еулие се. на оутѣшение мъногамъ дшамъ крестиянскамъ. дай моу Гь Бъ блгние стыхъ. евангелистъ Иоана. Матфеа. Лоукы. Марк и стыхъ праотць Авраама и Исаака и Якова. самомоу емоу и подроужию его. Феофанѣ. и чядомъ ею и подроужиемъ чадъ ею. съдравьствоуи же мънога лѣт. съдрьжаще пороучение свое: аминь.

Азъ Григории диякон написахъ еулие се иже горазнѣе сего напише. то не мози зазьрѣти мънѣ грѣшьникоу. почахъ же писати. мца. октя.

Литографія Фолина, Гороховая, 17

ка. на памѧ̑ иларина. а оконча̑.
м̑ца маия въ ві. на па̑ стефана::
молю же вьсѣхъ почитаѫщихъ не
мозѣте клѧти нъ исправльше почи-
тайте тако бо и с̑тыи апл̑ъ паулъ г̑е-
ть бѣте а не клѣнѣте."

Сказано, что писецъ началъ писать это евангеліе 21-го Октября, а кончилъ 12-го Мая. Сколько же времени онъ писалъ его? Для того, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, надо припомнить, что у насъ до XV в. рядомъ съ счисленіемъ, введеннымъ изъ Греціи, съ 1-го Сентября, существовало счисленіе съ 1-го Марта, такъ что въ Сентябрскомъ году послѣдніе мѣсяцы Январскаго относятся къ слѣдующему году, а въ мартовскомъ первые мѣсяцы Январскаго года относятся къ прошлому году. Такимъ образомъ, если писецъ считалъ годы по мартовскому (сентябрскому) счету, то, начавъ писать евангеліе въ Октябрѣ 1506 г., онъ долженъ былъ окончить его въ томъ же году, какъ онъ говоритъ, въ Маѣ, и, слѣдовательно, писалъ семь мѣсяцевъ. Если же онъ считалъ время по сентябрскому лѣтосчисленію, то онъ писалъ евангеліе девятнадцать мѣсяцевъ, т. е. слишкомъ полтора года. Если принимать во вниманіе существо-

приложенныхъ къ нему рисунковъ и заглавныхъ буквъ, разрисованныхъ красками, а также и то, что писецъ исполнялъ должность Дьякона, то нужно предположить, что онъ употребилъ на свой трудъ не менѣе 1½ лѣтъ; противъ же полугодоваго срока говоритъ и то обстоятельство, что если принять его, то работа выпадала исключительно на зимніе мѣсяцы, а послѣднихъ по краткости дня во всякомъ случаѣ было недостаточно для написанія такого труда, какъ Остромірово Евангеліе.

На какомъ же языкѣ было написано Остромірово Евангеліе? – Это былъ памятникъ церковно-славянскаго языка, написанный въ Россіи. Намъ, конечно, желательно было имѣть памятникъ русскаго языка, но таковыхъ въ Россіи не было, благодаря уже извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ. Остается одно средство для отысканія слѣдовъ чисто-русскаго языка, а именно посредствомъ строгаго научнаго анализа приходится отдѣлить отъ церковно-славянскаго то, что можетъ принадлежать вліянію русскаго писца и русской обстановки жизни. Изслѣдованія такого рода чрезвычайно

сложны, потому что для этого
необходимо правильное знакомство
съ подлинникомъ.
Благодаря тому, что теперь
открыто много памятниковъ
церковно-славянскаго языка, никогда не бывшихъ въ Россіи, мы можемъ опредѣлить типъ церковно-славянскаго языка, какимъ онъ былъ, когда попалъ въ Россію и на основаніи этого типа выдѣлить то, что въ нашемъ русскомъ языкѣ не принадлежитъ ему.
Изучая Остромирово Евангеліе, мы находимъ слѣдующія особенности славянскаго языка:
1) въ немъ существовала полная графика Кирилловскаго письма, но такъ какъ Остромирово Евангеліе принадлежитъ къ одному типу юго-славянскихъ памятниковъ, которые характеризуются нѣкоторыми отступленіями отъ другого типа языка, то мы должны сказать, что въ графическомъ отношеніи
2) О-во Евангеліе кромѣ буквы а знаетъ букву ꙗ;
3) три рода е: є, ѥ, е; послѣднее употребляется въ началѣ словъ и очень рѣдко;
4) ѕ (зѣло)-буква, употребляющаяся

въ Остромировомъ Евангеліи толь-
ко въ качествѣ цифры 6, между
тѣмъ какъ въ другихъ югославян-
скихъ памятникахъ этотъ знакъ
также имѣлъ значеніе буквы,
произносившейся, какъ дз.

5) і, буква, употреблявшаяся толь-
ко въ словахъ изъ чужихъ языковъ,
напр. іисоусъ, въ качествѣ цифры
10 и въ концѣ строки, когда было
мало свободнаго мѣста для
того, чтобы написать знакъ
и.

6) ѡ, употреблявшееся, какъ воскли-
цаніе и въ сочетаніи съ титломъ
ѿ въ качествѣ (но послѣднее еще очень
рѣдко) предлога. Эта форма пред-
лога отъ сдѣлалась до того употре-
бительна, что въ памятникахъ 12
и слѣдующихъ вѣковъ почти не
встрѣчается случаевъ иного на-
писанія этого предлога. Между
тѣмъ въ разбираемомъ нами
памятникѣ ѿ встрѣчается толь-
ко въ заглавіяхъ

7) ȣ въ видѣ экономіи вмѣсто оу.
Нынѣшнее русское у писалось толь-
ко въ иностранныхъ словахъ,
напр. нуангелин и др.

8) ы, писавшееся безъ соединитель-

ной черточки, въ заглавіяхъ же съ оной.

9) не было звука ꙃ.

10) ѣ, встрѣчающееся въ Остромировомъ Евангеліи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ юго-славянскихъ памятникахъ, для передачи не только звука е, но и я, впрочемъ послѣднее только въ немногихъ примѣрахъ - ближнѣаго (77 стр.)

Въ формальномъ отношеніи особенности О-ва Евангелія такія:

1) оно не знаетъ формы родительнаго падежа - аего, которая наряду съ ф. -ааго встрѣчается въ другихъ юго-славянскихъ памятникахъ.

2) не знаетъ формы окончанія дательнаго падежа на -оуемоу, а только - оуоумоу (или оумоу)

3) не знаетъ формы окончанія мѣстнаго падежа на -е, какъ напр. камен-е, а только на и: небес-и.

4) не знаетъ формъ простаго несигматическаго аориста и

5) формъ древнѣйшаго сигматическаго аориста

6) не знаетъ такихъ формъ, какъ зимѣна. Можно предположить,

И

что если онѣ и встрѣчались въ подлинникѣ, то не попали въ новгородскій списокъ потому, что такое написаніе ихъ не нравилось писцу, но вѣроятнѣе предположить, что вообще въ предполагаемомъ подлинникѣ для Остромірова Евангелія вообще не было тѣхъ формъ, которыхъ теперь нѣтъ въ О. Ев. Стало быть на основаніи текста О. Ев. мы въ правѣ предположить, что южно-славянскій памятникъ, съ котораго была сдѣлана копія въ видѣ нашего Евангелія, принадлежалъ къ числу текстовъ, получившихъ оффиціальное значеніе въ болгарской церкви во теченіе X. вѣка.

Мы указали на главнѣйшія части Остромірова Евангелія, въ которыхъ можно найти правильный церковно-славянскій языкъ, относительно же того, насколько мы можемъ познакомиться изъ этого памятника съ русскимъ языкомъ, нужно замѣтить, что писецъ, переписывавшій его, вѣроятно, весьма тщательно относился къ своему труду и дѣлалъ мало от-

ступлений отъ подлинника. Тѣмъ не менѣе можно ихъ свести къ слѣдующему:

1) Мы видимъ тутъ смѣшеніе звуковъ Ѫ и Ѧ съ соотвѣтствующими имъ русскими у и а (я). Можетъ быть первые юго-славяне, прибывшіе въ Россію и произносили ихъ носовымъ способомъ, но достовѣрно извѣстно, что уже въ 11 в. носовое произношеніе ихъ не существовало, и русскимъ приходилось произносить эти звуки по-своему. Стало быть, хотя писецъ и переписалъ правильно слова съ юсами, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ произносить ихъ про себя такъ, какъ мы бы произнесли ихъ теперь. Отсюда произошло то, что несмотря на всю его внимательность къ дѣлу, онъ иногда вмѣсто Ѫ писалъ у и наоборотъ - вмѣсто у - Ѫ. Точно также вмѣсто Ѭ онъ писалъ ю, а вмѣсто Ѧ или Ѩ - ꙗ и наоборотъ. Ѩ вмѣсто Ѧ въ звуковомъ отношеніи могло показаться лишнимъ, потому что уже звукъ Ѧ передавался по русскому произношенію іотованною гласною а, т. е. Ѧ = ꙗ или я. И, дѣйствительно, знакъ Ѩ раньше другихъ вышелъ изъ употребленія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что

древнерусскій языкъ не зналъ употребленія юсовъ.

2). Правильность употребленія слогообразовательныхъ р и л церковно-славянскихъ памятниковъ не существовала въ древнерусскомъ языкѣ. На основаніи О. Евангелія мы узнаемъ, что писецъ а) въ нѣкоторыхъ случаяхъ передавалъ правильно по церковно-славянской орѳографіи такія слова, какъ дльгъ, дрьзновеніе и пр.; в) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообразуясь съ русскимъ произношеніемъ, ставилъ полугласный звукъ передъ плавнымъ, напр. дьрзновение, с) или наконецъ онъ вмѣсто полугласнаго ъ ставилъ ь, а послѣ сонанта - ъ, такъ какъ къ тому времени, вѣроятно, звукъ р и л сдѣлались твердыми. Такимъ образомъ у него возлѣ ф. дрьзновенъ или дрьзновенъ являлась форма дъръзновенъ.

Нѣкоторые ученые желаютъ придать этому третьему случаю звуковое значеніе, т. е. думаютъ, что такія формы, какъ: дьрьзаи, дьрьзаите означаютъ дѣйствительное произношеніе двухъ гласныхъ звуковъ. Но проф. Ягичъ не считаетъ это предположеніе недоказаннымъ, потому что во всѣхъ современныхъ памятникахъ замѣчается подобное

Колебаніе между трояким правописа-
ніемъ; нельзя же допустить, чтобы
въ одномъ и томъ же памятникѣ
одно слово писалось и такъ, и иначе,
если бы въ этихъ различныхъ формахъ
дѣйствительно и отражалось произ-
ношеніе. Скорѣе можно допустить, что
мы здѣсь видимъ борьбу двухъ орѳо-
графій, причемъ дѣлаются уступки
въ пользу русскаго произношенія.

Древнерусскій языкъ по всей вѣроятн-
ности не зналъ слогообразовательныхъ
р и л. Взамѣнъ этого тамъ, гдѣ они
употреблялись въ церковнославянс-
комъ языкѣ, какъ сонанты, русскій
языкъ сосредоточивалъ силу слога
на гласномъ звукѣ, но въ древнѣй-
шихъ памятникахъ этотъ звукъ
еще постоянно передавался черезъ
полугласный ъ или ь, напр. кровь
писалось древнерусскими писцами
всегда кръвь.

Встрѣчая въ Остромировомъ Еванге-
ліи слова, написанныя такимъ
образомъ: пълкъ и бългъ, никогда
же не находя тамъ формъ, въ ко-
торыхъ бы вмѣсто полугласна-
го ъ стоялъ звукъ о или е вм. ь,
мы спрашиваемъ, какъ это объяс-
нить? Видно-ли въ этомъ только
рабское подражаніе подлинникамъ,

хотя на дѣлѣ слышно было уже о и е, или же въ то время дѣйствительно еще произносили р и л съ какимъ-то глухимъ вокаломъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, точно также, какъ и на то, съ какого времени начинаютъ встрѣчаться формы со звукомъ о вм. ъ. Мы знаемъ, и это несомнѣнно, что съ половины 12 в. уже встрѣчаются такія формы, какъ смерть, держати, скорбь и т. д., но на основаніи только того, что мы не встрѣчаемъ подобныхъ формъ до конца 12 в., мы еще не можемъ сказать, что онѣ, дѣйствительно, не существовали до того времени. Может быть слѣдуетъ предположить, что къ тому времени произношеніе словъ съ полугласнымъ послѣ слогообразовательныхъ р и л было еще настолько тонко, что ъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ звуку о.

Мы знаемъ, что въ О. Евангеліи кромѣ текста было еще послѣсловіе. Послѣднее даетъ намъ возможность узнать то, чего бы мы не могли узнать изъ текста, а именно мы встрѣчаемъ тамъ форму „Новъгородъ", изъ которой мы выводимъ заключеніе, что уже въ то время

въ древнерусскомъ языкѣ существовало полногласіе. Очевидно, что писцъ, переписывая священную книгу, стѣснялся измѣнять формы, между тѣмъ какъ послѣсловіе, въ качествѣ его собственныхъ словъ, давало ему возможность писать слова по своему т.е. сообразуясь съ русской орѳографіей. Зная это, мы можемъ предположить, что въ русскомъ языкѣ не только произносились полногласныя формы, но и писались.

Всѣ случаи, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, относятся къ области гласныхъ. Къ нимъ можно присовокупить кое-какія свѣдѣнія о русскомъ языкѣ и изъ области согласныхъ. Такъ въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчается форма прѣже вм. прѣжде, которая доказываетъ, что церковнославянское жд (= dj) произносилось въ русскомъ языкѣ, какъ ж. Отсюда мы можемъ заключить, что и такія формы, какъ между, рожденьи произносились и писались въ русск. языкѣ: межа, роженьи. Изъ современнаго русскаго языка мы знаемъ, что много отступленій отъ этого правила, что доказываетъ, что русскій языкъ до сихъ поръ находится подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, изъ котораго перешло много формъ

даже въ простонародный говоръ.

Зная, что жд передавалось въ русскомъ языкѣ звукомъ ж, мы можемъ сказать, что и звукъ шт передавался у насъ, какъ ч, что и видимъ изъ ц. славянской формы враштатися = русск. ворочаться.

Но примѣровъ для ч = ц въ Остромировомъ Евангеліи еще не имѣется.

Вотъ все, что мы можемъ (сказать) узнать о древнерусскомъ языкѣ на основаніи Остромирова Евангелія. Очевидно, что этого весьма мало для того, чтобы создать себѣ ясное понятіе о русскомъ языкѣ. Мы не знаемъ, какія слова были наиболѣе употребительны тогда, не знаемъ ничего о томъ, что относится къ грамматикѣ русскаго языка: все то обиліе формъ склоненій и спряженій, которое мы встрѣчаемъ въ Остромировомъ Евангеліи относится къ церковно-славянскому языку; какъ бы ихъ передалъ писецъ, еслибы ему предоставили переписку на его благоусмотрѣніе - мы не знаемъ.

Другіе памятники являются въ данномъ случаѣ на помощь, и мы переходимъ къ разсмотрѣнію особенностей языка, встрѣчающихся в Изборникѣ Святослава 1073 г.

Исторія этого памятника заклю-

чается въ томъ, что когда русскіе ученые Строевъ и Калайдовичъ отправились по разнымъ монастырямъ отыскивать русскія древности, то подъ Москвою, въ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ они нашли этотъ Изборникъ Святослава. На немъ былъ помѣченъ годъ его написанія — для Князя Святослава, а въ числѣ приложенныхъ рисунковъ было найдено и изображеніе самого Князя съ семействомъ. Когда въ 50-хъ годахъ пронесся слухъ, что это изображеніе потерялось, то художникъ Оленинъ предложилъ вѣрный снимокъ съ него. Но къ счастью слухъ оказался невѣренъ, и листокъ съ изображеніемъ Святослава нашелся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ, гдѣ находится и до сихъ поръ. Обстоятельство это однакоже побудило хлопотать о томъ, чтобы и сохранной текстъ памятника перевезти въ болѣе надежное мѣсто. Тогда Изборникъ Святослава перевезли изъ Новаго Іерусалима въ Москву и отдали на сохраненіе въ московскую синодальную библіотеку. Памятникъ этотъ долго считался тѣмъ, на что указывало изображеніе Святослава и послѣсловіе. Но благодаря проф. исторіи русской словесности

Шевыреву, открывшему въ Бѣлозерскомъ монастырѣ другой такой же памятникъ, оказалось, что Изборникъ Святослава не то, за что его принимали до тѣхъ поръ. Въ памятникѣ, найденномъ Шевыревымъ, оказалось небольшое отличіе отъ перваго Изборника Святослава, состоявшее въ томъ, что тогъ въ первомъ въ послѣсловіи сказано о Святославѣ, тамъ во второмъ, бѣлозерскомъ, рѣчь идетъ о Симеонѣ Болгарскомъ. На основаніи открытія Шевырева и потомъ Востокова, нашедшаго параллельный сборникъ на греческомъ языкѣ, было доказано, что первоначально этотъ Изборникъ Святослава былъ не что иное, какъ переводъ съ греческаго подлинника, сдѣланный для Симеона Болгарскаго, и что одинъ экземпляръ его попалъ въ числѣ другихъ книгъ въ Россію въ концѣ 10го или началѣ 11го в., былъ списанъ, но писецъ вмѣсто того, чтобы поставить имя болгарскаго царя, поставилъ имя русскаго современнаго ему князя.

Въ послѣсловіи этого Изборника оказалась поправка: имя князя Святослава написано по выскобленному. Это легко объясняется тѣмъ, что писецъ, начавъ свою работу еще при Изяславѣ, окончилъ ее при Свято-

славовъ, и поэтому и поставилъ его имя. Разсказъ, говорящій въ послесловіи о Книголюбивомъ Князѣ, тоже относится къ Симеону. Въ Бѣлозерскомъ спискѣ прямо и выставлено имя его вмѣсто русскаго Князя.

Проф. Ягичъ нашелъ въ бумагахъ покойнаго Григоровича отрывокъ того же сборника, только въ сербской редакціи, что заставляетъ думать, что на югѣ существовалъ и полный сербскій текстъ его, но былъ утраченъ, благодаря несчастной судьбѣ Сербіи.

Къ исторіи разбираемаго нами памятника нужно прибавить, что въ 40-хъ годахъ его намѣревался издать Бодянскій. Нашлось и лицо (одинъ богатый болгаринъ), которое предоставило средства для изданія, но другія занятія постоянно заставляли Бодянскаго откладывать это дѣло. Уже по смерти Бодянскаго нашлось напечатанныхъ около 17 листовъ. Остальная часть труда Бодянскаго остается до сихъ поръ въ рукописи. Хотя благодаря другому меценату, московскому купцу Морозову, Изборникъ Святослава и былъ снятъ фотографически и изданъ въ обществѣ любителей древней письменности, тѣмъ не менѣе желательно бы было видѣть продолженіе труда Бодянскаго, потому что онъ подыскалъ греческій текстъ

и помѣстилъ его въ своемъ изданіи, что весьма важно для изученія памятника. Наконецъ по смерти его нашли въ его бумагахъ большую тетрадку, въ которую онъ записывалъ параллельные тексты позднѣйшихъ сборниковъ. Изданіе варьянтовъ оказало бы не малую помощь изучающимъ этотъ сборникъ.

Проф. Буслаевъ приготовилъ для юбилея Московскаго университета образцы русскаго письма, въ числѣ которыхъ находятся и отрывки изъ этого памятника; тутъ же онъ помѣстилъ и краткое изслѣдованіе о немъ, заключающее въ себѣ однакоже много дѣльныхъ соображеній. До сихъ поръ Изборникъ Святослава только и доступенъ для изученія по этимъ отрывкамъ.

Изъ описанія рукописей отдѣльной библіотеки Горскаго Невоструева мы можемъ имѣть свѣдѣнія о внѣшности памятника, о характерѣ языка его, о языкѣ перевода и проч., но при этомъ нужно замѣтить, что и это описаніе даетъ мало для исторіи русскаго языка.

Попытаемся отыскать по формамъ памятника тѣ особенности, которыя относятся къ русскому языку и даютъ возможность указать, въ какомъ отношеніи находится Изборникъ Святослава

къ другимъ памятникамъ. Вопросъ этотъ усложняется еще тѣмъ, что это памятникъ не чисто-русскій, а церковно-славянскій и такой церковно-славянскій, что мы не можемъ сказать, сходится-ли языкъ его съ тѣмъ, на основаніи котораго была создана церковно-славянская письменность, такъ какъ онъ представляетъ переводъ, относящійся къ концу 9-го или началу 10 в., сдѣланный въ Болгаріи для Симеона. Такимъ образомъ весь вопросъ заключается въ томъ, куда пріурочить родину церковно-славянскаго языка - къ Болгаріи или къ другой странѣ.

Въ этомъ памятникѣ нужно признать:

1) вліяніе традицій церковно-славянскаго языка,

2) вліяніе тѣхъ Славянъ, которые переводили сборникъ съ греческаго и могли внести много локальныхъ особенностей въ переводѣ; слѣдовательно - вліяніе элемента славяно-болгарскаго и

3) слѣды русскаго вліянія

Лексическая сторона памятника отличается большимъ разнообразіемъ. Для русскаго писца, вѣроятно, были многія слова подлинника вовсе не понятны, благодаря вліянію славяно-болгарскаго элемента, который, надо полагать, былъ вовсе не тронутъ русскимъ переписчикомъ. Попадаются напр. такія

слова, какъ коуръ, коурица; пѣтоухъ, пѣтелъ на ряду съ кокошь, сабель и сабельница не встрѣчающіяся ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи въ этомъ значеніи. Откуда взялись эти слова?

Обратимся къ звуковымъ особенностямъ Изборника Святославова. Онѣ заключаются въ слѣдующемъ:

а) Правильное употребленіе полугласныхъ ъ и ь (сбравъ 63), какъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка въ противоположность позднѣйшимъ, гдѣ она не наблюдается.

Замѣна ихъ звуками о и е встрѣчается очень рѣдко, но всетаки есть слова, въ которыхъ о стоитъ вм. ъ, напр. зоглоба вм. зъглоба отъ слова зълъ. или въ словѣ (до) гнодвекы (земля) 137г

в) Употребленіе слогообразовательныхъ р и л съ полугласной передъ гласной, напр. дръжати 63б, дълъгы, кърчьмьникъ 87б, простьрьсо, кърмьчите 82в и др.

Очевидно, эти формы подверглись вліянію русскаго произношенія. Въ такихъ словахъ, какъ слъза русское произношеніе совпадало съ книжнымъ, хотя можетъ быть въ правописаніи есть своя доля русскаго вліянія (т. е. ь вм. ъ)

Встрѣчаются, но очень рѣдко, формы, въ которыхъ писецъ соединилъ орѳографію первоначальную съ русскимъ правописаніемъ, т. е. ставилъ полугласную передъ гласной и послѣ гласной, напр. оутвърьдилъ 70в

Вообще можно сказать, что въ Изборникѣ Святослава по большей части встрѣчаются сначала формы съ русскимъ правописаніемъ, а подъ конецъ — церковно-славянскія.

с) Неправильное употребленіе носовыхъ звуковъ подъ вліяніемъ русскаго нарѣч., хотя несомнѣнно, что въ подлинникѣ они употреблялись по правиламъ церковно-славянской грамматики. Замѣна ѫ звукомъ оу и ѧ — ꙗ или а встрѣчается въ русской редакціи Изборника гораздо чаще, нежели въ Остромировомъ Евангеліи. Такъ мы встрѣчаемъ рядъ слѣдующихъ образцовъ написанія формы: разѫмъ 13 вм. разумъ, кънѧзѫ 137 вм. кънѧзоу, дѫшоу вм. доушѫ или: видѣю 52 вм. видѣѫ, двѣю вм. двѣѫ и т. д.

Употребленіе ꙗ (а) вмѣсто ѧ: напр. врѣмя 52 вм. врѣмѧ, тѧла 53 вм. тѧзѧ, клятва 18 вм. клѧтва ([illegible])

d) Что касается до звука ꙑ, то мы уже говорили, что въ Остромировомъ Евангеліи онъ пишется такъ: ꙑ, а въ Изборникѣ — ꙑ и ы. Кому приписать такое правописаніе — юго-славянскому или русскому вліянію? Надо думать, что этотъ звукъ писался такъ въ подлинникѣ, потому что мы встрѣчаемъ въ русскихъ памятникахъ 11–14 в. постоянно ꙑ, только съ 15 в. начинаютъ писать ы. Впрочемъ ы преобладаетъ только въ нѣко-

лѣ текста, а потомъ уже пишется ѣ
e) Частое употребленіе полногласныхъ формъ, чаще, чѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи, напр. серебрѣмь 136в, серебро 162в, поросяте 251а, полонъ 63б, полоньники 85б и др.

f) Мягкость произношенія, свойственная теперь польскому и сѣверо-западнымъ нарѣчіямъ, но не принадлежащая юго-славянскимъ нарѣчіямъ. Въ разбираемомъ нами памятникѣ является въ слѣдующихъ формахъ: нѥ бо (= ибо не), нѥбонѣ 9а, нѥденьса 53б и др. Относительно послѣдней формы нужно замѣтить, что здѣсь ѥ іотованное въ началѣ слова — явленіе совсѣмъ особенное, въ другихъ памятникахъ не встрѣчающееся.

Затѣмъ для обозначенія мягкости звука здѣсь употребляется иногда особый знакъ ͡, какъ напр. въ ср. съ ними 9. прогнѣва 9, въ пѫстыни 9.

Мягкость такихъ формъ, какъ когдѧ вм. когда, расхыщѧемо 10б, въ одѣждахъ овьчахъ 181а и т.д. объясняются русскимъ вліяніемъ.

g) Смѣшеніе е съ ѣ, хотя впрочемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. облицѣмь съ 54, вм. облице 162б.

Такъ какъ Изборникъ, надо думать, переписанъ на югѣ Россіи, гдѣ нибудь въ Кіевской области, то слѣдовало бы ожидать смѣшенія и съ ѣ. Но это смѣшеніе является только въ одной формѣ исцѣли 162 вм. исцѣлы

h) Несомнѣннымъ букизмомъ нужно считать употребленіе предлога роз- вм. раз-, напр. роздѣлиша вм. раздѣлиша.

Въ области согласныхъ звуковъ встрѣчаемъ слѣдующія особенности:

a) Стяженіе жд въ ж, напр. недажь 170а, въ одежахъ 181а, чужимъ 82а, не нажь 257с

в) Стяженіе шт въ ч, напр. тренечѣ шта

Въ области склоненій и спряженій:

а) Болѣе частое употребленіе окончанія творительнаго падежа единственнаго числа на -омь, нежели на -ѣмь, которое едва ли можно считать русскимъ, напр. гласомь 14а, слоухомь 13с

в) Окончаніе дательнаго падежа единственнаго числа на -омоу и даже ео-моу вм. оумоу напр. противу чрьмьномоу морю 137с, вьторомоу, трезьномоу. вьцѣлеомоу, прѣстоупатителемоу. Трудно сказать, было-ли такъ-грие въ южно-славянскомъ подлинникѣ.

Форма собѣ встрѣчается очень часто, но до сихъ поръ не объяснено, къ какой мѣстности можно ее пріурочить, хотя и несомнѣнно, что она русская („оже ти собѣ не любо" 263с)

с) Болѣе частое употребленіе формъ 3го л. единственнаго числа безъ окончанія -ть, напр.: „что и не въ селеньи" 8а, бывае 8а, да не бѫде, хоще 54с, подобае и подобаеть 82с

Эти формы могутъ быть объяснимы

южно-славянскимъ элементомъ, а не русскимъ вліяніемъ, хотя въ южно-русскомъ говорѣ онѣ употребляются безъ -тъ. Едва-ли можно считать ихъ малороссійскими, потому что и въ другомъ болгарскомъ памятникѣ времени Симеона - Шестодневѣ - онѣ весьма многочисленны.

Другой Изборникъ Святослава, хранящійся въ Публичной Библіотекѣ, представляетъ собой книжку небольшаго формата in 8°, довольно объемистую. Памятникъ этотъ заключаетъ въ себѣ большею частью статьи поучительныя. Нѣкоторые ученые подозрѣвали, что памятникъ этотъ не относится къ 1076 году, помѣченному на послѣднемъ листкѣ, на томъ основаніи, что въ немъ есть мѣста, писанныя болѣе черными чернилами. Но это обстоятельство объясняется тѣмъ, что на многихъ страницахъ въ началѣ и въ концѣ вслѣдствіе частаго употребленія и по другимъ причинамъ первоначальное письмо поблѣднѣло, показалось неяснымъ, такъ что исправлявшіе его сочли необходимымъ подвести новыми чернилами истертыя мѣста.

Этотъ памятникъ заключаетъ въ себѣ тѣ же особенности, которыя мы встрѣчали и въ первыхъ двухъ, только вліяніе правописанія русскаго

раскинулось въ немъ еще шире.

Минеи 1096 и 1097 г. обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что мы почти не встрѣчаемъ здѣсь носовыхъ звуковъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ писецъ оставилъ ихъ. Малый юсъ встрѣчается иногда въ значеніи ꙗ и а вм. ѧ; ѩ не употребляется. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе смѣшеніе е съ ѣ, напр. предъ вм. прѣдъ, употребленіе ц вм. ч, отзывающееся вліяніемъ новгородскаго говора („цоканье"), напр. пророцьскъ и смѣшеніе звуковъ о и а, напр. лодиꙗ вм. ладиꙗ; ровьнъ вм. равьнъ.

Такъ какъ мы знаемъ, что обѣ Минеи написаны въ Новгородѣ, а оба Изборника - по всѣмъ соображеніямъ въ Кіевѣ, то, конечно, кромѣ общаго интереса, представляемаго этими памятниками, они возбуждаютъ еще наше любопытство въ томъ отношеніи, что нельзя-ли на основаніи ихъ получить хотя намеки на то, въ какомъ отношеніи могли находиться въ 11 в. русскія нарѣчія къ самому русскому языку.

Важное значеніе нарѣчій по отношенію къ + языку давно уже признано, но не вездѣ разработаны матеріалы по этому предмету. Всего больше по исторіи нарѣчій и ихъ отноше-

нію къ книжному языку сдѣлано въ Германіи и въ Италіи.

Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ то, что изслѣдованіе нарѣчій языка не разрываетъ единства литературы. Въ Италіи оно давно существовало, но это не мѣшало отдѣльнымъ лицамъ съ особенною любовью заниматься изученіемъ локальныхъ нарѣчій и впослѣдствіи внести всѣ особенности ихъ въ общую исторію языка. Давно уже признано, что выдѣлить изъ языка его нарѣчія, значитъ прекратить сообщеніе притоковъ съ рѣкой.

Зная это, мы обращаемся къ тому, что сдѣлано у насъ по части исторіи нарѣчій. Оказывается, что въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано немного, и наши изслѣдованія нарѣчій сводятся къ собиранію этнографическаго матерьяла. Въ 60-70 годахъ у насъ издано много этнографическихъ сборниковъ, но все это сырой матерьялъ, не представляющій никакихъ обобщеній. Первая попытка теоретической обработки принадлежитъ Далю, который въ предисловіи къ своему большому лексикону „Толковый словарь живаго великорусскаго языка" говоритъ, что ихъ о русскихъ нарѣчіяхъ свѣдѣнія, даваемыя имъ здѣсь, пріобрѣтены практически, но не смотря на видимое отсутствіе систематики

специалиста, заключают въ себѣ много дѣльныхъ замѣчаний относительно группы великорусскихъ нарѣчий.

Проф. Харьковскаго университета Потебня сдѣлалъ попытку сличенія нарѣчий сѣверно-русскаго и южно-русскаго на основаніи этнографическихъ сборниковъ.

Къ указаннымъ трудамъ присоединилось недавно изслѣдованіе покойнаго Колосова, который съ цѣлью изученія говоровъ предпринялъ путешествіе въ сѣверныя губерніи. Кромѣ того онъ пытался составить сводъ всего, написаннаго по части нарѣчий и издалъ этотъ трудъ въ Варшавѣ.

Сообразно съ желаніемъ науки изслѣдовать нынѣ живущія нарѣчія по отношенію къ русскому языку, у насъ является также попытка узнать, не могли-ли нынѣшнія нарѣчія въ древности оказать извѣстнаго вліянія на церковно-славянскій языкъ? - и если оказали, то какая разница въ этомъ случаѣ между сѣверно-русскими и южнорусскими говорами?

Для этой цѣли мы имѣемъ два памятника, писанныхъ въ Новгородѣ, и два - въ Кіевѣ. Въ Новгородскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ прежде всего сравнительно съ церковно-славянскими очень много случаевъ (замѣны)

а) замѣны ѣ звукомъ е, напр. въ словахъ:

преже 14^б, 16^а, пре-, пред-, опребивив 24^а, истреби 23^б, тѣлесьную 17^а, извыче 21^а, къ тебе 2^б 16^б, къ себе 6^а и пр.

Въ подтвержденіе того, что церковно-славянское ѣ по выговору равнялось у русскихъ звуку е, мы можемъ привести и примѣры замѣны е звукомъ ѣ въ словахъ: съ небесѣ 5^б, дрѣвле 19^б, прилѣжно 8^а, ангѣльскыми ликы 25^а.

Можно бы пожалуй предположить, что ѣ замѣнило звукъ и въ формахъ съ небесѣ 5^б, всего ты хвъ себѣ приложивъ 5^б, но тогда языкъ еще не зналъ окончанія родительнаго падежа на и.

Замѣна е звукомъ ѣ и наоборотъ есть фактъ, заключающій въ себѣ доказательство того, что въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи ѣ произносилось, какъ е.

Спрашивается, можно-ли въ этомъ отступленіи русскаго памятника отъ традицій церковно-славянскаго языка видѣть различіе сѣверно-русскаго отъ южно-русскаго нарѣчія? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать пока только тѣмъ, что замѣна е звукомъ ѣ и наоборотъ встрѣчается также и въ южно-русскихъ памятникахъ, но примѣровъ этого явленія тамъ значительно меньше; если же примѣры есть, то мы не можемъ сказать, чтобы это явленіе было особенностью сѣверно-русскаго говора — оно есть общерусское.

Мы собственно говоря не удивляемся, что въ памятникахъ северно-русскаго языка встрѣчаемъ е вм. ѣ, не удивляемся потому, что это и до сихъ поръ составляетъ отличительную черту ихъ. Скорѣе приходится удивляться тому, что въ южнорусскихъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ замѣны ѣ звукомъ и. Съ нашей точки зрѣнія мы ожидали бы тамъ больше примѣровъ замѣны ѣ звукомъ і, потому что теперь малороссы произносятъ ѣ, какъ мягкое і. Но замѣна эта встрѣчается тамъ очень рѣдко, какъ мы уже видѣли; къ тому же и въ новгородскихъ памятникахъ она попадается (даже въ послѣднихъ гораздо чаще, чѣмъ въ южныхъ), напр. въ словахъ: причистаиа ребра 10а, 18б, 23а, твое трьпиние 36а, лицеипрьствовавъ 28б, мракоприбываниие 36б, прибывающимъ ѣ причистыихъ ложесиъ 29а. Конечно, этихъ примѣровъ также немного, но они доказываютъ, что даже въ 11в. на сѣверѣ ѣ замѣнялось і. По всей вѣроятности, это явление есть тоже, какое мы встрѣчаемъ и теперь въ новгородскомъ говорѣ, но и тамъ оно наблюдается только спорадически, т. е. мѣстности, гдѣ ѣ произносится, какъ і, но нельзя сказать, чтобы такое произношение наблюдалось сплошь — есть деревни, въ которыхъ старики произносятъ ѣ, какъ і, а молодые, какъ е, и нѣтъ ни одной

гдѣ бы всѣ и всегда произносили ѣ, какъ і.

в) Дальше мы встрѣчаемъ въ новгородскихъ памятникахъ примѣры мягкости нѣкоторыхъ гласныхъ. Всѣ памятники 11 в. отличаются еще вѣрной передачей этой церковнославянской орѳографіи, хотя для русскаго языка обозначеніе мягкости гласныхъ уже излишне, такъ какъ онъ произносилъ мягко тѣ звуки, которые нужно было такъ произносить. Мы встрѣчаемъ тамъ всетаки формы, въ которыхъ мягкость обозначена: сѩ 6[a], рѫгающе сѧ 35[в], срдьце, приводящие 48[a], съ небесе 116[в]. Но рядомъ съ формами, въ которыхъ мягкость обозначена, встрѣчаются и такія, въ которыхъ она не обозначена, напр. ѥсть и есть, ѥго и его.

Тоже (дще) самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ памятникахъ южно-русскихъ.

с) Употребленіе мягкихъ гласныхъ послѣ шипящихъ и свистящихъ также не составляетъ спеціальной особенности сѣвернорусскаго нарѣчія. Примѣры: досточюдьне 7[a], стражющиимъ 8[в], чюдеса 10[в] 23[a], въздрастьшюю 11[a], по нощьницю 14[в], кнѧзя 15[в], стьзю 16[в], 22[a] всѣхъ въ щьшюю 19[в], рожьшюю 28[a], чюже 33[в], дъщицю 33[a], вашю памѧть.

d) Замѣтно чуткое отношеніе къ полугласнымъ звукамъ, напр. зълобу 4[в], зълыхъ 4[в], зълобою 10[a] и постановка звука ь тамъ, гдѣ его нужно ожидать, напр.

алли
анаменлиф
анамериф
а

напр. избранѣю 4б, свѧтаться 20а, мольбѣю 5б, тьмю 10б, зьржще 7а, мечьное 27б, лѣгѣкъ 11а, стьзю 16б, попьраста 13а, стькланицоу 17б, оцвѣзаѣ 19а, процвьла еси 19а, бестьла 23б и ъ тамъ, гдѣ нуженъ этотъ звукъ, напр. въ иноу 12б, вьторые 23а

e) Замѣна ѣ звукомъ ѣ, не составляющая впрочемъ локальной особенности. Примѣры: и цѣсарьствиа 8а

f) Замѣна и звукомъ ѣ, напр. зѣмѣна 6б 7а, величѣнемъ 11б

g) Замѣна ъ звукомъ о, напр. храборьское 8б, Краеоугольныи 11а, дѣхновенъ 24а.

Во всемъ этомъ нѣтъ однакоже ничего такого, что составляло бы особенность сѣверно-русскаго нарѣчія.

h) Употребленіе звука ѣ передъ плавными р и л и послѣ плавныхъ, напр. отвѣрьгъша 2а, извѣрьгъ 5а, оумьрьщвенъва, тѣрьпѣнила 3а, твѣрьдаго камене 3а, дѣрьѕнавьшаю 3а, въ цѣрькъвы 7а, пѣрьваго 3б 6а, отъвѣрьзъмъ оуста 3б, скѣрьноу 3б, съмьрьть 4а, 5а, дѣрьзновение 4б, оутвѣрьдилъ еси, почѣрьпаемъ 9б, тьрьпьцъ 12а, вѣрьста 27б, миродѣрьжителя 14б, отвѣрьгоста 16б, тѣрьнила 27а

i) Употребленіе звука ъ передъ плавными р и л и послѣ плавныхъ, напр. търъжьство 3а 5б, дълъго 3а, немълчьно 4а, дължьно 18а, кърмило 4б, кърмьникоу, сълньце 20а, наплъни 6б, вълкъ 29а, скърьби 8а, опълъчиста 13а, скърьбяще 15б, пълкы 26а

Въ этихъ примѣрахъ хотѣли видѣть

особенность сѣверно-русскаго нарѣчія сравнительно съ южно-русскимъ (вѣрно то, что такіе примѣры попадаются гораздо чаще въ сѣверно-русскихъ, чѣмъ въ южно-русскихъ памятникахъ), но такъ какъ это явленіе не сплошное, а спорадическое, нѣтъ ни одного памятника, гдѣ бы неизмѣнно повторялось двоякое употребленіе ь или ъ передъ плавными и послѣ плавныхъ, то и нельзя сказать, что это особенность сѣверно-русскаго нарѣчія. Въ Минеяхъ новгородскихъ слово „торожество" пишется съ двумя ъ и съ однимъ ъ, стълъпъ и стълпъ, вълъкъ и вълкъ. Трудно тутъ говорить, что одно и тоже слово въ томъ же говорѣ произносилось стълпъ (= столпъ) и стълъпъ (= столопъ)

k) Юсы конечно замѣняются простыми гласными; ІѦ не употребляется, такъ какъ Ѧ самъ по себѣ произносился русскими, какъ я

l) Особенность сѣверно-русскихъ памятниковъ заключается въ томъ, что тамъ -ыи произносится, какъ -ой, напр. свой тѣлообразной вм. свой тѣлообразный. Точно также мы встрѣчаемъ ерофму „Нестере чюдной" вм. чудный, но она, какъ оказывается, исправлена потомъ: изъ о сдѣланъ ъ и потомъ прибавлено е.

Всѣхъ этихъ примѣровъ достаточно все-таки для того, чтобы утверждать,

что нѣкоторыя особенности нынѣ существующихъ говоровъ существовали уже въ 11 в. Но какъ главная особенность сѣверно-русскихъ нарѣчій должно быть признано смѣшеніе ц съ ч напр. вѣньчьць 5б, 17а, 50б, 57б, озарѧеть коньча земли 50а, мече него 31б, отци агньчи 46а, бесъвѣнаго младеньча 57а, велици мъци 53б, агньчи 99б.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какъ далеко заходило въ древность вліяніе говоровъ, и какъ оно было сильно, несмотря на стараніе писцовъ не подчиняться ему.

Еще одна особенность сѣверно-русскихъ памятниковъ - стоитъ того, чтобы упомянуть объ ней: она состоитъ въ томъ, что тамъ, гдѣ слав. жд равняется русскому мягкому ж (напр. рожьство 6а, зижителя, преже 14б, рожьша 6а, одежею 13а, надежа 22б, роженоумоу 23б) въ сѣвернорусскихъ памятникахъ встрѣчаются формы, въ которыхъ жд передается черезъ жг, напр. рожгению 4б, разжизанемъ, сѡ тоужгаго 8а, дхъ ноужевныи 21б, пригвазжданиа 46б.

Относительно формъ языка мы должны спросить: возможно-ли въ наличномъ составѣ формъ, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ 11 в., найти какія нибудь особенности, на основаніи которыхъ можно сдѣлать выводъ о характерѣ древне-русскаго языка.

Относительно этого замѣтимъ слѣдующее: Иныя формы нынѣшняго языка развились повидимому только въ теченіе позднѣйшихъ столѣтій. Но не о каждой формѣ, которая не можетъ быть засвидѣтельствована древнѣйшими памятниками, мы въ правѣ утверждать, что ея въ то время въ народномъ языкѣ не было. Тоже нужно сказать и о формахъ, существовавшихъ въ языкѣ 11 в., и носившихъ на себѣ слѣды книжной традиціи церковно-славянскаго языка и принадлежавшихъ къ народнымъ формамъ русскаго языка — и потому, что мы вовсе не имѣемъ народныхъ памятниковъ, относящихся къ этому столѣтію.

Внимательно вглядываясь въ памятники 11 в., мы убѣждаемся, что практическое знаніе у писцовъ было удивительное — оно было пріобрѣтено имъ благодаря внимательному чтенію памятниковъ церковно-славянскаго языка.

Особенности склоненій.

Въ формахъ Именительнаго падежа въ*) не встрѣчается ничего особеннаго (Формы книжныя, вѣроятно, были въ тоже время и народныя) Встрѣчаемая форма Именительнаго падежа „господині" можетъ считаться чисто-русскою, точно также, какъ и форма церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти формы могутъ считаться и правильными ц.слав. формами.

*) частности.

Въ Родительномъ падежѣ Единственнаго числа повторяются тѣ же формы древнерусскія, какъ и церковно-славянскія; слѣдовательно, въ то время не было подобной формы, какъ доуши — она встрѣчается только черезъ нѣсколько столѣтій. Окончаніе Родительнаго падежа единственнаго числа именъ женскаго рода въ твердомъ склоненіи было на ѣ (рыбы), въ мягкомъ — на ѧ (доушѧ) Въ древнерусскомъ, если эта форма существовала, она имѣла окончаніе на а (доуша)

Тоже самое мы видимъ въ Именительномъ и Винительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. спаси доуша наша (здѣсь на послѣ ш).

Отсюда можно понять, что такое совпаденіе многихъ падежей въ одну форму мѣшало языку. Тогда онъ прибѣгнулъ къ другому средству — диференціаціи формъ. Экономія языка, желавшаго имѣть разницу въ падежныхъ формахъ, выразилась въ томъ, что очень рано, еще въ памятникахъ XI в. развивается новая форма для Родительнаго падежа единственнаго числа и для Именительнаго и Винительнаго падежей множ. числа. Это форма на ѣ. Такъ напр. въ Минеи 1096 г. мы встрѣчаемъ:

Лит. Ѳомина. Горох. д. 17.

„Въ дни св. Евлампія и св. Евлампиѣ."
Какъ развилъ языкъ эту форму на ѣ? Вероятно, силою аналогіи или такъ называемою формальною ассимиляціей. Несомнѣнно, что ѣ въ глазахъ писца того времени равнялось е. Въ новый періодъ языка та половина словъ, которая кончалась на твердое а въ Именительномъ падежѣ, (въ Родительномъ на ы), привлекла къ себѣ по аналогіи ту половину словъ, которые оканчивались на а въ Именительномъ падежѣ. Такимъ образомъ путемъ аналогическимъ всѣ слова на а примкнули къ словамъ, оканчивающимся на ы въ Родительномъ падежѣ. Въ древности этого не было: мягкія окончанія еще дѣйствовали; законъ фонетическій еще не позволялъ, чтобы послѣ мягкихъ консонантовъ, какими въ то время были ч, ш, ж, шт, жд, ц произносилось или писалось ы. — И такъ языкъ остановился на полпути, т.е. на окончаніи ѣ. Это окончаніе не что иное, какъ выраженіе стремленія уподобить эту форму на ы.

Затѣмъ въ то время еще не было формъ такихъ, какъ напр. времени. Точно также въ Дательномъ падежѣ не существовало еще полнаго совпаденія всѣхъ формъ на ѣ, а точно соблюдалось, что послѣ твердой согласной ставилось ѣ, а послѣ мягкой — и (души, рыбѣ).

Слѣдовательно, форма „дочери" могла быть въ Дательномъ и Мѣстномъ падежахъ единственнаго числа и въ Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ падежѣ Двойственнаго числа.

Въ Дательномъ падежѣ множественнаго числа писалось тогда уже правильно окончаніе на -омъ или для женскаго рода -амъ, а въ Творительномъ падежѣ единственнаго числа тамъ, гдѣ позднѣе было окончаніе -омъ, тогда еще соблюдалась разница, писалось -ъмь и -ьмь. Можно сказать, что вмѣсто окончанія на -ъмь встрѣчается окончаніе на -омь, но тутъ еще не смѣшивается Дательный падежъ множественнаго числа и Творительный падежъ единственнаго числа.

Творительный падежъ множественнаго числа оканчивался на -ами только у словъ съ темою на а (женские); основы на о-ъ (сынъ, домъ, богъ) различаемъ по этимологическому различію этого ъ, т.е. гдѣ ъ было = о родственныхъ языковъ, творительный падежъ оканчивался на ы (богы), а гдѣ ъ = u родственныхъ языковъ, тамъ на -ми. Напр. мы встрѣчаемъ ср. чинъми (8б), увѣтъми (17в) и рядомъ богы. И то, и другое совершенно правильно.

Въ Мѣстномъ падежѣ единственнаго числа форма на ѣ существовала еще рядомъ съ формой на и, напр.: „на невидимѣмь [illegible] камене" (17с) и „на камене

(46ᵉ 51ᵉ) Смѣшеніе этихъ формъ встрѣчается очень часто, а потому это древность и церковно-славянская и русская.
Во Множественномъ числѣ Мѣстнаго падежа встрѣчаются формы трѣхъ (вм. трехъ), въ бранѣхъ (16ᵃ), по днѣхъ трѣхъ десятѣхъ 56ᵇ. Это все древнія формы и, можно сказать, были и русскими особенностями, а не только церковно-славянскими.

Что касается склоненій прилагательныхъ, то здѣсь мы замѣчаемъ особенное колебаніе въ дательномъ падежѣ ед. числа мужескаго рода. Древнѣйшее окончаніе дательнаго падежа именъ прилагательныхъ мужескаго рода было -оуему. Это -оуемоу было не что иное, какъ соединеніе дат. падежа и мѣстоименія ему. Впослѣдствіи окончаніе оуемоу черезъ ассимиляцію перешло въ оуоумоу, а затѣмъ сократилось въ -оумоу. И дѣйствительно въ памятникахъ XI в. мы встрѣчаемъ эту форму на оумоу, но рядомъ съ нею уже и русскую форму на омоу, но и эта форма писалась иногда съ двумя о, напр. тихоомоу и рядомъ съ нею ф. тихомоу. Но, какъ видно, писецъ позволялъ себѣ писать эту форму со страхомъ, ибо рядомъ съ ней мы можемъ найти старую форму тихоуоумоу и тихоумоу (13с) Такимъ образомъ

видно колебаніе между книжной традиціей ц. славянскаго языка и русской народной формой. Что касается до Родительнаго падежа именъ прилагательныхъ, то несомнѣнно, что руское правописаніе XI в. было на -аго, иногда на -ааго, и такія формы еще встрѣчаются въ памятникахъ VI в., напр. добраaго и рядомъ добрага. Что касается до множественнаго числа, то судя по древнимъ памятникамъ существовали болѣе полныя формы, какъ напр. добрыихъ, добрыимъ и рядомъ форма съ однимъ н: бѣстьныихъ и сладкыихъ словесъ или „беззаконьныихъ въпихаше"
(41с) Интересно, что иногда для болѣе точной передачи звука ъі въ прилагательномъ писалось окончаніе на -оихъ, напр. неистльньноихъ грѣзнъ (148) Это есть не что иное, какъ наше окончаніе на -ыихъ; языкъ, какъ видно, чувствовалъ, что это окончаніе образовалось изъ ъ и ихъ, затѣмъ перешло въ -ыихъ, а послѣ въ -ыхъ. Кромѣ того мы встрѣчаемъ ср.: „отъ оузъ болѣзьноихъ". Трудно сказать, выражаетъ-ли собой эта форма мѣстное произношеніе или есть случайная описка переписчика. Но вообще примѣровъ на -оихъ и -оимъ такъ мало, что имъ нельзя придавать большаго значенія. Что касается до причастія, то можно сказать, что оно совпадаетъ съ именемъ прилагательнымъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ,

напр. возлѣ формы страдавшимъ попадается иногда страдавшемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ именительнаго падежа множ. числа (страдавши). Въ памятникахъ VI и слѣдующихъ столѣтій можно встрѣтить дательный и мѣстный падежъ мѣстоименій тобѣ и собѣ вмѣсто тебѣ и себѣ

Относительно спряженій мы должны задать себѣ нѣсколько принципіальныхъ вопросовъ. Сравнивая нынѣшній русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, мы замѣчаемъ съ одной стороны полную потерю нѣкоторыхъ формъ, какъ напр. аориста и имперфекта. Съ другой стороны различія и отступленія на счетъ окончаній лицъ: такъ напр. ц. славянскій языкъ для 1го лица имѣетъ окончаніе на ѫ, для 2го — на ши, для 3го — на тъ. Русскій языкъ имѣетъ наоборотъ въ 1мъ лицѣ — у, во 2мъ шь, въ 3мъ — тъ. Но въ древне-русскихъ памятникахъ мы находимъ окончаніе 3го л. на — тъ: бые-тъ, дас-тъ и т. п. Спрашивается, какое значеніе можно придать этому факту? Въ памятникахъ церковно-славянскихъ, перешедшихъ въ Россію изъ Болгаріи, несомнѣнно въ 3мъ л. имѣемъ окончаніе на — тъ. Въ русскихъ же формахъ находимъ окончаніе 3го л. на — тъ. Этимъ окончаніемъ еще недавно пользовались въ томъ смыслѣ, что эти формы

суть результаты вліянія южно-русскаго нарѣчія на письменность древнихъ памятниковъ, т.е. въ этихъ формахъ видна черта южно-русскаго или малороссійскаго нарѣчія. Такому мнѣнію нельзя удивляться. Зная, что русская письменность зародилась на югѣ, легко можно ожидать, что всѣ первоначальныя отступленія отъ формъ языка церковно-славянскаго произошли подъ вліяніемъ южно-русскаго нарѣчія. Но этимъ мнѣніемъ нельзя пользоваться, какъ фактомъ, ибо никто не можетъ доказать, что въ то время существовала такая разница между говорами сѣверно-русскаго и южнорусскаго нарѣчія, что на сѣверѣ всегда было твердое произношеніе на -тъ, а на югѣ мягкое на ть, этого никакъ нельзя доказать, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ много памятниковъ сѣверныхъ, гдѣ мы находимъ такія же формы на -ть такъ послѣдовательно, что можно допустить, что твердое сѣверное произношеніе развилось позже въ XIII и XIV в.

Кромѣ формы 3го л. ед. числа обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій вопросъ: существовали-ли въ древнерусскомъ языкѣ тѣ формы, которыя мы встрѣчаемъ въ письменности церковно-славянской древнихъ памятниковъ для выраженія прошедшаго времени, какъ то аористъ и имперфектъ? Если считать, что все встрѣчаемое

нами въ памятникахъ, существовало и въ обращеніи, въ языкѣ, то на вопросъ должны отвѣтить утвердительно, ибо въ памятникахъ XI и XII в. мы, почти на каждой страницѣ, встрѣчаемъ аористъ и имперфектъ. Такъ слова "рекоша мънихоу" постоянно повторяются . Но спрашивается, можно ли считать, что формы эти были въ то время извѣстны въ письменности не только, какъ формы книжныя, но и, какъ формы народныя? На этотъ вопросъ отвѣтить очень трудно, во-первыхъ, по недостатку чисто народныхъ памятниковъ того времени, во-вторыхъ, и тѣ памятники, которые имѣются, еще мало изслѣдованы. Главные памятники, которые мы имѣемъ, всѣ или церковно-славянскіе, или, хотя русскіе, но составлены по образцу церковно-славянскихъ памятниковъ, а, слѣдовательно, подражаніе имъ и въ формахъ письменности. Извѣстная доля народности, если обратить вниманіе, еще найдется въ тѣхъ памятникахъ, которые носятъ свѣтскій характеръ, таковы напр. грамоты, законы и кое какія пословія, записанныя въ русскихъ книгахъ. При разсмотрѣніи ихъ можно дойти до такого рода заключеній, что хотя между формами древнерусскаго языка 11 и 12 в. аористъ и имперфектъ еще и существо-

ствовали, но во всякомъ случаѣ языкъ от-
давалъ предпочтеніе сложнымъ формамъ,
т.е. на -лъ и -ла съ прибавленіемъ вспомо-
гательнаго глагола - есть. Языкъ началъ из-
бѣгать простаго прошедшаго времени.
Возьмемъ для примѣра глаголъ избѣгъ.
Глаголъ этотъ въ прошедшемъ простомъ
по церковнославянскимъ формамъ дол-
женъ имѣть: избѣгохъ, избѣже; избѣгохомъ,
избѣгосте, избѣгоша; избѣгоховѣ, избѣгоста и
избѣгосте. По этому образцу спрягались всѣ
глаголы ц. славянскаго языка; разница
только въ памятникахъ тематическомъ
вокалѣ. Языкъ ц. славянскій былъ еще на-
столько силенъ, что для выраженія 2-го л.
единств. числа пользовался тою же фор-
мою, какъ для 3-го лица: писа, бѣже. Но
языкъ рано началъ чувствовать неудобство
имѣть для 2-го л. ту же форму, какъ и
для 3-го. На основаніи примѣровъ, находя-
щихся въ древнихъ памятникахъ, мож-
но доказать, что языкъ сталъ избѣгать
этой формы для выраженія 2 л.; предо-
ставивъ ее 3 лицу; для 2-го онъ сталъ при-
бѣгать къ сложной формѣ: избѣглъ еси.
Въ древнемъ памятникѣ: Псалтыри
во всѣхъ этихъ случаяхъ мы находимъ
сложныя формы на ряду съ простыми.
Зная греческій подлинникъ, гдѣ мы встрѣ-
чаемъ ту же форму для 2-го л., какъ и
для 3-го, мы въ правѣ рѣшить, что

измѣненіе сдѣлано не подъ греческимъ вліяніемъ, а подъ вліяніемъ чужого переводчика или переписчика. Дѣло въ томъ, что уже древній славянскій языкъ не могъ примириться съ совпаденіемъ 2 и 3 л. въ одной формѣ. Тоже самое повторяется и въ древнерусскихъ памятникахъ, напр. въ Минеяхъ. Тамъ мы встрѣчаемъ, гдѣ-рѣчь идетъ о 2 л. ед. числа, форму „правътимъ еси" (55б). Но судя по древнимъ памятникамъ русскій языкъ со своей стороны это предпочтеніе сложныхъ формъ во 2 лицѣ перенесъ и на 3е, и вообще на всѣ формы этого времени. Все это доказываетъ, что русскій языкъ въ то время вообще любилъ отдавать предпочтеніе сложнымъ формамъ передъ простыми. Такъ напр. мы встрѣчаемъ: „ходилъ есть", „сы сотворилъ есть", „пріѣхалъ есть" и т. п. Что эти формы были чисто русскія, а не ц. славянскія, и что онѣ не порождены писцами, а были чѣмъ-то необходимымъ, можно вывести изъ того, что и въ гражданскихъ памятникахъ XII, XIII в. мы встрѣчаемъ сложныя формы.

Памятники XII в.

Желая относиться осторожно къ нашему вопросу, мы здѣсь займемся

по преимуществу памятниками съ обозначенными годами. Первое место между ними занимаетъ такъ называемое Мстиславово Евангелiе, лучшiй памятникъ после Остромiрова Евангелiя. Что касается до его палеографическихъ особенностей, то онѣ пока мало извѣстны. Принадлежа къ сокровищамъ Архангельскаго собора, Мстиславово Евангелiе почти недоступно, по тѣмъ же спискамъ, которые съ него сдѣланы, нельзя судить вполнѣ вѣрно, ибо, какъ говорятъ, они не вполнѣ вѣрно передаютъ каллиграфическiя особенности рукописи. Недавно вышла монографiя Лебедева объ Архангельскомъ соборѣ, которая содержитъ въ себѣ любопытныя указанiя и на это Евангелiе. Но на основанiи этого все же нельзя составить вѣрное и ясное понятiе о характерѣ письма и о влiянiи русской письменности на это письмо.

Буслаевъ говоритъ, что въ этомъ Евангелiи руссификацiя идетъ еще дальше, чѣмъ въ Остромiровомъ Евангелiи: юсовъ тамъ почти нѣтъ (?), а малый встрѣчается тоже не часто, вполнѣ въ значенiи я. Однимъ словомъ, какъ вѣрно замѣтилъ Буслаевъ, влiянiе русское тутъ весьма за—

мѣтно. Мстиславово Евангелие относится приблизительно къ 1117 г. Вполнѣ точно опредѣлить годъ его написания нельзя. Достовѣрно только то, что оно было написано между 1110 и 1117 годами.

(съ 112 по 125 стр. составила Ананзова)

къ концу 12го в. Кромѣ указанныхъ памятниковъ относится еще много другихъ, не обозначенныхъ годомъ, но относимыхъ къ этому времени по палеографическимъ соображеніямъ. Изъ множества ихъ (нѣсколько сотенъ) нельзя не остановиться на тѣхъ сборникахъ, въ которыхъ заключаются статьи, принадлежащія по нѣкоторымъ соображеніямъ виднымъ дѣятелямъ нашей исторіи.
Изъ сохранившихся памятниковъ литературы мы знаемъ, что былъ какой-то монахъ Іаковъ. Ему приписывается: 1) „сказаніе о Владимірѣ и Ольгѣ" и по его собственнымъ словамъ въ этомъ послѣднемъ 2) „сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ". Первое сохранилось только въ очень позднихъ спискахъ, такъ что не можетъ дать матерьяла для исторіи русскаго языка. Гораздо важнѣе второе — „сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ" сохранившееся въ одномъ сборникѣ 12го в. и въ двухъ сборникахъ 14 в. Мы не можемъ сказать навѣрное, дѣйствительно ли Іаковъ написалъ этотъ разсказъ, а предполагаемъ это потому, что въ сборникѣ 12 в. говорится, что кромѣ Несторова сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ есть еще какое то другое, и текстъ его не совпадаетъ съ несторовымъ. На основаніи подобнаго соображенія исторія литературы рѣшаетъ, что это и есть то самое сказаніе Іакова, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ разсказѣ о Владимірѣ и Ольгѣ. Какъ бы то ни было, этотъ трудъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ одному изъ видныхъ дѣятелей

церкви. Для насъ интересъ его заключается въ томъ, что мы можемъ прослѣдить одинъ и тотъ же текстъ по двумъ различнымъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ относится къ 12 в., а другой - къ 14<u>му</u>. Разсмотрѣніе ихъ даетъ намъ возможность узнать тѣ измѣненія, которыя произошли въ исторіи языка отъ 12 до 14<u>го</u> вѣка. Сборникъ московскаго Успенскаго собора 12 в., въ которомъ сохранился текстъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, играетъ выдающуюся роль въ исторіи русскаго языка, такъ какъ въ немъ много интересныхъ статей, напр: <u>разсказъ о дѣятельности Меѳодія въ Панноніи</u>, <u>житіе игумена Ѳеодосія</u> и др. все въ древнѣйшемъ видѣ. „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ", приписываемое Іакову, было впервые издано по сборнику 14 в., но теперь есть и такое, которое издано по сборнику 12 в. Изданіе по сборнику Сильвестровскому /14 в/ принадлежитъ Срезневскому и представляетъ весьма изящный видъ, оно даже съ иллюстраціями. Оно было помѣщено въ 59 г. въ „Московскихъ Чтеніяхъ", а въ 60 г. сказаніе было вновь издано Срезневскимъ въ Петербургѣ. Это второе изданіе важнѣе потому что представляется въ факсимилированномъ видѣ. Черезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 70 г. въ Чтеніяхъ былъ опять напечатанъ этотъ разсказъ стараніями Бодянскаго, но теперь уже по успенскому сборнику XII вѣка. Кромѣ того когда Срезневскій издалъ сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ по сборнику 14 в. - онъ не зналъ сборника 12 в. или послѣдній не былъ ему доступенъ - онъ нашелъ только отрывокъ сказанія, помѣщеннаго въ сборникѣ 12 в. Такимъ образомъ мы имѣемъ 1/ полное сказаніе по сборнику

12 в., 2) отрывокъ по сборнику 12 в, 3) изданіе его по Сильвестровскому сборнику, 4) текстъ по сборнику Чудовскаго монастыря (изданный тѣмъ же Бодянскимъ въ Чтеніяхъ 1870 года.)

Исторія литературы по этимъ различнымъ текстамъ можетъ возстановить первоначальный текстъ. Для насъ же весь интересъ изученія этого сказанія будетъ заключаться въ тѣхъ отступленіяхъ, которыя замѣтимъ въ текстѣ 14го вѣка сравнительно съ текстомъ 12 в. Теоретически говоря, различіе текста 12 в. сводится къ особенностямъ чисто орфографическимъ, а именно: 1) тамъ пишется постоянно у вм. оу, напр. сущю вм. соущю, которое бы должно наблюдаться, если считать, что оно перешло къ намъ съ юга. Слѣдовательно, нынѣшнее правописаніе сводится къ обычаю, укоренившемуся въ теченіе 14го в. 2) отсутствіе глухихъ гласныхъ тамъ, гдѣ онѣ прежде находились, напр. внукъ вм. вънoукъ, ѕлоба вм. ѕълоба, ѕлон вм. ѕълон и т. д. или самодерьжьцю вм. самодрьжьцю, крѣпокъ вм. крѣпъкъ и проч... Всѣ эти случаи сводятся собственно къ правописанію, и разница между правописаніемъ 12 и 14 в. состояла въ томъ, что правописаніе 14 в. ближе подходило къ произношенію, а правописаніе 12 в. скорѣе напоминало орфографію югославянскихъ текстовъ. Но въ текстѣ сказанія 12 и 14 в. мы найдемъ и такія особенности, которыя имѣютъ болѣе глубокое значеніе, и именно а) въ текстѣ 12 в. мѣстный падежъ употребляется безъ предлога,

а въ текстѣ 14 в. съ предлогомъ, напр. въ Кієвѣ вм. Кыевѣ, въ Новѣгородѣ вм. Новѣгородѣ и проч. в) Въ текстѣ 12 в. мы встрѣчаемъ формы склоненій полныя, съ окончаніемъ Родительнаго падежа на ааго, дательнаго оуоумоу и проч. и онѣ едва ли могутъ быть названы русскими для того времени — скорѣе онѣ представляютъ строгое слѣдованіе образцамъ церковнославянской письменности. Въ 14 в. такія формы окончаній уже не встрѣчаются. с) Такія формы, какъ конь, имѣющія въ 12 в. окончаніе и, въ сборникѣ 14 в. склоняются уже такъ, какъ теперь, напр: въ сборникѣ 12 в. встрѣчается форма „на кони" сѣдѣть, а въ Сильвестровскомъ: „на конѣ" сѣдѣть. d) Въ связи съ этимъ отличіемъ находится и то, по которому въ сборникѣ 14 в. въ Родительномъ падежѣ един: числа, Именит. и Винительномъ множ. ч. стоитъ окончаніе и тамъ, гдѣ было церковно-слав. грамматикѣ слѣдовало ожидать ѧ (или а) (для мягкихъ окончаній.) Такъ въ сборникѣ 12 в. (Успенскаго монастыря) мы находимъ: обнажены „меча", а въ Сильвестровскомъ (14) — обнажены „мечи" или въ сборникѣ Успенскаго собора: вышегородьскыѣ мужѣ, а въ Сильвестровскомъ: „вышегородьскыа мужи".

или матери, камени, времени вм. матере, камене, времене, которыя видимъ въ сборникѣ 12 в. е) Въ сборникѣ 12 в. уже встрѣчаемъ формы примелъ вм. примьлъ, хотя мы не можемъ доказать, произносилось ли тогда наше ударяемое е какъ ё или о. Въ сборникѣ же 14 в. мы встрѣчаемъ прямо ф. примолъ, которая и теперь еще не вездѣ принята, что доказываетъ большую смѣлость древнихъ писцовъ.

Если мы захотимъ характеризовать столѣтія по тѣмъ памятникамъ письменности, которые къ нимъ относятся, то памятники 13 в. будутъ носить характеръ юридическій, такъ много сохранилось отъ этого времени грамотъ и различныхъ болѣе древнихъ памятниковъ, но въ спискахъ того же столѣтія (Русская Правда). Но не всѣ всѣ они изданы на основаніи вѣрныхъ подлинниковъ. Есть однако-же одно изданіе грамотъ 13 в., содержащее въ себѣ договоры, касающіеся сношеній Новгорода съ Ригой, „Готскимъ берегомъ" (Готландія) и латинскими купцами вообще, по которому можно судить о характерѣ языка и лингвистическихъ пріемовъ, потому что въ немъ великолѣпные списки, хотя нельзя не признать,

что печатный текстъ не отличается вполнѣ достовѣрной передачей подлинниковъ. Изъ числа выдающихся сѣвернорусскихъ памятниковъ мы укажемъ на <u>грамоту</u> характера торгово-юридическаго, изданную <u>смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давыдовичемъ</u> относительно Риги и Готскаго берега, сохранившуюся въ рижскомъ архивѣ. Она сохранилась въ нѣсколькихъ пергаменныхъ современныхъ спискахъ и между прочимъ въ двухъ редакціяхъ: 1) готской и 2) рижской. По этимъ редакціямъ и разнымъ спискамъ обѣихъ редакцій текстъ этой грамоты напечатанъ очень точно въ „Изданіи Русско-Ливонскихъ актовъ" (Археограф. коммисіею) въ приложеніи. Грамата князя Мстислава Давыдовича относится къ 1229 г. и издана, какъ мы уже сказали, по всѣмъ сохранившимся спискамъ паралельно. Двѣ главнѣйшія редакціи ея - рижская - обозначена буквою <u>а</u> и готская - обозначена буквою <u>в</u>. Редакція <u>а</u> содержитъ въ себѣ три текста, обозначаемые буквами <u>а</u>, <u>в</u>, <u>с</u>; къ сожалѣнію эта великолѣпная грамата, сохранившаяся въ столькихъ спискахъ, до сихъ поръ не издана въ факсимилированномъ видѣ.

Напротивъ другія грамоты, хотя менѣе важныя и не столь объемистыя, которыя также относятся къ 13 в., изданы весьма тщательно /литографія/ археологомъ Напьерскимъ, членомъ Археографической коммиссіи и удобны какъ для изученія исторіи языка по нимъ, такъ и для палеографіи. Это изданіе грамотъ относится къ сѣверной Россіи въ ея сношеніяхъ съ Ригой и заключаетъ всего 9 №№.

Изъ нихъ:

Грамата №1 - относится къ 1262-63 годамъ и заключаетъ въ себѣ условія міра Новгорода съ Нѣмцами во время Александра Ярославича и сына его Дмитрія.

Грамата №2 - относится къ 1264 г. и принадлежитъ князю полоцкому Герденю. Она сохранилась въ спискахъ очень древнихъ.

Грамата №3 - относится приблизительно къ 1284 г. Она издана смоленскимъ княземъ Өедоромъ Ростиславичемъ въ Ригѣ.

Грамата №4 - принадлежитъ тому же князю смоленскому Өедору Ростиславичу и касается одного частнаго дѣла /про колоколъ/

Грамата №5 - относится къ 1294 г.

и выдана новгородскимъ княземъ Андреемъ къ мужамъ датскаго короля въ Ревель.

Грамата №6 - относится приблизительно къ 1300 году и принадлежитъ полоцкому епископу Якову, давшему ее Рижанамъ.

Грамата №7 - относится къ 1297-98 г. и выдана смоленскимъ княземъ Александромъ Глѣбовичемъ къ Рижанамъ.

Грамата №8 - относится приблизительно къ 1301 году и дана новгородскимъ княземъ Андреемъ и Новгородомъ ганзейскимъ купцамъ.

Грамата №9 - относится къ 1330 г. и представляетъ торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою о вѣсѣ товаровъ.

Всѣхъ этихъ граматъ достаточно для того, чтобы судить о юридическомъ характерѣ памятниковъ того времени. Но къ нимъ можно прибавить еще одинъ памятникъ того же времени, изданный хотя и по неудовлетворительнымъ спискамъ, но болѣе полезный для лингвистическихъ изысканій. Онъ напечатанъ въ изданіи Сахарова и состоитъ изъ двухъ граматъ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ (1264-1265).

Тутъ мы нужно сказать, что кромѣ

указанныхъ грамотъ Смоленскаго князя Өедора Ростиславича, изданныхъ Напирскимъ, можно найти часія же грамоты и того же времени въ изданіи Сахарова подъ №4.

Прибавимъ еще грамоту одну небольшого объема, но интересную по привато-юридическому значенію, она заключаетъ въ себѣ частный договоръ между лицемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Тѣшаты и другимъ, которого звали Іоакимомъ. Она существуетъ также въ снимкахъ, изданныхъ въ запискахъ Археографическаго общества, 3 томъ. Она относится или къ 1266 или 1299 и представляетъ рядную между этими людьми относительно приданаго.

На основаніи этихъ грамотъ и если къ нимъ прибавить древнѣйшаго списка Русской Правды, сохранившійся въ одномъ сборникѣ, написанномъ, судя по нѣкоторымъ пометкамъ въ 1282 или 1283 г. (этотъ сборникъ хранится въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ) мы могли бы а priori ждать гораздо больше матеріала для исторіи русскаго языка, чѣмъ отъ памятниковъ духовнаго содержанія, но оказывается совсѣмъ противоположное. Грамоты эти писаны, судя по ихъ содержанію, отчасти можетъ быть не въ качествѣ

подлиннаго текста, а какъ переводъ съ латинскаго или нѣмецкаго оригинала (грамота 1229 заключаетъ въ себѣ много такихъ особенностей, по которымъ ее можно счесть за переводъ). Очень можетъ быть наконецъ, что люди, писавшіе ихъ, плохо были знакомы съ русскимъ книжнымъ языкомъ, не такъ какъ монахи и другіе духовные авторы, ставившіе себѣ цѣлью жизни тщательное переписываніе памятниковъ письменности. Отсюда, вѣроятно, происходитъ то, что грамоты 13 в. не только отличаются по почерку отъ рукописныхъ книгъ того же времени, но и по тѣмъ курьезнымъ, можно сказать, формамъ, которыхъ тамъ встрѣчается очень много.

Нѣкоторые изслѣдователи впадали въ заблужденія, благодаря этимъ курьезамъ. Особенно много мы ихъ находимъ въ памятникахъ 1229 г. Тамъ напр. такое слово, какъ „берегъ" пишется <u>берьго</u> и <u>берго</u>, 3е лице единствен. числа оканчивается иногда на <u>те</u> вмѣсто <u>ть</u>, наприм. <u>начнете</u>, <u>возмьте</u>, <u>возлюбите</u>. Такого рода явленія такъ много въ этой грамотѣ, что нѣкоторые изслѣдователи (Колосовъ) не рѣшаются сказать, что это безграмотность. Можетъ быть такія формы явились

вслѣдствіе того, что русскіе люди, привыкшіе уже къ чтенію грамотъ, прямо подсказывали писцу, какъ писать слова, букву въ букву. На основаніи такого употребленія глухихъ гласныхъ <u>ъ</u> и <u>ь</u> Потебня напр. пришелъ къ такому воззрѣнію, что <u>ъ</u> и <u>ь</u> на сѣверѣ Россіи гораздо долѣе сохраняли гласность, чѣмъ это было на югѣ. Такія заключенія, пожалуй, будутъ понятны, если принять во вниманіе то обстоятельство, что изслѣдователи дорожили всѣмъ тѣмъ, что находили на пергаментѣ, всякой древностью и не рѣшались признать многое за вздоръ. Профессоръ Ягичъ со своей стороны считаетъ за мною объясненіе относительно того, что глухіе гласные <u>ъ</u> и <u>ь</u> на сѣверѣ Россіи гораздо долѣе сохраняли гласность, чѣмъ на югѣ.

Если принимать во вниманіе всю массу примѣровъ словъ безъ полугласныхъ тамъ, гдѣ ихъ слѣдовало писать по книжной традиціи, то окажется, 1) что въ грамотахъ 13 в. они совсѣмъ не существовали, что мы видимъ изъ формъ: что вмѣсто <u>щ</u> славянскаго <u>чьто</u>, встрѣчаемъ иногда даже <u>што</u>,;

2) что полугласные звуки не являлись и тамъ, гдѣ русскій языкъ этого требовалъ, напрім. <u>возметь</u> вм. <u>возьметь</u> и т. д. Конечно существовали

здѣсь и примѣры съ полугласными, но имъ не слѣдуетъ придавать какого либо значенія, такъ какъ эти полугласные ъ и ь стоятъ здѣсь вм. о и е, отождествлены по слуху. Напр. докончахъмъ, с чцькымъ посломь, Дат. пад. немецькъмоу, Тъмъ (Тотамъ) или: оутвьржають, мьртвъ и пр. на ряду съ: держите, долгъ, добросердье, въсвержетъ, въ борзѣ и проч.

3) Полногласныя русскія формы господствуютъ тамъ напр. верема, по сѣмь веремени, берегъ, серебра, холопа, въвереchи (вверинуть), соромъ, жеребии, чересъ волокъ безъ всякое борони, мережи, волостелевѣ.

Интересно замѣтить, что въ грамотахъ 13 в. уже можно доказать, можетъ быть, какъ черту не обще-русскую, а черту сѣверныхъ говоровъ — переходъ изъ е во о тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ ударенія е произносится какъ о, напр. (въ особенности у бѣлоруссовъ:) коупномъ, оутвьржонъ, также правда съ женою, немолъ, неразроушонъ, должонъ, жоны, ужо, ожо (=аже), соужона, старейшому.

Не менѣе интересное явленіе представляютъ и тѣ формы, которыя заключаютъ въ себѣ сочетаніе: хы, кы, гы, если послѣ этихъ гортанныхъ стоитъ и. Въ 13 в. мы уже видимъ мягкое произношеніе этихъ формъ, но безъ

перехода гортанныхъ въ шипящія и свистящія, напр. въ формахъ: дѣт-скии, немецьскии, готьскые; немец-скии, смоленьскии и т. п. ск не переходилъ уже въ сц, а остается напр., Смоленьскъ, что есть еще: въ Ризѣ.

Въ склоненіяхъ замѣчаемъ слѣдующія особенности:

Дательный падежъ отъ слова гость встрѣчается въ формѣ: гости вм. гостю, тогда какъ такія слова, какъ по-путь склоняются правильно по древнему склоненію. Слово тать имѣетъ въ Дат. пад. форму тате. Въ Винительн. пад. множ. чис. встрѣчаемъ такія фор: „свое можже роукавицѣ". Иногда Родительный падежъ оканчивается на е и на и, т. е. собственно смѣшивается родительный съ дательнымъ наприм: въ стѣе бцѣ и въ немецьской бци (т. е. у святой богородицы, у нѣмецкой богородицы.) Творит. пад. именъ мужскаго рода Един. числа оканчивается на ь; напр. грехомь, деревомь, батогомь, но можно встрѣтить и формы на ъ: наприм: за моремъ, латиньскимъ языкомъ. Мѣстный падежъ употребляется съ предлогомъ при иностранныхъ словахъ и безъ предлога при русскихъ: наприм: въ Ризѣ и Смоленьскѣ.

Въ спряженіяхъ замѣчаемъ слѣдующія особенности: 3е лице единств. числа оканчивается на ь: примѣровъ безъ ь очень мало и только въ [illegible]

случаяхъ, когда употребленъ глаголъ возвратный или общій напр: извинит-ся и т.п. Отсутствіе ь на концѣ въ другихъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что глаголъ стоитъ въ концѣ строки. Въ неопредѣленномъ наклоненіи мы встрѣчаемъ окончаніе и, а не ь, наприм. итомоу почити позаду. Формы причастныя оканчиваются на а, напр. „возма почто", зова и пр.

Гораздо болѣе особенностей еще можно найти въ кое-какихъ оборотахъ и словахъ древняго юридическаго быта. Существуетъ напр. длинный рядъ названій, связанныхъ съ внутреннимъ бытомъ народа, его офиціальнымъ положеніемъ, напр. дѣтьскими, тысяцкій, пошлина и рукавице перстатъ откуда наше слово перчатка. Кромѣ этихъ словъ, русскихъ по своей формѣ и лексическому составу, попадается много словъ иностранныхъ, доказывающихъ сильное вліяніе торговаго нѣмецкаго элемента на бытъ сѣверно-русскаго народа. Укажемъ между прочимъ на слово пудъ, заимствованное отъ нѣмцевъ и имѣвшее въ то время значеніе вѣса; вѣсовъ и пошлины за взвѣшиваніе товаровъ. Рядомъ съ этимъ словомъ стоитъ слово скальви изъ нѣмецкаго Schaale (чашка вѣсовъ).

Кромѣ грамотъ, сохранившихся въ большомъ количествѣ только въ текстахъ 13 в., къ тому же столѣтію относятся по существующимъ до сихъ поръ спискамъ также и многіе юридическіе памятники, которые, судя по ихъ содержанію и историческимъ извѣстіямъ, написаны гораздо раньше. Они имѣютъ большое значеніе въ области исторіи русскаго языка вслѣдствіе новаго, до сихъ поръ нами не встрѣченнаго содержанія, сравнительно съ довольно однообразнымъ, постоянно повторяющимся текстомъ церковныхъ книгъ и другихъ теологическихъ статей, съ которыми мы уже познакомились.

Тѣмъ не менѣе и эти юридическіе памятники, что касается ихъ языка, имѣютъ связь съ тѣмъ общимъ направленіемъ русской литературы, которая въ извѣстный періодъ была обусловлена церковнымъ вліяніемъ.

Къ числу выдающихся памятниковъ 13 вѣка принадлежитъ „Русская Правда" Ярослава Владиміровича. Но то обстоятельство, что она не сохранилась въ древнѣйшихъ текстахъ, а только въ видѣ сокращеннаго при-

бавленія къ сборнику каноническихъ постановленій свидѣтельствуютъ уже о той тѣсной связи и даже зависимости, въ которой тогда находилось свѣтское законодательство отъ духовно-церковнаго.

Тексты церковнаго права появились у насъ впервые тогда, когда къ намъ перешло богослуженіе на славянскомъ языкѣ, ибо церковь нуждалась въ переводѣ тѣхъ текстовъ, которые содержали въ себѣ законы церковные. Кажется, что къ тому же раннему времени принадлежитъ и сдѣланный на славянскомъ югѣ переводъ "Номоканона Іоанна Схоластика" въ 50 титулахъ, сохранившійся для насъ въ спискѣ 13 в. Этотъ памятникъ, который мы готовы отнести къ древнѣйшей эпохѣ славянской переводной (письменности) находится въ Устюжской Кормчей 13 в. (сохраняющейся въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ).

Другой сборникъ, болѣе важный и обширный, представляетъ собой собраніе каноническихъ постановленій вселенскихъ соборовъ; въ редакціи его принималъ большое участіе патріархъ Фотій, почему онъ обыкно-

венно называется „Номоканономъ
Фотіевскимъ" („Фотіевскій Синтагма")
Древнѣйшій текстъ его существуетъ
опять въ одномъ русскомъ сборникѣ
13го а можетъ быть, 12го вѣка — въ Корм-
чей Ефремовской (хранящейся въ Синодаль-
ной библіотекѣ) Тотъ же Фотіевскій
Номоканонъ въ сокращенномъ видѣ,
но съ толкованіями, снабженный кромѣ
того различными свѣтскими статья-
ми, попалъ къ намъ въ Россію съ юга (въ 13 в.)
и сдѣлался въ Россіи офиціальнымъ
сводомъ. Древнѣйшій списокъ той редакціи
Кормчей сохранился въ С. Петербургской пу-
бличной библіотекѣ. Эта Кормчая — Рязан-
ская — относится къ 1284 г.

Слѣдовательно, мы имѣемъ три глав-
ныя редакціи церковныхъ постановленій:
1) переводъ, который относится къ IX в.,
2) обширную редакцію Фотіевской Син-
тагмы и
3) короткую, но компилированную редак-
цію.

Весь онъ, какъ извѣстно, сохранился
только въ русскихъ спискахъ XIII в.
Недавно напечатано весьма удачное
изслѣдованіе о первоначальномъ Номо-
канонѣ проф. Московскаго Универси-
тета Павлова. Ему и нѣкоторымъ
другимъ изслѣдователямъ мы обя-
заны всѣмъ тѣмъ, что теперь знаемъ

о взаимномъ внутреннемъ соотношеніи различныхъ списковъ, хотя съ филологической стороны остается еще многаго желать, потому что для филолога еще слишкомъ мало напечатано по подлинникамъ.

Различныя прибавленія въ Кормчихъ, какъ плодъ церковной юрисдикціи древней Россіи, постановленія русскихъ архіепископовъ XI, XII и XIII вв. доступны теперь въ великолѣпномъ сборникѣ Павлова, изданномъ подъ заглавіемъ: „Памятники древнерусскаго канонического права", въ 6мъ томѣ Исторической библіотеки Археографической Коммиссіи. Изъ этихъ прибавленій наиболѣе интересны для насъ: 1) тѣ, которыя находятся въ Синодальной Кормчей 13в., какъ „Вопросы Кирика, Саввы и Ильи съ отвѣтами епископа Новгородскаго Нифонта", относящіеся сами по себѣ къ промежутку между годами 1130–1156, но для насъ интересные, какъ памятникъ 13в. Языкъ этихъ вопросовъ обнаруживаетъ много (народныхъ русскихъ оборотовъ, содержаніе любопытно въ культ. историч. отношеніи; 2) различныя порученія, данныя духовными особами отдѣльнымъ лицамъ; 3) опредѣленія владимірскаго собора; 4) нѣсколько статей, касающихся внутренней жизни русской церкви въ 13в.

Въ той же кормчей заключается и

Русская Правда, вставленная вѣчимо ихъ какимъ-то любознательнымъ лицомъ.

Русская правда сдѣлалась извѣстною только съ прошлаго (года) столѣтія. Она была впервые издана Шлецеромъ в 1767 г., Татищевымъ въ 1786 г и еще нѣсколько изданiй было сдѣлано в 18 в. Но всѣ они напечатаны по спискамъ 15 и 16 в. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтiя удалось Калайдовичу найти в указанной Кормчей (1280) древнѣйший досель извѣстный текстъ Русской правды, который былъ имъ же изданъ въ первой книжкѣ русскихъ достопамятностей (в 1815 г). Онъ же черезъ нѣсколько времени отыскалъ еще и другой фрагментный списокъ Русской Правды, но уже изъ 14 в., изданный во 2й книжкѣ Русскихъ Достопамятностей (1843 г)

Въ 40хъ годахъ главныя изслѣдованiя по Русской Правдѣ, что касается различныхъ списковъ ея, принадлежали Калачову.

Наука до сихъ поръ не перестаетъ трудиться, чтобы опредѣлить взаимное соотношенiе между различными текстами Р. Правды и отыскать первоначальный ея составъ, какъ онъ былъ выпущенъ въ свѣтъ Ярославомъ Владимiровичемъ; онъ, надо полагать, по смерти князя былъ пополненъ и отчасти измѣненъ его наслѣдниками. До сихъ

поръ однакоже не удалось положительно опредѣлить число статей, вошедшихъ въ первоначальный „судъ" Ярослава.

„Русская Правда" важна не только въ юридическомъ отношеніи, но и какъ памятникъ, изъ котораго мы почерпаемъ важныя свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ Россіи того времени. Считается доказаннымъ, что на характеръ „Русской Правды" вліяли различныя церковныя постановленія въ связи съ законодательствомъ византійскимъ, кромѣ того въ ней видна еще стихія норманская, такъ что древнеславянскія юридическія понятія въ „Русской Правдѣ" отступаютъ на задній планъ. Первое объясняется узкою связью Русской Правды съ Кормчими, извѣстно же, что въ Кормчихъ есть кромѣ чисто-церковныхъ постановленій и постановленія свѣтской власти - Византійской. Такъ напр., тамъ есть постановленія царей: Василія и др. Слѣдовательно, „Русская Правда" и ея составители не могли не стоять подъ вліяніемъ то свѣтскихъ, то духовныхъ законовъ, встрѣчающихся въ различныхъ спискахъ Кормчихъ. Особенно близокъ къ „русской Правдѣ" былъ „Законъ Судный", сохранившійся въ кормчей 13 вѣка, но первоначальная редакція его представляетъ компиляцію, сдѣланную крыльто уже въ X в. на югѣ, въ Болгаріи.

Литографія Ссашина, д. N 17 по Каз. Горох.

Онъ изданъ во второй части „Рус-
скихъ Достопамятностей". Тутъ
встрѣчаются нѣкоторыя поста-
новленія, напоминающія собою „Рус-
скую Правду." Норманнская стихія
замѣчается въ такихъ словахъ и
постановленіяхъ, какъ „вира", „гридинъ"
„ябетникъ", „тивунъ", въ названіяхъ
„Варягъ" и „Колбягъ". Уже по этимъ
чужимъ словамъ неславянскаго про-
исхожденія можно судить о при-
сущей „Руской Правдѣ" стихіи юри-
дическихъ постановленій, не основан-
ныхъ на славянскихъ правильныхъ
воззрѣніяхъ. Но и послѣднія нашли,
конечно, свое отраженіе въ „Руской
Правдѣ": укажемъ на слова, какъ
„верьвь", на названія „словѣнинъ", „смердъ"
„холопъ", „гривну", „куну" и „рѣзану".
На сколько юридически языкъ „Р.
Правды" зависѣлъ отъ текстовъ
Кормчихъ, объ томъ тоже трудно
говорить, трудно потому, что да-
же такіе тексты, какъ Рязанская
Кормчая, еще не изслѣдованы по
языку, сравнительно съ ихъ южно-
славянскими первообразами. Извѣс-
тіе о томъ, что Рязанская Корм-
чая (редакція ея) получена съ юга,
сохранилось въ отвѣтномъ пись-
мѣ одного болгарскаго князя къ
митрополиту Кириллу II, гдѣ
онъ соотвѣтственно просьбѣ по-

слѣдняго пишетъ, что посылаетъ ему „Зонару" (комментированный сборникъ церковныхъ законовъ). Текстъ ея сохранился не только въ Рязанской Кормчей, но и въ юго-славянской редакціи, гдѣ есть нѣсколько списковъ его; слѣдовательно, для опредѣленія степени зависимости русскаго писца отъ южно-славянскаго текста было бы очень важно сличить славянскую и русскую редакцію. Точно также мы не знаемъ, какъ относится филологически и текстуально Ефремовская Кормчая къ болгарскому подлиннику. Павловъ въ своемъ изслѣдованіи доказалъ только то, что Ефремовская Кормчая обширнѣе, но не снабжена комментаріями, т. е. текстъ соборныхъ постановленій не въ извлеченіи, а цѣликомъ.

Итакъ мы знаемъ, что Ефремовская Кормчая была обширнѣе по тексту, но кто ее перевелъ съ греческаго на славянскій, и былъ-ли сдѣланъ переводъ на югѣ или въ Россіи - это неизвѣстно, слѣдовательно для точнѣйшаго опредѣленія той степени національности, которая заключается въ русскихъ законахъ XIII в., необходимо имѣть большее количество списковъ извѣстныхъ памятни-

ковъ.

Къ XIV в. относятся главнымъ образомъ лѣтописи. Литературное значеніе ихъ извѣстно, мы можемъ только вкратцѣ коснуться вопроса о происхожденіи ихъ. Этому вопросу было посвящено множество изслѣдованій, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ вполнѣ разрѣшенъ. Мы вѣримъ только тому, что кое-какія краткія лѣтописныя отмѣтки стали заносить на страницы своихъ книгъ монахи и отшельники, но заносили ли они ихъ по своей собственной иниціативѣ или вслѣдствіе оффиціальныхъ порученій - мы не знаемъ. Изъ такихъ отмѣтокъ, которыя сохранились съ конца 10 в., при помощи историческаго греческой литературы - черезъ посредство славянскихъ переводовъ (главнымъ образомъ хроники Георгія Амартола и и Палеи, т. н. исторической библіи) былъ сдѣланъ первый сводъ лѣтописи лицомъ, имени котораго мы не знаемъ, но въ правѣ вѣрить, что оно принадлежало къ числу монаховъ Кіево-Печерскаго монастыря. Сводъ этотъ извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ." Если бы послѣдняя сохранилась въ подлинникѣ, то мы могли бы говорить объ ней въ исторіи русскаго языка, какъ о памятникѣ, написанномъ въ XII вѣкѣ, около 111075 г. Дѣйствительно, въ одной изъ рукописей, лѣтописныхъ послѣ 1110 г. находится такая отмѣтка: „Игуменъ Сильвестръ святого

Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ надѣяся отъ Бога милость пріяти при князѣ Володимирѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у св. Михаила въ 6624 г."

Этой отмѣткѣ не придавали бы много значенія, если бы не оказывалось, что приблизительно на этомъ мѣстѣ прерывается разсказъ, дословно сходный въ нѣсколькихъ текстахъ, а тексты того, что слѣдуетъ послѣ 1110 г., расходятся, такъ что изъ начальнаго ихъ состава можно сдѣлать своего рода классификацію смотря по содержанію.

До 1110 г. большая часть списковъ лѣтописей сходится настолько, что можно не сомнѣваться въ однородности ихъ общаго основанія. Послѣ этого года они расходятся такъ, что если лѣтопись съ того времени продолжалась въ Кіевѣ, то она главное вниманіе обращаетъ на Кіевскія событія, а если она продолжалась въ Выдубицкомъ монастырѣ, то на событія, близко касавшіяся мѣста, т.е. событія Сѣверной Руси. На этомъ основаніи можно было бы ожидать продолженія лѣтописи и въ Новгородѣ, но такъ оказывается нѣчто иное, что именно увидимъ ниже.

Рукописей, заключающихъ въ себѣ первоначальный сводъ лѣтописей и продолженіе различнаго локальнаго характера, имѣется очень много (нѣсколько сотенъ), но главную роль между ними по древности играютъ два списка, которые между прочимъ

поставлены и въ основу изданій лѣтописей. Эти два списка, важные по своей древности и болѣе правильно сохранившіеся текстъ, извѣстны подъ названіемъ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописи или Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому и П. в. л. по Ипатьевскому списку. Лаврентьевская лѣтопись старше можетъ быть на одно или на полстолѣтія, имя преимущество заключается въ томъ, что мы изъ ея послѣсловія узнаемъ, когда она была написана; - тамъ сказано: „Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчии въ отишье пристав и странникъ въ отечьство свое пришедъ. Такоже радуется и книжный списатель дошедъ конца книгамъ. Такоже и азъ худый недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ. Началъ есмь писати книги сия, глаголемый лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память св. отецъ нашихъ аввадъ въ Синаи и в Раифѣ избиеныхъ, князю великому Дмитрию Костянтиновичу, а по благословению священнаго епископа Діонисья и кончахъ есмь мѣсяца Марта въ 20.. въ лѣто 6885 (1377) при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитріи Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священникѣ Діонисьѣ суждальскомъ и Новгородскомъ и Городьскомъ."
Стало быть, Лаврентьевскій списокъ получилъ свое названіе отъ имени монаха Лаврентия, написавшаго его въ 1377 году въ Суздалѣ, но онъ не продолжалъ лѣто-

писъ до этого года, а закончилъ её 1305, не имѣя можетъ быть, что прибавилъ отъ себя или по другимъ какимъ либо причина намъ неизвѣстнымъ. Этотъ списокъ написанъ на пергаментѣ на 173 листахъ. Онъ былъ изданъ Тимковскимъ въ началѣ нашего столѣтія; затѣмъ въ 40 г. въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей" и наконецъ въ 1872 г. Археографической комиссі подъ заглавіемъ „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку". Параллельно съ изданіемъ Лаврентьевского списка цѣликомъ издана фото-литографически и та часть его, которая заключаетъ въ себѣ „Повѣсть Временныхъ лѣтъ."

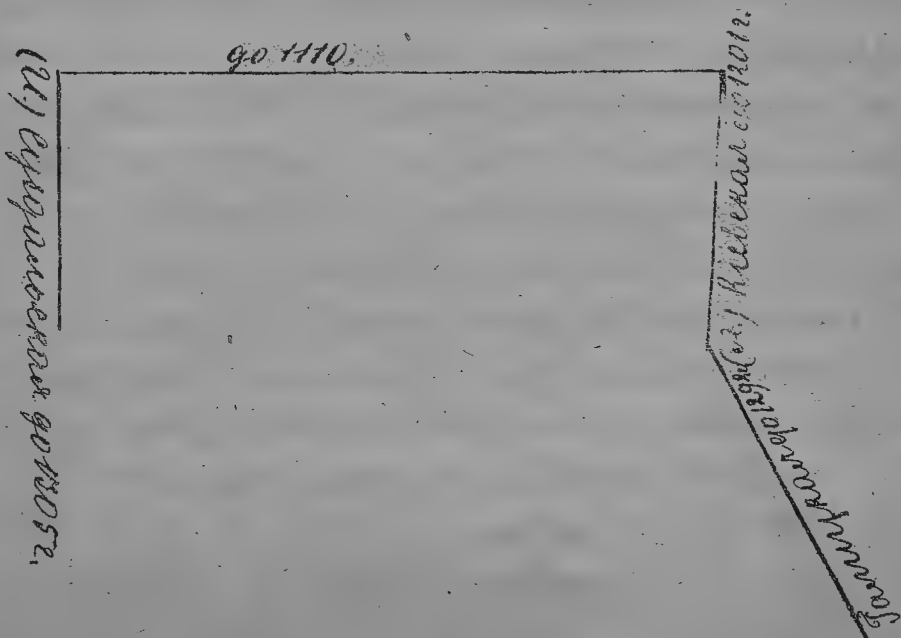
По почерку, характеру языка, а главны образомъ по тому, что Лаврентьевскій списокъ кончается на 1305 году, мы считаемъ этотъ памятникъ принадлежащимъ къ XIV в., хотя нужно предположить, что здѣсь сохранилось литературное участіе разныхъ писцовъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга по времени.

Вторая рукопись, Ипатьевская, не менѣе важна, потому что по древности первая послѣ Лаврентьевской. Названіе свое она получила отъ того, что была найдена въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Хранится въ Публичной библіотекѣ также, какъ и Лаврентьевская. Текстъ ея прекращается нѣсколько раньше, чѣмъ текстъ Лаврентьевской лѣтописи, а именно на 1292 г.; кромѣ того она различается отъ послѣ

нѣй почеркомъ, а главное внутреннимъ содержаніемъ, такъ что лѣтописи Лаврентьевская и Ипатьевская не представляютъ собой списка одной и той же лѣтописи, а на основаніи „Повѣсти временныхъ лѣтъ", которая легла въ ихъ основу, онѣ представляютъ уже различныя отрасли лѣтописной дѣятельности. Такъ, если считать, что первоначальная лѣтопись шла по 1110 годъ, то съ этого года Л. и И. расходятся: одна (Л.), будучи написана въ Суздалѣ, повѣствовала съ 1111 г. и до конца преимущественно о событіяхъ въ Сѣверной Руси, отмѣчая впрочемъ и крупные общерусскіе факты исторіи, другая (И.) съ 1111 г. продолжала разсказъ о Кіевскихъ событіяхъ, но только до 1201 г., - съ этого времени лѣтопись начинаетъ повѣствовать преимущественно о событіяхъ въ Галицкой Руси.

Такимъ образомъ:

Повѣсть временныхъ лѣтъ

Ипатьевская лѣтопись издана въ 1871 году подъ заглавіемъ: „Лѣтопись по Ипатьевскому списку," но таже часть ея, которая доходитъ до 1110 г., и которая, если не буквально, то дословно совпадаетъ въ обоихъ спискахъ, издана также фотолитографически. Здѣсь однакоже нѣтъ замѣтки о Сильвестрѣ. Характеръ языка ея, на который мы должны обратить вниманіе, говоритъ въ пользу того, что этотъ текстъ писанъ нѣсколько позже, чѣмъ текстъ Лаврентьевской лѣтописи. Можетъ быть, что одинъ списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ попалъ въ Новгородъ и былъ продолженъ новгородскимъ писцомъ съ обращеніемъ вниманія преимущественно на Новгородскія событія, но тамъ не оказывается его. Вмѣсто этого тамъ сохранилась т. н. Новгородская лѣтопись (въ нѣсколькихъ спискахъ) и даже одинъ списокъ ея въ подлинникѣ, который древностью своей превосходитъ Лаврентьевскую и Ипатьевскую. Это такъ называемая первая Новгородская лѣтопись. Она сохранилась въ пергаменномъ спискѣ и, судя по характеру письма, ее можно отнести къ XIII-му вѣку. Она продолжается до 1333 года. Кажется, что пергаменный ея подлинникъ былъ такой экземпляръ, въ который вносили свои замѣтки не одна, а 2-3 руки въ различное время, начиная съ 13 в. по палеографическимъ соображеніямъ. И Новгородская лѣтопись издана Археографической коммисіей въ фото-литографическомъ снимкѣ. Въ ней можно замѣтить измѣненіе древняго почерка съ 1200; третій почеркъ, доведшій разсказъ до 1333 года начинается съ 1275. Новгородская лѣтопись не совпадаетъ съ Лаврентьевской

и Ипатьевского въ томъ, что идетъ до 1110 года. Оказывается, что она въ неполномъ древнѣйшемъ спискѣ [синодальномъ] начинается съ 1037 г., но и въ тѣхъ годахъ, которые идутъ отсюда до 1110 г., мы не видимъ совпаденія съ вышеуказанными списками Повѣсти временныхъ лѣтъ. Слѣдовательно, въ Новгородѣ очень рано начали передѣлывать „Повѣсть временныхъ лѣтъ" на свой ладъ съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на Новгородскія событія.

Если бы мы стали сличать языкъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по двумъ главнымъ спискамъ, то обнаружилось бы, что 1) Въ Лаврентьевскомъ спискѣ сохранились нѣкоторыя черты болѣе древнія, которыя въ Ипатьевской уже исчезли, уступивъ мѣсто новому вліянію. 2) Въ Ипатьевскомъ спискѣ видны довольно многочисленные слѣды отразившагося на немъ вліянія южнорусскаго:

а) частное смѣшеніе ѣ съ і — черта югозападная.

в) смѣшеніе ы съ и.

с) смѣшеніе у и в, напр. вчинити вм. учинити, вужа вм. ужа и др.

d) (дожчь вм. дождь) употребленіе жч вм. жд

е) употребленіе ц вм. ч, представляющее уже не свойственную южно-русскимъ нарѣчіямъ черту, — но принадлежащую переписчику, который, какъ надо думать, списывалъ на сѣверо-востокѣ южнорусскій памятникъ.

Въ Лаврентьевскомъ же спискѣ замѣчается:

а) Внимательное отношеніе къ правописанію отдѣльныхъ словъ сообразно требованію книжности, напр. слово кто въ Лаврентьевской лѣтописи пишется черезъ к, а въ Ипатьевской уже и хто, кдѣ, а въ Ипатьевской — гдѣ или хди-

ко вмѣсто тяжеко въ Лаврентьевской. Или въ Лаврентьевскоѣ встрѣчаемъ написаніе кы, гы, а въ Ипатьевскоѣ ки, ги. Затѣмъ въ Ипатьевской лѣтописи чаще встрѣчаются случаи неперехода к, г, х въ ц, ж, с, чѣмъ въ Лаврентьевскоѣ.

Въ Родит. падежѣ въ Ипатьевскоѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ еще формы на -мь, въ Ипатьевскоѣ онѣ уже оканчиваются на мъ.

Въ склоненіяхъ прилагательныхъ находимъ въ а) Ипатьевскоѣ лѣтописи формы Рд. пад. чужеѣ или чюжеѣ вм. чюжея, которая встрѣчается въ Лаврентьевскоѣ.

б) Въ Дательномъ падежѣ формы на юѣ вм. оѣ напр. русьскыѣ вм. русьскоѣ.

Въ глагольныхъ формахъ.

а) 3е лицо ед. числа въ Ипатьевскоѣ лѣтописи оканчивается иногда у возвратныхъ глаголовъ на тея, въ Лаврентьевскоѣ на тьсл.

Въ синтактическомъ отношеніи мы можемъ указать на употребленіе падежей съ мѣстнымъ значеніемъ безъ предлоговъ въ Ипатьевской лѣтописи и съ предлогами въ Лаврентьевской. Все это доказываетъ, что дѣйствительно Ипатьевская лѣтопись была написана позднѣе и сохранила въ себѣ черты вліянія юго-западныхъ нарѣчій. Если сравнивать языкъ Лаврентьевской и Ипатьевскоѣ лѣтописи съ Новгородскоѣ, то оказывается, что языкъ первыхъ двухъ болѣе носитъ на себѣ вліяніе книжноѣ традиціи, а языкъ Новгородскоѣ лѣтописи отличался болѣе простонароднымъ стилемъ.

Новгородская лѣтопись занимаетъ отдѣльное мѣсто среди русскихъ лѣтописей и по отношенію къ той ея части, въ которой всѣ другія лѣтописи совпадаютъ. „Повѣсти временныхъ лѣтъ" въ Новгородской губерніи редакціи мы не знаемъ, но, на основаніи уже самыхъ старыхъ списковъ Новгородской лѣтописи, мы можемъ констатировать фактъ, что та часть ея, которая по годамъ должна соотвѣтствовать „Повѣсти временныхъ лѣтъ," носитъ вполнѣ особый Новгородскій характеръ. Эта лѣтопись для насъ важна уже тѣмъ, что сохранилась частью въ спискѣ XIII вѣк., а, слѣдовательно, на цѣлое столѣтіе древнѣе списковъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ." Эта первая часть Новгородской лѣтописи представляетъ многія особенности относительно языка. Вообще надо замѣтить, что Новгородскіе лѣтописцы относятся довольно свободно къ языку книжному, древ.-церков. славянскому, т. е. не стѣсняются измѣнять формы и обороты на основаніи своего мѣстнаго языка. Это свободное отношеніе даетъ намъ возможность бросить хоть нѣкоторый взглядъ на Новгородскій говоръ XIII-го столѣтія. Между особенностями языка этой части лѣтописи слѣдуетъ замѣтить:

I Особенности фонетическія:

а) Въ Новгородской лѣтописи часто встрѣчаются сочетанія плавныхъ р, л съ двойнымъ глухимъ звукомъ т. е. ълъ, ъръ, ьрь. Напрim. пълъкъ вмѣсто пълкъ (стр 8.116), хотя изъ этого нельзя выводить, чтобы они произносили полокъ; второе ъ служитъ для обозначенія твердаго произношенія зв. л. Подобныя же формы: на вьрьбницю (стр. 56.116) вмѣсто вьрбницю; стълъпника (стр. 104) вмѣсто стълпника; търъгъ (стр. 107) вмѣсто търгъ; в. чл҃вка быста мьрътва (стр. 95) вмѣсто мьртва и т. п. в) Иногда можно найти, сообразно произношенію, формы съ звукомъ е вмѣсто полугласнаго. Напр. смерти (стр. 42) вм. смьрти, церквицы (стр. 58) вм. цьркьвицы и т. п. Встрѣчается даже иногда, хотя и рѣдко, двойное е напр. церенцемъ (стр. 35) Народное Новгородское слово вьрьшь (хлѣбомъ засѣянное поле) встрѣчается то съ двойнымъ ь, то только съ однимъ первымъ: оуби морозъ вьрьшь всю и озимицю (стр 22), съ вьрьши (стр 118) съ вьршена бѣ црквы, съвьргоша съ моста (стр 34). Впрочемъ можно сказать, что, вообще, Новгородская лѣтопись слѣдуетъ въ употребленіи глу-

хихъ гласныхъ звуковъ традиціямъ др. цер. славян. языка. Напр. мы постоянно встрѣчаемъ правильныя формы: на обѣдню (стр. 25). насменьцы (стр. 92) вмѣсто позднѣйшихъ формъ безъ ѣ. с) Свободное отношеніе къ гласнымъ звукамъ въ именахъ собственныхъ напр. огюрге онтонъ (стр. 49) вмѣсто Антонъ, ондрѣеви (стр. 73), олѣксоу (стр. 59). Тоже самое иногда и по отношенію къ согласнымъ: Мигитоу (стр. 81) вмѣсто Никитоу. d) Смѣшеніе звуковъ ц и ч, какъ особенность строго Новгородская. Напр. велика бяше сѣця (стр. 8), въ ноць (стр. 47), приде посадницитъ (стр. 19), цересъ зимоу (стр. 22), зотоцьша (стр. 42), съ полоутори тысяце (стр. 36), съ полоцаны (стр. 38), съ цьстию (стр. 50), помоцъ (стр. 67), грьцинъ (стр. 113), сконьца животъ свои (стр. 77), съцинища пороки (стр. 136), ниоу ценишемъ (стр. 87), не хоцю (стр. 67), роди ся нове городе оу Ярослава дъци (стр. 98). Обратныхъ примѣровъ, т. е. употребленія ч вмѣсто ц, гораздо меньше: сконичь (стр. 10), изби половьче (стр. 13), поча ставити новгородьче церкы антонова (стр. 19). — Оба звука ц и ч считались мягкими, а потому послѣ нихъ всегда ставились мягкіе йотированные гласные, напр. по оулицамъ (стр. 23), до корочюна (стр. 45), концающюся лѣтоу (стр. 79), люди множьство (стр. 81), печаловахоуся (стр. 186). — е) Употребленіе звука

ж вмѣсто з. Форма соужидамъ постоянно употребляется вмѣсто соузуемъ. Вмѣсто формы варяжьская встрѣчаемъ варязьскана (стр. 54, 87)

f) Мягкое жд (=д) пишется часто черезъ жг, которое, вѣроятно, произносилось мягко жгъ. Слово дождь постоянно пишется дъжгь: тепло дъжгь (стр. 45), бысть дъжгь съ градъмь (стр. 49,) наиде дъжгь (стр. 46), теплом и дъжгемь (стр. 63), ста весь лѣто дъжгево (стр. 125)

g) Новгородская лѣтопись допускаетъ сочетанія гъ, къ, въ особенности съ предшествующимъ с, вмѣсто ц. славянск. цъ, зъ: „положиша и въ печерскѣмь монастыри" (стр. 57), „въ юревскемь концѣ" (стр. 75), „на ламьскемь волоце" (стр. 82) въ „гъглове оулки" (стр. 107), т. е. „оулки" вм. „оулкъ".

Но встрѣчаются и формы со смягченіемъ: „посади и въ печерьстѣмь монастыри" (стр. 51), „попове городьсти" (стр. 52), „заморьстіи" (стр. 58)

Сочетанія ки, ги встрѣчаются очень рѣдко, напр. „а друзии за волокомь" (стр. 95)

II. Особенности въ склоненіи и въ спряженіи:

Изъ особенностей склоненія нужно замѣтить:

а) Въ родит. падежѣ ед. числа женскаго рода очень часто встрѣчается окончаніе е или ѣ вм. ц. слав. ѧ, а иногда даже вмѣсто твердаго окончанія ы: „оу софиѣ" (стр 8) „до сто имиѣ" (стр. 13), „стынѣ пятницѣ" (стр. 58) и „ис печерѣ" (стр. 10), вмѣсто „ис печеры", изъ Роусѣ (стр. 103). Этотъ послѣдній случай можно бы назвать смѣшеніемъ падежей, потому что на дѣлѣ родительный падежъ иногда замѣняется дательнымъ (въ словахъ женскаго рода на -а), напр. из грьчьскыи земли (стр. 129)

б) Окончаніе ѣ или е встрѣчается также и въ Именит. и въ Винит. пад. множ. числа, напр. „избивше сторожѣ" (стр 77), „к собѣ звали новьгородьцѣ" (стр. 31), „спсъ и коупьцѣ и сьм не поущалоу изъ роуси" (стр. 43), „на поповьцѣ и победи с" (стр. 69). Даже послѣ твердыхъ: „ходи на болгарѣ" (90 стр).

2) Изъ особенностей спряженія нужно замѣтить:

а) Употребленіе достигательнаго наклоненія, послѣ котораго по грамматикѣ ц. слав. и русскаго языка существительное ставится въ Родит. падежѣ: „ходи мѣрить Кыянъ", (стр. 31) вмѣсто „Кыяны" „приде посадницить" (стр. 19)

б) причастныя формы на а и ѧ вмѣсто ы

въ глаголахъ 1го класса съ твердымъ согласнымъ звукомъ: *ида* и *идѧ* вм. *иды*; *река* и *рекѧ* вм. *рекы*. Формы *ида*, *река* встрѣчаются уже въ памятникахъ XI и XII в.; здѣсь для насъ важны формы *идѧ*, *поимѧ*, которыя могутъ служить объясненіемъ образованія нашего современнаго дѣепричастія. Правильныя формы *иды*, *поимы*, *рекы* перешли, подъ вліяніемъ аналогіи съ формами на ѧ-(*явлѧ*), сначала въ *ида*, *поима*, *река*, а потомъ въ *идѧ* или *идя*, *поимѧ* и т. д. Примѣры формъ на ѧ: „идѧ опѧть сорудалю въ зѧ новыи търгъ (стр. 40), „поимѧ съ собою попа (стр. 105).

c) Старинное, но отчасти неправильное образованіе аористовъ, напр. встрѣчаются правильныя формы *пожьгоста* (стр. 68), *пожьгоша* (стр. 70), образованныя посредствомъ гласной о отъ неопредѣленнаго наклоненія *пожещи*, затѣмъ отъ неопредѣленнаго наклоненія *истопнѫти* встрѣчается аористъ *истопоша* (стр. 25), но неправильно; отъ *роубити* - форма *роубоша*, напр. *раубоша новгородьцѣ* (стр. 29, 97). Это показываетъ, что новгородскій лѣтописецъ путалъ незнакомыя ему книжныя формы аориста. - Интересны формы аориста *изъма* и *изънаша*, напр. *драугыи изъма роукама* (стр. 31) или *драугыма изнаша*

Литографія Осипова, Горохов, 17

(стр. 73) Эти формы представляютъ колебаніе между глаголами изъѧти и изимати, отъ которыхъ аористы были: изѧ и изима. Это смѣшеніе формъ можно объяснить указаніемъ на глаголъ поимать, который утратилъ значеніе продолжительности дѣйствія, свойственное всѣмъ глаголамъ на -имать, напр. нан-имать и сталъ глаголомъ мгновеннымъ, какъ поѧть.

d) Въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа встрѣчается иногда окончаніе -ме, напр. „не прошиваеме крьви" (стр. 37), „несме послали" (стр. 135). Эта черта сѣвернаго новгородскаго говора заключаетъ въ себѣ много намековъ на черты, характеризующія языкъ бѣлорусскій и польскій.

VII. Особенности въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ.

1. Повтореніе предлоговъ у словъ близко стоящихъ, напр. „съ зятьмь съ глѣбомь" (стр. 80), „по брата его по мьсти слава (стр. 84).

2. Форма здоровъ пишется въ новгородской лѣтописи также сторовъ напр. „сторова" (стр. 25). Эту форму нельзя считать опиской, такъ какъ она встрѣчается слишкомъ часто, а кромѣ того она также произносится въ сербо-лужицкомъ языкѣ. Тутъ могутъ быть смѣшаны два слова: съдравъ (здоровъ) и церковно-славянск.

страблнати (освѣжить, оправить).

3. Вмѣсто нынѣшняго съ суффиксомъ -овизна слова дороговизна встрѣчаемъ въ новгородской лѣтописи болѣе древнюю, образую форму образуемаго слова: дорогъвь: „бѣ дорогъвь (стр. 73 и 97). Отъ этого слова, аналогичнаго съ ф. любъвь образуется при помощи обыкновеннаго суффикса -изна наша современная форма дороговизна.

4. Отъ слова стрыи (дядя, двоюродный братъ), встрѣчаются формы родительнаго падежа стрыѩ (стр. 81) или стрыга (стр. 61) или форма творит. пад. стрыем (стр. 78), на основаніи которыхъ намъ становятся ясны такія формы Ипатьской лѣтописи, какъ строя, строемъ, а также образованіе современныхъ формъ мою, крою изъ мыѭ, крыѭ: мыѭ = моѭ = мою; крыѭ = крыѭ = крою.

5) Вмѣсто нашей формы готовить употребляется форма гошить, напр. „огошили около себе" твердь (стр. 86). Эта форма интересна тѣмъ, что на основаніи ея можно объяснить образованіе нашего слова хорошій. Всѣ до сихъ поръ существовавшія попытки объяснить слово хорошій надо признать неудачными: одни ученые производили ее отъ красный, предполагая существованіе полногласной формы этого слова съ переходомъ к въ х, но 1) полногласіе въ

въ этомъ словѣ было бы противно за-
конамъ русскаго языка, а 2) переходъ <u>к</u>
въ <u>х</u> встрѣчается весьма рѣдко и
то только въ словахъ иностранныхъ;
другіе опять сближали это слово съ
названіемъ миѳологическаго божества
<u>Хорса</u>, существованіе котораго вообще
ще не доказано; третьи пробовали при-
вести это слово въ связь съ греческимъ
<u>χαρίεις</u> (харіейсъ) = веселый, пріятный. Те-
перь возможно объяснить его изъ ф.
<u>хоронить</u>, черезъ форму <u>хорошить</u> и
существительное <u>хороха</u>, соотвѣтст-
вующее формѣ <u>пригоха</u>, т.е. пригото-
вленная ѣда или запасъ, формы, встрѣ-
чающейся дальше въ русскомъ языкѣ.
Слово <u>хорошій</u> такимъ образомъ зна-
читъ въ сохраненномъ видѣ существу-
ющій.

в. Затѣмъ можно обратить внима-
ніе на нѣкоторыя характерныя
новгородскія выраженія и реченія,
напр.: „иныи мочицъ истълъкше мя-
тоуце съ пельми и съ соломою
ини и ожиль мяхъ кониноу (стр. 23)"
„Сдумана" (стр. 33);
„Пополошиша ся людие" (стр. 38)
„Вътрѣ пологие мостъ;
„Городнѣ отиноудь безнатбе занел"
(стр. 45)"
„Оуби всю <u>ярь</u> морозъ" (стр. 69)
„Нѣлзѣ бяше іоити до търгоу
сквозѣ городъ ни ~~по~~ <u>по угъдие</u>

ти на поле выити смородн" (стр. 60)
„Годъ до года безъ недѣль" (стр. 62).
„И много бѣхъ оушиль житъ и сѣна не оудѣлаша" (стр. 47)
„Ходиша на емь молодьци" (стр. 92)
Интересно новгородское выраженіе, касающееся изгнанія Князя: „показаша поуть" (стр. 35). Затѣмъ:
„И шибе громъ и мълниа (стр. 92)
„Копиемъ сребро" (стр. 104);
„Скопиша вое" (стр. 106).
„Полъпятадьсятъ" (стр. 96)
Характеристичной новгородской чертой является употребленіе слова посторонь въ значеніи около:
„Посторонь вѣтъхаго" (стр. 96)
„Посторонь брата" (стр. 103)
Изъ этихъ примѣровъ видно, какой интересъ имѣетъ этотъ памятникъ для всѣхъ занимающихся исторіей русскаго языка. Эта новгородская лѣтопись, дошедшая до насъ въ пергаменномъ спискѣ, хранящемся въ Московской Сѵнодальной библіотекѣ, оканчивается 1333 годомъ. Въ рукописи ясно можно различить участіе трехъ рукъ, относящихся къ разнымъ періодамъ времени. По палеографическимъ соображеніямъ выходитъ, что первая рука оканчивается на страницѣ 123 подъ годомъ 6708 = 1200, вторая на страницѣ 237, подъ годомъ 1235. Разница между первой и второй частью не такъ

велика, какъ между второй и третьей.
Если сравнить съ этимъ памятникомъ тѣ части Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописи, которыя слѣдуютъ за „повѣстью временныхъ лѣтъ" и представляютъ специальныя лѣтописи - Суздальскую, Кіевскую и Волынско-Галицкую, то мы замѣтимъ громадную разницу между ними. Вообще можно сказать, что въ лѣтописи Суздальской гораздо болѣе прозаичной трезвости, болѣе объективности въ передачѣ фактовъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ Кіевской и Волынской, гдѣ преобладаетъ субъективность, т.е. та черта, которая отличаетъ сѣверъ отъ юга. Но и между Кіевской и Волынской лѣтописями существуетъ большая разница: въ Кіевской лѣтописи много живости, драматичности, но она, повидимому, написана лицомъ духовнымъ, вѣроятно, монахомъ, стоящимъ довольно высоко (?) къ событіямъ свѣтскаго характера. Волынская же лѣтопись несомнѣнно написана человѣкомъ свѣтскимъ, получившимъ значительное образованіе, знающимъ о Гомерѣ (стр. 513), на котораго даже ссылается въ своихъ разсказахъ, чего человѣкъ духовнаго званія никогда бы не сдѣлалъ.
Живость и драматичность разсказа свойственны: обѣимъ частямъ Ипатской лѣтописи какъ Кіевской, такъ и Волынской. Слѣдуетъ обратить вниманіе на ту черту, что вопросы и отвѣты по-

чно вкладываются въ уста дѣйствующихъ лицъ, такъ что мы какъ бы постоянно присутствуемъ при оживленномъ разговорѣ. Въ обѣихъ частяхъ лѣтописи замѣтна своего рода сатирическая черта: разсказчикъ любитъ посмѣяться надъ врагомъ, прибѣгаетъ къ поговоркамъ и пословицамъ, иногда очень мѣткимъ. Изъ Кіевской лѣтописи давно обратилъ на себя вниманіе разсказъ, параллельный текстъ котораго сохранился въ знаменитомъ „Словѣ о Полку Игоревѣ" Съ этой поэтической картиной несчастнаго похода на Половцевъ очень близко совпадаетъ и лѣтописный разсказъ, въ которомъ довольно много драматичности (по новому изданію на стр. 143). Въ третьей части, т. е. лѣтописи Волынско-Галицкой духовный характеръ совершенно исчезаетъ: общія духовныя разсужденія замѣняются выраженіями чисто-свѣтскаго характера. На языкѣ Волынской лѣтописи замѣтно вліяніе западныхъ славянскихъ нарѣчій. Мы встрѣчаемъ напр. слова „Крыжовникъ" отъ „Крижъ = крестъ.

Перейдемъ теперь къ разбору памятниковъ XV, XVI и XVII в. в. Здѣсь число памятниковъ выростаетъ и количественно и качественно изъ года въ годъ въ такой мѣрѣ, что обозрѣніе ихъ и

установленіе характеристичныхъ особенностей становится все болѣе и болѣе труднымъ. Въ теченіе XV в. совершилось нѣкоторое измѣненіе во внѣшнихъ условіяхъ литературной дѣятельности, которое сильно повліяло какъ на формы, такъ и на самое содержаніе литературы. Это измѣненіе, способствовавшее болѣе легкому распространенію книгъ, заключалось въ введеніи въ употребленіе бумаги вмѣсто пергамента. Можно легко представить себѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ средства для письма сдѣлались болѣе доступными вслѣдствіе дешевизны, и взглядъ на то, что называлось книгой, и отношеніе самого писца къ своему дѣлу, значительно измѣнились: та торжественность, съ которою прежде писцы относились къ самому писанію и къ каждому отдѣльному экземпляру книги, помятнулась, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое число писцовъ увеличилось, и они потеряли характеръ чего-то сословнаго. Въ тоже время и уваженіе къ книгѣ, какъ къ книгѣ, стало нѣсколько падать въ томъ смыслѣ, что съ увеличеніемъ числа книгъ перестали придавать особое значеніе каждому существующему экземпляру. Въ XV, а еще болѣе въ XVI столѣтіи мы уже рѣдко встрѣчаемъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ, послѣ какого нибудь несчастія

постигшаго страну, наряду съ прочими убытками упоминается и о книгахъ; но это перестали тогда обращать вниманіе. Въ XIII и XIV стол. подобныя упоминанія встрѣчаются часто; напр. въ Новгородской лѣтописи подъ годомъ 1240 сказано: „Нѣмци пригонивше (Псковичей) подъ городъ (Псковъ) и зажгоша посадъ весь и много зла бысть и погорѣша церкви и честныя иконы и книги и еvангелье". Подъ годомъ 1340, гдѣ говорится о новгородскомъ пожарѣ, читаемъ: „изъ многихъ церквій не успѣша вынозити ни иконъ, ни книгъ .... въ церкви св. 40 мучениковъ - иконъ и книгъ не даша носити .... и св. Богородицы церковь вся погорѣ и иконы и книги". Подобное уваженіе къ книгѣ, какъ къ книгѣ, могло существовать только до тѣхъ поръ, пока существовала дороговизна матерьяла и трудность достать его. Матерьяломъ до послѣдней четверти XIV в. былъ исключительно пергаментъ, только съ конца XIV в. дѣлается доступной бумага или бомбицинъ, какъ ее первоначально называли, матерьялъ очень хорошаго и прочного качества. Любителей книгъ было много, особенно среди духовенства. Извѣстенъ новгородскій архіепископъ Алексѣй (+ 1389 г.), который держалъ большое число писцовъ, занятыхъ перепиской книгъ.

До введенія бумаги каждая рукопись обходилась очень дорого. Одинъ пергаментъ для экземпляра въ какие нибудь сто листовъ стоилъ около сотни рублей на наши деньги. Писцы въ виду такой дороговизны матерьяла относились къ нему бережливо, со вниманіемъ старались писать красиво и правильно. Нерадивыхъ писцовъ въ XIII и XIV в. мы вовсе не встрѣчаемъ, или очень рѣдко. Памятники этого времени написаны замѣчательно четко и хорошо. Въ связи съ такимъ тщательнымъ отношеніемъ къ дѣлу стоитъ, вѣроятно, и время, которое было посвящаемо на списываніе извѣстнаго памятника. Оно прежде должно было быть гораздо значительнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Мы знаемъ, что памятникъ „Апостолъ," представляющій пергаментный списокъ изъ 270 листовъ большаго формата въ два столбца, былъ написанъ в теченіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что на каждый день приходится по $4\frac{1}{2}$ листа. Другой памятникъ „Тактиконъ" Никона Черногорца былъ написанъ на 202 листахъ двумя писцами въ теченіе одного мѣсяца, что даетъ приблизительно такое же число листовъ въ день. Но Лаврентьевская лѣтопись напр. писалась гораздо медленнѣе. Если признавать, что она написана одной рукой, в чемъ впрочемъ

можно сомневаться, то выходитъ, что писецъ въ продолженіи 75 дней писалъ по $2\frac{1}{2}$ листа въ день. Такіе же торжественные памятники, какъ Остромірово Евангеліе, нуждались въ большей затратѣ времени. По самому крайнему расчету оно было написано въ 7 мѣсяцевъ, что составляетъ едва листъ, можетъ быть съ небольшимъ въ день. Изъ этого можно заключить, что продукція рукописей обходилась дорого и требовала большой затраты времени. Съ тѣхъ поръ какъ пергаментъ сталъ (дешевле) замѣняться бумагой, писцы очевидно стали писать менѣе тщательнымъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорѣе, отчего ихъ почеркъ значительно измѣнился. Со времени вошедшей въ употребленіе бумаги можно замѣтить, что уставъ, которымъ первоначально писались памятники, замѣняется мало по малу скорописнымъ уставомъ, перешедшимъ впослѣдствіи въ полууставъ.

Итакъ благодаря измѣнившемуся отношенію писцовъ къ своему дѣлу, вмѣсто устава-почерка ровнаго, отчетливаго - развивается скорописный уставъ, гдѣ каждая отдѣльная буква уже не такъ тщательно выводится, и полу-уставъ, гдѣ письмо принимаетъ косой видъ, и бук-

вы начинають писаться въ связи. Въ 17 ст. изъ скорописнаго устава и полу-устава вышла скоропись. – Съ этой внѣшней обстановкой, измѣнившейся въ XV ст., измѣнилось и внутреннее содержаніе руской литературы. XV и XVI столѣтія самыя богатыя по сохранившимся рукописнымъ памятникамъ, что объясняется какъ тѣмъ, что въ этотъ періодъ дѣйствительно больше писали и переписывали, такъ отчасти и тѣмъ, что (было написано раньше) благодаря историческимъ условіямъ то, что было написано раньше, погибло въ больше значительномъ количествѣ, чѣмъ то, что было писано именно въ теченіе этихъ столѣтій. Къ числу памятниковъ, появившихся впервые въ XV столѣтіи, нужно отнести полный сводный экземпляръ цѣлой библіи, хранящійся до сихъ поръ въ Московской Сνнодальной библіотекѣ. Этимъ сводомъ, относящимся къ 1499 г. мы обязаны новгородскому епископу Геннадію. Исторія этой библіи намъ теперь извѣстна, отчасти благодаря трудамъ Горскаго и Невоструева, составившихъ точное описаніе этой библіи (описаніе рукописей Сνнодальной библіотеки. Т. I). Изъ этого описанія видно, что библія представляетъ сводъ существовавшихъ уже разрозненныхъ экземпляровъ. Только нѣкоторыя части

библіи, которыя не нашлись въ отдѣльныхъ экземплярахъ, были, кажется, переведены тогда въ первый разъ, и переводъ сдѣланъ съ латинскаго языка. Кромѣ этой первой попытки полнаго собранія всѣхъ частей библіи въ одинъ экземпляръ, существуетъ до сихъ поръ большое количество отдѣльныхъ списковъ; изъ нихъ нѣкоторые снабжены комментаріями, сдѣланными повидимому или раньше, или въ XV в. Затѣмъ существуетъ большое число переводовъ отцевъ церкви, которые являются въ письменности XV и XVI вв. въ такомъ количествѣ, что ни одна литература христіанскаго міра кромѣ греческой и переводной латинской, не можетъ въ этомъ отношеніи сравняться со славянской, а главнымъ образомъ съ русской. Въ XV и XVI столѣтіяхъ не было ни одной литературы, которая обладала бы такимъ большимъ количествомъ переводовъ всѣхъ возможныхъ отцевъ церкви, какъ литература русская. Итакъ сообразно съ господствомъ міровъ, тогда можно было признать три литературы: греческую, латинскую и славянскую. Но нельзя сказать, чтобы русская литература того времени состояла исключительно изъ переводовъ: существовали и сохранились до сихъ поръ вполнѣ самостоятельные труды русскихъ цер-

ковныхъ писателей. Конечно въ сравненіи съ множествомъ переводнаго матерьяла они очень немногочисленны и представляютъ главнымъ образомъ проповѣди, посланія и статьи строго нравственнаго содержанія. Эта оригинальная церковная литература, начавшаяся уже въ XII в., сохранилась главнымъ образомъ въ спискахъ XV и XVI столѣтій. Изъ этихъ списковъ только немногіе носятъ названіе писца, большинство же анонимны. Между анонимными текстами главное мѣсто занимаютъ житія мѣстныхъ русскихъ святыхъ, напр. житіе Сергія Радонежскаго, Александра Невскаго, Стефана Пермскаго.
Однако и этимъ еще не ограничивается содержаніе литературы XVго и XVI в.: до насъ дошло довольно много сборниковъ очень разнообразнаго содержанія, цѣлыя энциклопедіи во вкусѣ и духѣ тогдашняго времени. Эти сборники носили свои особыя названія, представлявшія очень часто буквальный переводъ съ греческаго. Извѣстно, что уже въ X в. въ Болгаріи былъ составленъ сборникъ изъ словъ Іоанна Златоуста подъ названіемъ „Книги Златоструй". Этотъ сборникъ послужилъ основаніемъ для списковъ XV в. Затѣмъ существовали сборники: „Златая Цѣпь", „Златая Матица",

„Пчела", „Жемчугъ", „Изумрудъ". Нѣкоторые сборники носили сложныя названія, напр.: „Жемчугъ или Златая цѣпь", что указываетъ на то, что названія не имѣли никакого опредѣленнаго отношенія къ содержанію. Кромѣ того есть сборники, которые дошли до насъ безъ всякаго названія и уже въ настоящее время были названы или по мѣсту храненія, или по мѣсту, гдѣ были найдены, напр. Синодальный Сборникъ, Паисіевскій Сборникъ. Эти сборники интересны тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ массу разнообразныхъ статей, изъ которыхъ не всѣ переводныя, а есть несомнѣнно такія, которыя нужно считать вполнѣ оригинальными, или по крайней мѣрѣ измѣненными сообразно съ условіями мѣстной жизни. Такъ въ Паисіевскомъ сборникѣ есть статьи, въ которыхъ прямо обличается русская жизнь того мѣста, гдѣ былъ написанъ сборникъ, такъ что мы изъ этихъ статей узнаемъ нѣкоторыя подробности объ особенностяхъ древнерусской жизни. Интересно, что именно въ такихъ калейдоскопическихъ сборникахъ сохранилось нѣсколько статей свѣтскаго содержанія, своего рода научныхъ разсужденій о вопросахъ природы, по преимуществу объ астрологіи, напр.

статья о значеніи извѣстныхъ созвѣздій на судьбу человѣка, о значеніи грома, молніи и т. п., затѣмъ статьи характера медицинскаго, переводы изъ Гиппократа, Галлена, сдѣланные не по греческимъ подлинникамъ, а по выдержкамъ изъ подобныхъ же сборниковъ, попавшихся подъ руки русскимъ писцамъ и переводчикамъ. По естественной исторіи попадаются статьи чудеснаго содержанія. Очевидно, что когда русскій языкъ долженъ былъ служить средствомъ для передачи такого разнообразнаго содержанія, онъ и самъ долженъ былъ значительно обогатиться новыми словами, оборотами, выраженіями.

Затѣмъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о томъ литературномъ родѣ, который являлся въ нѣкоторой степени суррогатомъ поэзіи. Отсутствіе поэзіи представляетъ печальное явленіе въ древнерусской литературѣ; но несмотря на тотъ узкій взглядъ на задачи литературы, который господствовалъ въ XV и XVI ст., видно стремленіе дать серьозному, поучительному содержанію болѣе мягкія формы, оболочку, которая сильнѣе дѣйствовала бы на воображеніе. Этимъ суррогатомъ дѣйствительной, настоя-

ящей поэзіи явилась богатая апокрифическая литература, т.е. поэтическіе пересказы разныхъ библейскихъ фактовъ. Законная библія, т.е. признанная православной церковью, говоритъ объ Адамѣ, напр. только то, что извѣстно изъ книги Бытія, но апокрифическая литература съ этимъ вопросомъ объ Адамѣ связываетъ еще многіе вопросы объ его судьбѣ, о судьбѣ того древа, которое было потомъ употреблено для креста Христова и т.п. Многіе изъ этихъ апокрифовъ приближаются къ настоящей поэзіи: „хожденіе по мукамъ Богородицы" напоминаетъ Дантовскій адъ. Эта апокрифическая, т.е. отреченная литература не смотря на всѣ запрещенія церкви, которыя издавала длинные списки запрещенныхъ книгъ, была очень распространена въ XV и XVI столѣтіяхъ и дошла до насъ во множествѣ различныхъ текстовъ.-

Но литература XV и XVI в. не ограничивалась чисто церковно-политическимъ содержаніемъ. Здѣсь, какъ и въ предшествовавшемъ столѣтіи, мы имѣемъ лѣтописные памятники съ тою только разницею, что лѣтописные памятники до XV в. интересуются почти исключительно событіями своей страны, между тѣмъ какъ съ XV ст. появляются зачатки

того, что мы теперь называемъ общей исторіей. Такіе памятники, представляющіе сводъ разсказовъ о судьбахъ разныхъ государствъ, извѣстны подъ названіемъ хронографовъ. Эти хронографы составлялись главнымъ образомъ изъ текстовъ извѣстныхъ греческихъ историковъ, напр. Іоанна Антіохійскаго или Малалы, Георгія Амартола (Грѣшника), Манассіи и др. Первыя компиляціи изъ этихъ греческихъ текстовъ, кажется, были сдѣланы на югѣ и уже съ юга перешли въ Россію. Огромное количество сохранившихся списковъ показываетъ, что хронографы на ряду съ апокрифической литературой и лѣтописями были любимымъ чтеніемъ русскихъ людей XV и XVI в. Къ хронографамъ и лѣтописямъ примыкаютъ статьи географическаго содержанія, представляющія описанія путешествій нѣкоторыхъ русскихъ людей на востокъ. Кромѣ того между памятниками XV и XVI вв. можно указать на документы характера юридически-государственнаго, т. е. судебники и грамоты.-

Итакъ мы видимъ, что литература XV и XVI ст. представляетъ болѣе разнообразное содержаніе, чѣмъ литература предшествующихъ столѣтій, и это разнообразіе содержанія не могло не повліять на разви-

тіе русскаго языка и отразилось со стороны орѳографіи и графики и со стороны произношенія отдѣльныхъ звуковъ.

Въ первомъ случаѣ особенности, относящіяся къ орѳографіи и графикѣ, обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ сохранились и въ современномъ правописаніи. Къ таковымъ относится:

а) графическая передача звука ы такимъ начертаніемъ: ы, на основаніи чего мы можемъ сказать, что наша нынѣшняя орѳографія этого звука восходитъ къ XV в., такъ какъ звукъ ы встрѣчается въ такомъ видѣ въ памятникахъ первой половины XV в, а во второй половинѣ XV в. онъ уже входитъ во всеобщее употребленіе.

Такъ въ пергаментномъ Стихирарѣ 1422 г., писанномъ въ Псковѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующія формы съ ы: божиа славы, написана быша книгы сиа, грѣшнаго Луки.

Въ одномъ новгородскомъ Октоихѣ 1436 г.: млтвы, стыи, смышленію, бы.

Въ одномъ уставѣ тверскаго письма 1438 г.: главизны, всенощныхъ, бываюцихъ, на праздникы, ѱалтырь, седмичнымъ.

Въ одномъ толкованіи на евангеліе 1441 г. мы встрѣчаемъ постоянно такое же начертаніе звука ы, какъ и въ предидущихъ памятникахъ.

Въ церковномъ уставѣ 1445 г. въ ны-

шни, инъ кыи, сты^м, натькы, гдѣкыи празд-
никъ, мы.

Въ пергаментномъ Евангеліи 1463 г., писанномъ въ Новгородѣ: книгы, стыа бца, рыба, сосуды сребрныа слоужебныа.

Въ новгородской Палеѣ 1477 г.: бытие, агглы, дхы, слоугы, помышление^и, пребыгыи, млтвыи помыслы.

Въ библіи 1499 г., т.е. полномъ собраніи библейскихъ книгъ, постоянное употребленіе ы.

Въ памятникахъ свѣтскаго содержанія, относящихся къ тому же времени, встрѣчаемъ тоже начертаніе ы.

Такъ въ одной московской грамотѣ 1448 г. видимъ формы: иныи, мыто в черныи, с тяглыми людьми, ни въ которы и проторы, пошлины не вемлют.

Въ московской грамотѣ 1444 г.: монастыря, рыбныкаы, здѣ бы^л монастырски^х.

Въ московской грамотѣ 1470 г.: монастырь, иныи, ины^х, никакы^х, монастырское.

в) Вторая особенность, сохранившаяся до сихъ поръ въ русской письменности, восходитъ также къ XV столѣтію и состоитъ въ томъ, что передъ вокалами пишется уже не и, какъ прежде, а і, которое въ памятникахъ XI, XII, XIII и XIV в. писалось иногда только въ иностранныхъ словахъ или въ концѣ строки, за неимѣніемъ мѣста (значекъ надъ і имѣлъ тотъ смыслъ,

чтобы напомнить, что оно есть сокращеніе изъ и). Итакъ въ одной московской грамать 1428 г. встрѣчаемъ: сротіа Кіевъскаго, безъ примышленіа, в целованіи, целованіе, безъ твое вѣданіа, княженіемъ,

Въ грамать московской 1434 г.: митрїю, дмитрїю, в окончанїе, крєтїанина, примышленїа.

Въ церковномъ уставѣ Тверскомъ 1438 г.: оуказанїемъ, бжнїю, бжнїи, оуказанїе

Въ одномъ новгородскомъ евангеліи 1413 г.: еvлїе, повелѣнїемъ, блговѣщенїа, зиновїи, дїаконъ, рабъ бжїи, сщнїк.

Во всѣхъ прежде указанныхъ текстахъ, когда говорилось о начертаніи звука ы, встрѣчаются тѣ же примѣры употребленія і передъ гласными.

Мы уже говорили, что въ древнѣйшихъ памятникахъ звукъ у передавался черезъ оу (въ подражаніи греческой письменности). Въ то же время было сказано, что въ древнѣйшихъ же памятникахъ этотъ звукъ писался въ видѣ оконечнаго о̆, изъ котораго образовался ȣ. Этотъ послѣдній въ русскихъ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчается, впрочемъ, очень рѣдко. Напротивъ въ памятникахъ XII в. встрѣчалось иногда сокращенное у, особенно въ концѣ строки, а въ XIII в. довольно часто ш въ срединѣ слова, пока наконецъ въ XIV в. оно становится чуть ли не преобладающимъ правиломъ, такъ что составляетъ да-

ой отличительный палеографическій признакъ памятниковъ XIV в. Въ памятникахъ XV, XVI и XVII вв. мы вдругъ опять встрѣчаемъ начертаніе ȣ, русское же у мало по малу уступаетъ ему не только въ церковныхъ текстахъ, но и въ грамотахъ. Вообще нужно сказать, что ȣ (вм. у) начало входить въ употребленіе нѣсколько позже, чѣмъ ѫ и ѧ. Такъ въ памятникахъ XV в. мы встрѣчаемъ слѣдующія формы съ ȣ (но иногда и съ оу)

Въ одномъ толкованіи евангелія 1441г: въ концѣ строки и въ концѣ словъ, напр. противȣ и внутри словъ: погȣбляеть ѿ праваго пȣти.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ 1470г: слȣжба полȣнощници, своемȣ.

Въ одной московской грамматѣ 1499г: всея рȣси, папȣстина, грамотȣ.

Въ московской грамматѣ 1510г: гȣрка, пȣстыни, кȣпили, игȣменȣ, ȣ князя петре, слȣги, ȣгодьи, к тимȣ селȣ.

Въ библіи 1499г: несȣщю сѫтȣ.

Слѣдующая орѳографическая черта XV в., не перешедшая въ современное правописаніе, относится къ начертанію звука ѕ, который въ русскихъ памятникахъ, начиная съ XI в., существовалъ только въ качествѣ цифры 6. Въ XV в. звукъ ѕ является вдругъ снова вмѣстѣ съ другими особенностями, и вмѣсто обычнаго з, извѣстныя слова пишутся черезъ ѕ и главнымъ образомъ тѣ, гдѣ ѕ произошло изъ г

напр. множи, боги, а также и въ другихъ, напр. кнагъ, свѣгрь, из земли, игъ, языкъ, загараемыи, паче огня, зълнвиша, близъ, азыкомъ и др.

Кромѣ того въ памятникахъ XV в. встрѣчаются и такія формы, въ которыхъ вм. з пишется ʒ: напр: паки множи, прѣʒираетъ.

Третья орѳографическая особенность памятниковъ XV в. состоитъ въ употребленіи ѯ (=у), который мы встрѣчали изрѣдка въ памятникахъ XI и XII в. - въ это послѣднее столѣтіе его уже почти окончательно замѣнилъ звукъ у. Въ XIII и XIV в. мы совсѣмъ не встрѣчаемъ ѯ. Въ XV в. онъ является снова въ нѣкоторыхъ формахъ, и употребленіе его здѣсь также неправильно, какъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ; такъ напр. въ одномъ текстѣ 1445 г. мы встрѣчаемъ формы: аггілѯію, бѯдѣт, крѯ и др.

Спрашивается теперь, откуда все это могло явиться въ XV в, въ извѣстной противоположности къ XIV и другимъ болѣе раннимъ столѣтіямъ? Это объясняется весьма просто, а именно тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла въ концѣ XIV и началѣ XV в. на русскую письменность южно-славянская. Видными представителями послѣдней, какъ извѣстно, въ то время были духовныя лица: митрополитъ Кипріанъ, родомъ Сербъ, Григорій Замвлакъ, - болгаринъ и Пахомій Логоѳетъ, - сербъ, извѣстный агіографъ (писатель житій святыхъ). Благодаря обновленію ими русской письменности и объясняется о-

личіе русской графики XV в. отъ графики XIV и др. болѣе раннихъ столѣтій.

Что этимъ мы дѣйствительно обязаны юго-славянской письменности - въ томъ нѣтъ сомнѣнія: стоитъ только взглянуть на памятники ея въ XIV в., и мы убѣдимся, что все то, что принято въ нашей орѳографіи въ XV-XVII в., существовало въ полномъ развитіи на югѣ, гдѣ въ молодыхъ лѣтахъ дѣйствовали Кипріанъ, Замвлакъ и Логоѳетъ. Такое вліяніе югославянской письменности на русскую доказываетъ и то, какимъ авторитетомъ пользовались лица, перенесшіе къ намъ ее: въ угоду имъ наша орѳографія измѣнила своимъ прежнимъ традиціямъ, и хотя, казалось бы, гораздо правильнѣе писать, напр. ъı, а не ы, такъ какъ ы есть протяженіе звука ъ (сѫхнѫти - высыхати), тѣмъ не менѣе мы стали писать ы такъ, какъ оно писалось на югѣ, гдѣ даже не было разницы между ъ и ь, и гдѣ ъ замѣнялся звукомъ ь, который однакоже не произносился мягко.

Перейдемъ теперь къ особенностямъ болѣе важнаго свойства, къ вопросу о томъ, можно ли замѣтить и помимо указанныхъ особенностей орѳографіи въ самомъ составѣ русскаго языка произношенія какое нибудь движеніе сравнительно съ предшествующими столѣтіями. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что теперь нельзя говорить о русскомъ языкѣ въ его полномъ единствѣ, по-

тому что изъ-подъ оболочки церковно-книжнаго языка настолько проглядываютъ различные говоры и нарѣчія, что въ XV в. существуетъ рѣзкая разница между сѣверными и южными говорами. Итакъ мы ограничимся только обозрѣніемъ тѣхъ особенностей русскаго языка, которыя встрѣчаются въ памятникахъ письменности XI и XVI вв. сѣверной полосы (съ центромъ Москвой), какъ болѣе богатой по содержанію. До сихъ поръ мы встрѣчали одну особенность русскаго языка, заключавшуюся въ томъ, что небные звуки ш, ц, ж считались мягкими. Въ XV в. мы встрѣчаемъ массу примѣровъ, доказывающихъ, что мягкость палатальныхъ звуковъ исчезаетъ въ томъ смыслѣ, что они получаютъ современное твердое произношеніе, хотя оно не сразу отражается въ графикѣ. Тѣмъ не менѣе въ памятникахъ XV в., напр. въ одной московской грамотѣ 1428 г. встрѣчаются формы отцъ мои, вашъ отцъ, доказывающія, что твердость произношенія небныхъ звуковъ отразилась уже и на письмѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы встрѣчаемъ подобныхъ примѣровъ. Такъ въ одной грамотѣ 1434 г. читаемъ: нашъ отцъ, причемъ видимъ, что звукъ ш произносился уже твердо, а ц еще по старой привычкѣ — мягко.

Въ той же грамотѣ 1428 г. находимъ

сокращенную глагольную форму 2го лица единств. числа хотя будешь.

Въ московской грамотѣ 1449 г. встрѣчаемъ ср. жону: пожаловалъ есмь марью василіеву жону борисовича тутолмих старожильцов, жывали, княжцом.

Въ грамотѣ 1464 г.: оучне жи

Въ грамотѣ 1472 г. по князѣ по петрѣ Дмитріевичѣ по душѣ жыти, старожыльцем живоначалнои троцѣ, съ животиною.

Въ одномъ текстѣ XV в.: единъ шовъ, пришодъ, ажъ (вм. еще)

Въ Домостроѣ XVI в.: вышывая, житко, положыти

Въ связи съ этими формами находится очень много явленій въ русскомъ языкѣ, отразившихся на склоненіи и спряженіи. Такъ съ тѣхъ поръ, какъ ц стало произноситься твердо, родительный падежъ получилъ окончаніе на ы вм. я (=ѧ), напр. темницы, пользы вм. польѧ напр., ни толко пользы не добрѣте", встрѣчаемое въ одномъ толкованіи на евангеліе 1441 г., такъ что и прежній глаголъ пользевати встрѣчается теперь уже въ формѣ пользовати.

Затѣмъ въ связи съ твердымъ произношеніемъ звуковъ ц, ш, ж находится твердое глагольное окончаніе 3го лица на етъ, напр. будетъ.

Въ послѣднее время желали въ сѣверно-русскомъ окончаніи тъ въ противоположность южнорусскому ть найти

слѣдовъ чего-то особеннаго, но мнѣнія, высказываемыя по этому поводу, отличаются такою искуственностью, что ихъ нельзя принять за основательныя. Мы должны объяснять себѣ эту форму въ связи съ измѣненіемъ, коснувшимся 2го лица: принимая во вниманіе форму 1го лица боудоу, 2го боудешь (вм. будеши, будешь), слѣдуетъ допустить стремленіе формы 3го лица получить такое же твердое окончаніе по симметріи съ первымъ и втор. лицомъ.

Вслѣдствіе такого же стремленія къ симметріи съ формою 1го л. мы видимъ сокращеніе слога 2го лица: изъ будеши въ будешь, а это стало произноситься твердо уже въ XV в. (хотя до сихъ поръ пишется будешь; будешь (оттуда и переходъ ударяемаго е въ ё: бьёшь, пьёшь, течёшь) это сокращеніе напоминаетъ намъ другіе примѣры того же рода, какъ надо вм. древняго надобѣ, прочь вм. опроче (опрочь вм. опроче), — ни будь вм. ни буди, мать вм. мати.

Такимъ образомъ 1^е^ лицо подѣйствовало своимъ слоговымъ количествомъ на 2^е^, а форма 2го лица — своимъ отвердѣніемъ на форму 3го лица. Этимъ и объясняется то, что мы встрѣчаемъ въ памятникахъ XV в. формы 3го лица, сокращенно написанныя, напр. не смѣю^т^ выла^т^, не беру^т^, сӯди^т^, тогда какъ извѣстно, что мягкіе слоги обыкновенно не ставились подъ титлу.

Интересно заметить, что въ своего рода внутренней взаимной связи съ этимъ твердымъ произношеніемъ звуковъ ц, ш, ж, развившимся, какъ видно, по слѣдамъ письменности, стоитъ противоположное имъ стремленіе гортанныхъ к, г, х къ смягченію при условіи сочетанія ихъ съ ы. Еще въ XIV в. мы не встрѣчаемъ съ такимъ свойствомъ гортанныхъ въ сочетаніи съ ы; въ XV в. же все больше и больше входитъ въ употребленіе орѳографія такого рода, что послѣ звуковъ г, к, х вмѣсто ы пишется и, доказывающее мягкость произношенія. Примѣровъ тому весьма много въ памятникахъ XV в, напр. въ одной грамотѣ 1414 г.: безъ всякое хитрости.

Въ грамотѣ 1428 г: князь велики, великии василеи, всимъ великимъ княжениемъ.

Въ грамотѣ 1448 г. и 1449 г.: княгини, ни доводщики, ни праведники оу ни[х] поборовъ не берут, а монастырски[х] хрѣстья[н] троецки[х]

Въ грамотѣ 1510 г: слуги.

Въ Кирилло-бѣлозерскомъ сборникѣ 1470-1479: Киевскыя, рѣшетки, хитро есть, посохи ихъ закованы.

Въ связи съ этимъ явленіемъ въ свою очередь стоитъ одна особенность склоненія, а именно та, что русскій языкъ съ XV в. начиная пренебрегать переходомъ слоговъ ги, ки, хи въ зи, ци, си сталъ въ то же время смѣшивать окончаніе именит. и винительнаго падежей множественнаго числа. Съ той поры совпали въ склоненіи два падежа. Форма посохи

представлялa въ XV в. именительный пад. множеств. числа и винительный пад. множ. числа; въ первомъ случаѣ надо сказать, что русскій языкъ пренебрегъ переходомъ изъ -хи въ -си, во второмъ же замѣнилъ церковнославянское -хы русскимъ окончаніемъ -хи.

Когда языкъ привыкъ къ такого рода смѣшеніямъ именительнаго падежа съ винительнымъ, тогда со временемъ онъ сталъ употреблять и настоящій винительный падежъ вм. именительнаго.

Рядомъ съ фактомъ пренебреженія перехода сочетаній ги, ки, хи въ зи, ци, си стоитъ и явленіе пренебреженія перехода сочетаній гѣ, кѣ, хѣ въ зѣ, цѣ, сѣ. Такъ въ московской грамматѣ 1428 г. встрѣчаемъ формы: „без на(д)ни с кѣ(х)"

Въ грамматѣ 1434 г.: съ кѣмъ, съ кѣмъ, по в(с)ѣй тетке.

Въ новгородской грамматѣ 1463 г.: при посадникѣ.

Къ особенностямъ сѣверно-русскаго нарѣчія относится еще особое произношеніе окончанія ый именъ прилагательныхъ муж. рода въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. Но было бы ошибочно думать, что переходъ ый въ ой былъ распространенъ только на слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: формы съ окончаніемъ на ой вм. ый встрѣчаются и въ такихъ словахъ, гдѣ ударенія нѣтъ на по-

слѣднемъ слогѣ. Такъ въ Сильвестровомъ Домостроѣ мы находимъ формы: тѣ-тошной, брачной, тысецкой, горохъ битой, гдѣ ударение ни въ какомъ случаѣ не на послѣднемъ слогѣ.

Этою особенностью объясняется произношение глагольныхъ формъ: мою, крою вмѣсто мыю, крыю. Въ южнорусскомъ нарѣчіи мы не встрѣтимъ этой грамматической особенности, потому что тамъ не существуетъ окончанія именъ прилагательныхъ на -ой вм. ый, дающаго начало этому звуковому явленію. Трудно сказать, съ какого столѣтія начался этотъ звуковой переходъ ы во о, потому что примѣровъ подобныхъ мы не встрѣчаемъ до XV в. Въ грамматахъ XV–XVI в. мы уже находимъ такія фор., какъ православной царь, крестной мастеръ, мостъ каменной, городцкой, сотцкой, смѣсной и вскрое (въ Домострое). Тутъ ый переходитъ въ ой черезъ сокращение полнаго звука ы на половину его объема — ъ, а послѣдній подъ удареніемъ переходитъ въ очень ясно развитое о.

Между тѣмъ въ томъ же Домострое встрѣчаемъ форму: мъют платье. Отсюда несомнѣнно, что произношение этой формы объясняется сокращеніемъ ы въ ъ.

Это явленіе параллельно тому, какъ отъ глагола пити вм. пиютъ проис-

ходитъ форма пьютъ, отъ бити — бьютъ. Тѣмъ же звуковымъ измѣненіемъ формъ съ окончаніемъ -ои, -ою при удареніи на послѣднемъ слогѣ объясняется и форма струя и строя вм. струья отъ струи, а также довольно употребительная форма слова нонѣ — нынѣ вм. нынѣ, которая произносится нонѣ, а въ памятникахъ письменности встрѣчается и въ ф. нынѣ.

Другихъ выдающихся особенностей, вызванныхъ звуковыми измѣненіями, мало, и мы перейдемъ теперь къ образованію тѣхъ формъ, которыя получились путемъ т. называемой аналогіи.

Слово аналогія знали уже древніе греческіе грамматики, которые дѣлились на двѣ школы: аналогистовъ и аномалистовъ. Аналогисты, не вникая глубоко въ жизнь языка, но замѣчая, что все таки существуютъ выдающіяся группы явленій въ языкѣ, извѣстная правильность въ образованіи формъ, говорили, что въ языкѣ существуетъ аналогія. Аномалисты же замѣчали, что не смотря на такое соотвѣтствіе массы словъ, существуютъ и такія, которыя не подходятъ подъ общее правило. Положимъ съ нашей точки зрѣнія — что масса именъ существительныхъ женскаго рода оканчивается въ родит. падежѣ

на ы; между тѣмъ въ древнерусскомъ языкѣ существовало множество формъ того же рода съ окончаніемъ на е, напр. церкве въ родительномъ падежѣ.

Не зная причины этого явленія, можно бы было сказать, что такая форма родительнаго падежа неправильна, а составляетъ исключеніе, но теперь мы не говоримъ объ исключеніяхъ, потому что они - доказательство нашего незнанія: въ языкѣ не можетъ быть исключеній, а есть явленія, имѣющія всегда свою причину. Какъ медицина отыскиваетъ причину болѣзни, такъ и лингвистика стремится найти причину извѣстнаго явленія, а не объяснять его исключеніемъ изъ общаго правила, т. е. аномаліей.

Аномалія и аналогія господствовали уже въ древнихъ грамматикахъ, но въ послѣднее столѣтіе аналогія получила первенствующее значеніе въ наукѣ лингвистической, потому что мы знаемъ теперь, что извѣстное явленіе въ языкѣ не можетъ быть объясняемо законами звуковаго измѣненія, а тѣмъ, что готовая группа словъ привлекала къ себѣ другую, оставшуюся до тѣхъ поръ слабымъ меньшинствомъ, и что эта послѣдняя подъ вліяніемъ группы болѣе сильной измѣнила свою форму.

Напр. мы знаемъ, что слово путь склоняется въ русскомъ языкѣ анома-

лически съ точки зрѣнія практической грамматики. Съ точки зрѣнія исторической грамматики оно склоняется правильно по образцу склоненія и-темъ. Такія слова, какъ гость и др. имѣютъ уже въ родительномъ падежѣ окончаніе я, хотя въ древнѣйшихъ памятникахъ (XII XIII в.) мы встрѣчаемъ и форму на и: гости. Теперь же мы имѣемъ постоянно форму гостя.

Какъ объяснить ее? Если бы мы захотѣли объяснять ея происхожденіе переходомъ звука и въ я, то сдѣлали бы ошибку, потому что примѣровъ такого перехода звуковъ нѣтъ. Остается объяснить аномаліей, что сдѣлала бы практическая грамматика. Дѣло въ томъ, что происхожденіе формы гостя нужно объяснять формальной ассимиляціей или ассоціаціей формъ и-склоненія съ формами родительнаго падежа на а, весьма распространенными. Сила ассимиляціи формальной или ассоціаціи дѣйствовала на небольшое количество оставшихся словъ такихъ, напр., какъ огонь, медвѣдь, голубь и др. они мало по малу поддавались и переходили въ склоненіе на а. Такихъ примѣровъ аналогіи много въ каждомъ языкѣ, и въ новѣйшемъ движеніи лингвистической науки большую роль играетъ аналогія.

Это объясняется:

особенность польскаго и русскаго языковъ - когда сила аналогіи 2го лица подѣйствовала на форму 1го лица, которая и получила окончаніе и. Слѣдовательно, ошибочно думать, что в перешло въ и или доказывать, что форма есми имѣетъ связь съ греческой и санскритской формой 1го лица. Еслибы это было такъ, то она сохранилась бы и въ древнѣйшихъ памятникахъ, но тамъ ея нѣтъ. Это доказываетъ, что форма еси не существовала въ жизни, а была вызвана только тогда, когда языкъ потерялъ чутье къ извѣстнаго рода формамъ.

Аналогія играетъ главную роль въ склоненіи и спряженіи, гдѣ постоянно встрѣчаемъ взаимное вліяніе однѣхъ формъ на другія, постоянно замѣчается, какъ формы немногочисленныя выходятъ изъ употребленія, уступая и поддаваясь болѣе жизненной силѣ большинства. Доказательствомъ этой истины послужитъ слѣдующее обозрѣніе:

Въ Именительномъ пад. единст. числа обращаютъ на себя вниманіе формы, бывшія въ употребленіи въ XIV-XV вв.: боярыни, княгини, формы правильныя, но которыя силою аналогіи въ XVI в. перешли въ княгиня, боярыня, таковая гордыня (въ перепискѣ Курбскаго съ Грознымъ). Впрочемъ слова мати и дъчи встрѣчаются въ именительн.

падежѣ еще въ прежней формѣ въ XV и иногда въ XVI столѣтіи. Можно найти эту форму и такъ написанною, что трудно сказать, какъ ее читали: ма̄ (мати-ли или мать?) Въ Домострое еще: мати, дочи.
Въ Родительномъ падежѣ ед. числа мы встрѣчаемъ окончаніе именъ муж. рода на оу, которое въ свое время было свойственно только нѣкоторымъ словамъ, т. е. у-темамъ, напр. сынъ, домъ. Теперь окончаніе на оу встрѣчается гораздо чаще, смотря по говорамъ (напр. въ западныхъ говорахъ чаще, чѣмъ въ сѣверовосточныхъ); главнымъ образомъ кончаются на у только односложныя слова или же слова, означающія извѣстное количество чего нибудь. Итакъ наша форма дому объясняется прямо изъ древнѣйшей формы окончаній родительнаго падежа на оу, такъ еще и меду, но по этой аналогіи далѣе встрѣчаются примѣры, какъ: ѿ снѣгу беречи, солоду, гороху, изъ одного барану милого прохладу, наша квасу, отъ черного лѣсу, до берегу и т. д.
Родительный падежъ именъ женскаго рода теперь уже почти постоянно кончается на ы у твердыхъ и на и у мягкихъ; точно также всѣ слова съ окончаніемъ на ца вмѣсто прежняго окончанія въ Родительномъ падежѣ на цѣ или ци оканчиваются теперь на цы. Когда этотъ про-

1) Вышеуказанный переходъ именъ существительныхъ мужескаго рода, которыя въ болѣе древнемъ видѣ могли сохранить родительный падежъ на и (гости, тати), но теперь уже перешли въ такое склоненіе, которое считается нормальнымъ склоненіемъ именъ муж. рода на а.

По странной случайности уцѣлѣла только одна форма на и - пути, но и она уцѣлѣла только въ русскомъ языкѣ: Сербы уже давно употребляютъ въ родит. пад. форму пута.

2) Происхожденіе формъ именительнаго падежа множественнаго числа на и: гости, люди, пути вм. гостие, людие, путие.

3) Образованіе формъ безъ вставочнаго -ес- въ такихъ словахъ, какъ слова, вм. словеса, неба вм. небеса.

Эти формы поддались въ своемъ склоненіи такимъ формамъ, которыя не имѣли вставочнаго -ес-. Остатки древняго склоненія существуютъ въ формахъ небеса, чудеса. Существительное средняго рода время сохраняетъ въ русскомъ языкѣ склоненіе болѣе древнее, чѣмъ въ сербскомъ, гдѣ вмѣсто формы родительнаго падежа времени мы находимъ форму времена.

4) Образованіе формъ на -овь вм. ы, напр. свекровь вм. древн. свекры.

Теперь всѣ слова подобнаго рода считаются потерявшими именит. падежъ. Въ XVI в., въ Домостроѣ мы еще встрѣчаемъ формы на ы: свекры и бояры-ни тѣ цѣлуются, прежде свекры, тѣ ихъ свиной свекры...

Слово церковь тоже сначала имѣло только форму церкы, но въ спискахъ памятниковъ XV и XVI в. мы встрѣчаемъ еще ф. церкви и церквы, которая объясняется вымысломъ писцовъ, привыкшихъ слышать это слово со звукомъ в, но не сознательно относившихся къ тому, что окончаніе должно быть на ы безъ в, что и было возвращены въ оригиналахъ. Несомнѣнно, что форма церкви или церквы въ именительномъ падежѣ никогда не было въ жизни и сохранилась она только благодаря вымыслу переписчиковъ.

Точно также въ памятникахъ XV-XVII в. попадается вдругъ форма 1 лица ед. числа есми вм. обычной древнѣйшей есмь. Что это за форма? Тотъ, кто не обратитъ вниманія на силу аналогіи, станетъ объяснять ея происхожденіе сходствомъ съ родственными формами или инымъ какимъ либо путемъ. Между тѣмъ оказывается, что именно тогда, когда 1-е лицо глагола быти стало выходить изъ употребленія - эта

изношеніе перешло въ *я*, напр. *мужи* встрѣчающееся рядомъ съ *мужіе*, а потомъ эта послѣдняя форма переходитъ въ *мужья*, т.е. подъ вліяніемъ ударенія на *е* звукъ *и*, предшествующій ему, сократился въ *ь*, а *е* стало изъ протяжнаго произношенія переходитъ въ *я*. Такимъ образомъ и могутъ быть только объяснены формы *многие князья*, *бояря*, *мужья его*, *татаровья*, *мужья* и т.п., которыя встрѣчаются уже въ XVI–XVII столѣтіяхъ, напр. въ текстѣ былинъ, записанныхъ Ричардомъ Джемсомъ въ началѣ XVII в. въ Москвѣ. Изъ формы *татаровья* объясняется народная *татарва*. Встрѣчающіяся уже у Котошихина формы *колокола* можно объяснить такъ, что аналогія формъ на *я* съ удареніемъ стали привлекать къ себѣ и прочія слова съ твердою гласною, какъ *города*, *голоса*. Древній языкъ XVII ст. зналъ отчасти формы на *я*, какихъ теперешній книжный языкъ не употребляетъ, напр. *дворяня*.

Относительно формъ родительнаго падежа укажемъ на тотъ фактъ, что по мѣрѣ развитія языка окончаніе на *-овъ* весьма рѣдкое въ церковнославянскомъ языкѣ, съ XV в. стало все болѣе и болѣе вводить въ употребленіе, такъ что примѣровъ родительнаго падежа

безъ этаго окончанія весьма мало. Такъ въ памятникахъ XVI в. находимъ: на образъ древнихъ живописцовъ, з добрыхъ образцовъ, московскихъ купцовъ, рублевъ, на добрыхъ молодцовъ.

Въ Дательномъ, Творительномъ и Предложномъ. Какъ извѣстно, въ новѣйшее время не существуетъ болѣе разницы между родами, въ чемъ и здѣсь нужно предположить не что иное, какъ дѣйствіе силы аналогіи словъ женскаго рода, къ склоненію которыхъ примкнули слова мужескаго рода. Но при этомъ нужно замѣтить, что существительныя средняго рода раньше другихъ встрѣчаются съ окончаніемъ на -амъ, -ахъ, напр. кащамъ XV в (Буслаев. Историч. Христ. 688) въ градѣхъ и селахъ, по селахъ своихъ (Псковск. на евангеліе 1471 г)

Затѣмъ также раньше встрѣчаются формы окончаній именъ существительныхъ въ Дат. падежѣ на -амъ и Предложномъ на -ахъ, чѣмъ Творительный на -ами; напр. въ памятникахъ XVI в. находимъ: больные зубамъ. по погостамъ. Творительный падежъ на -ами у Курбскаго: архирейскими чинами вм. древнѣйшаго окончанія на ы: съ рукавы. Въ Сильвестровскомъ Домострое встрѣчаемъ на ряду съ правильными формами на -ѣхъ формы на -ахъ: напр. въ сундукѣхъ, въ клѣтѣхъ въ коробьѣхъ, но уже и въ коробьяхъ, в мешечкахъ, на жалникахъ, на тѣлесахъ (у Курбскаго), во владыческихъ торжествахъ

цессъ кончился относительно окончаній такъ сказать секундарно-отвердѣвшихъ, то и мягкія окончанія пошли той же дорогой, напр. родительн. падежъ: зари ("утренней зари ждати")

Въ Дательномъ падежѣ вмѣсто древнѣйшаго окончанія на ови, еви (у Курбскаго еще цареви) входятъ въ употребленіе современныя окончанія.

Имена женскаго рода вмѣсто окончанія и имѣютъ теперь уже окончаніе на ѣ, напр. Ключникѣ или Ключницѣ.

Формы Звательнаго падежа существуютъ еще въ памятникахъ XV–XVI в., напр. въ перепискѣ Курбскаго, но трудно опредѣлить, когда книжныя онѣ или народныя.

Въ Предложномъ падежѣ тѣ слова, которыя оканчиваются на у въ родительномъ, любили и здѣсь оканчиваться на у, напр. въ квасѣ, в медѣ, в долгѣ.

Въ томъ же падежѣ различіе мягкихъ отъ твердыхъ окончаній въ словахъ женскаго рода стушевалось, какъ въ дательномъ падежѣ, но кромѣ того иногда встрѣчаются даже такія формы, какъ въ печѣ по аналогіи формъ, какъ на коне, на встрѣчѣ.

Безъ предлога еще существуютъ только: зимѣ, лѣтѣ

Во Множественномъ числѣ, какъ уже указано, съ тѣхъ поръ, какъ языкъ сталъ пренебрегать переходомъ к въ ц

г въ с, г въ з и сталъ произносить мягко сочетанія гы кы хы, т.е. какъ ги, ки, хи, совпали въ одну форму два различные падежа — Именит. и (Звательный) Винительный. Тѣмъ легче языку было привыкнуть къ этому совпаденію, что и въ именахъ женскаго рода съ самаго начала именительный падежъ не отличался отъ винительнаго, и въ данную пору языку оставалось только привыкнуть къ этому явленію съ именами мужескаго рода, напр. иные земные плоды (вм. плоди), нѣкоторые нынѣшніе мастеры (вм. мастери), живописцы учнутъ жити, отцы ихъ накажутъ, сходы на что?, запасы на что? другіе воины съ нимъ, усы подстриженые, попы — все примѣры изъ памятниковъ XVI в.

Конечно, если мы встрѣчаемъ такія формы, какъ писцы (учнутъ жити), то эта форма можетъ быть названа формою именительнаго падежа, но съ твердымъ произношеніемъ слога, бывшаго прежде ци.

Но въ теченіе XVI – XVII в. развиваются еще особыя формы именительнаго падежа множественнаго числа, которыхъ прежде и слѣдовъ не было; эти формы на а съ удареніемъ, очень распространенныя, но сначала возможныя только при мягкихъ окончаніяхъ, потому что ударенное въ ... слогѣ е черезъ протяжное про-

по аналогии прочихъ ~~стоящій~~ мѣстоименій и прилагательныхъ мужскаго рода вошла въ употребленіе форма той т.е. форма тъ перешло черезъ тыи въ той. Послѣдняя встрѣчается довольно часто въ памятникахъ XV в. и XVI. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась и нынѣшняя ф. тотъ: т.е. тъ получило подспорье въ томъ слогѣ то, который повторяется въ косвенныхъ падежахъ того, тѣмъ, томъ. Форма той нерѣдко встрѣчается не только въ памятникахъ XVI в., но и XIV. напр. ученикъ той (XVI в.) въ той день (сборникъ XVI в.) тотъ даетъ сотворить (1356 г.), тотъ бы написалъ (XVI в.

Форма той держалась довольно долго и встрѣчалась еще въ XVI в., но потомъ сдѣлалась болѣе употребительною форма тотъ.

Параллельно съ тотъ существуетъ въ южнорусскихъ памятникахъ се-сь, даже въ среднемъ родѣ се-се.

Именительный падежъ множественнаго числа въ XII–XIV в. имѣлъ форму ти для мужскаго рода, тыи для женскаго и та для средняго. Иногда къ этимъ формамъ присоединялись еще тѣ окончанія, къ которымъ языкъ привыкъ по прочимъ мѣстоименіямъ, такъ напр. вм. ти жены встрѣчаются тыи жены.

Начиная съ XV в. языкъ и тутъ сдѣлалъ нѣкоторыя обобщенія: во множественномъ числѣ аналогически

съ косвенными падежами развился именительный падежъ для всѣхъ трехъ родовъ тѣ; напр., тѣ мышечки (Домострой), на тѣ пустоши (1448 г.), тѣ мученицы (XV в.), тѣ иконы XVI в., тѣ зелья (Домострой).

Укажемъ еще на одну особенность, относящуюся къ Винительному падежу женскаго рода. Для женскаго рода въ этомъ падежѣ мы должны ожидать форму ту вм. церковнославянской тѫ, существовавшую издавна, но языкъ, привыкшій употреблять для Винительнаго падежа форму Родительнаго (того Винительн. = того Родительн.) сталъ употреблять и для женскаго рода при склоненіи мѣстоименія та (ТА) вмѣсто формы Винительнаго пад. ю = ѭ форму родительнаго падежа нея (обыкновенно ее, даже еѣ) и тоя, обыкновенно тое, тоѣ. Одна изъ этихъ формъ т.е. ее осталась до сихъ поръ въ исключительномъ употребленіи, (напр.) ~~въ книжномъ языкѣ нашего времени~~ но форма тое не удержалась въ книжномъ языкѣ нашего времени, а встрѣчается только въ памятникахъ XVI–XVII в., напр.: тое невѣсту, тоѣ роспись (у Котошихина) параллельно съ: аз еѣ возмѣ за себя (Исторія о семи мудрецахъ XVII в.)

Что касается формъ прилагательныхъ, которыя, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ не что иное, какъ сложныя формы мѣстоименій

(у Курбскаго), о постеляхъ (у Курбскаго), въ ученіяхъ, на лошадяхъ. Это уже прямо новыя формы, которыхъ въ XV в. еще не было.

Что касается двойственнаго числа, то здѣсь нужно отмѣтить слѣдующія особенности.

Не смотря на присутствіе слова два, въ женскомъ и среднемъ родѣ не употребляется настоящая форма двойственнаго числа, а множественное число, напр. двѣ денги 1550 г. (настоящее двойств. число было бы двѣ дензѣ) Писалось однакоже еще двѣ стѣ (вм. двѣсти) Встрѣчалось руцѣ, какъ и до сихъ поръ еще очи, уши, но прилагательное во множественномъ числѣ.

Вмѣсто двою вошла въ употребленіе стянутая форма двy съ существительнымъ въ множественной формѣ: отъ двy ямъ (1565 г.) двy сотъ человѣковъ 1593, из двy колодязей 1602 г., въ двy варницахъ 1610. — Въ предложномъ падежѣ въ XVII в. стали писать двухъ: о двухъ огиблячъ (Котошихинъ); эта форма сдѣлалась потомъ общею и для родительнаго падежа множеств. числа: двухъ королей служб, на двухъ королей (сказка о Бовѣ Корол. XVII в.)

Основа двy послужила въ XVI в. и слѣдующихъ столѣтіяхъ исходной точкой для новообразовавшихся падежей двумъ и двумя. Двумя вм. двума, какъ двѣма вм. двѣма, а ма перешло въ мя, какъ

въ стоимя вм. стоима подъ влiянiемъ окончанiя деепричастiй идя вм. ида и т. д.

Аналогичное явленiе формъ двуимянное видимъ въ склоненiи мѣстоименiй личныхъ.

Какъ извѣстно, уже въ XII в. форма 1-го лица писалась я вмѣсто и возлѣ ф. азъ = язъ. Формами Родительнаго падежа мене, тебе, себе скоро замѣнились формы мя, тя, ся Винительнаго падежа; языкъ не любилъ послѣднихъ за краткость, но и на простомъ родительномъ падежѣ языкъ не остановился окончательно, а черезъ соединенiе родительнаго падежа съ окончанiемъ винительнаго на я образовались новыя формы Родительнаго и Винительнаго падежей: меня, тебя, себя. Такого рода формы встрѣчаются, начиная съ XV в., напр. меня въ памятникѣ 1448 г., у себя въ памятникѣ 1488 г., смрадъ тебя не дойдетъ, самъ себя оубилъ (въ текстѣ XV в.)

Мѣстоименiя указательныя тъ, та, то, сь, си, се тоже довольно рано начинаютъ измѣнять нѣкоторыя свои формы. Именительный падежъ мѣстоименiя тъ съ тѣхъ поръ, какъ глухiя гласныя перестали существовать, могъ бы перейти въ форму то и совпасть такимъ образомъ съ формою средняго рода то. Но языкъ избѣгалъ такихъ смѣшенiй: вмѣсто То

менъ (imperfect'a и аористы) народный языкъ не зналъ, точно также, какъ и въ 13–14 в., когда книжный языкъ изобиловалъ этими формами. Это доказываетъ, какъ сильно было вліяніе языка церковнаго, который отличалъ народныя формы. Тѣмъ не менѣе писцамъ приходилось привыкать къ этимъ формамъ, и знанія ихъ они могли достичь только чтеніемъ церковныхъ текстовъ. Интересно прослѣдить по памятникамъ XVI–XVII в. тѣ формы прошедшаго времени, которыя отличаются грубыми ошибками и смѣшеніемъ лицъ. Такъ въ одномъ памятникѣ XVII в. читаемъ: богъ вышній иже научиша (вм. научи); сталъ великій змій и начаша пущати ядъ (вм. нача), противу сына своего выѣхаша (вм. выѣха) и рече идѣ... и нарядишась (вм. нарядися); жена его ключи украдоша (вм. украде); гости дивляхуся (вм. дивляхуся), градъ тразахуся вм. (трясашеся). Эти формы убедительнѣе всего доказываютъ, что народный языкъ не зналъ въ то время imperfect'a и аористовъ, а вм. послѣднихъ онъ употреблялъ причастіе, которое, начиная со XII в., встрѣчается уже безъ глагола есть. По крайней мѣрѣ для 3 лица единств. (числа) и множ. числа глаголъ вспомогательный не употреблялся.

но за то онъ былъ долго въ употребленіи для 2-го лица. Напр. въ одной грамотѣ начала XIV вѣка читаемъ: нынѣ пришли... и поведали... былъ оу тебе єдинъ дѣтина... тогды рать была... онъ же хотелъ и взялъ... пгода идя... заблоудилъ... тоу но били и рвали и т. д.

Между тѣмъ, когда грамата обращается къ лицу, то еси употребляется, напр. молъ еси, товаръ еси взялъ, поималъ еси. Такъ и въ 1-й новгородск. (граматѣ) лѣтописи: хотелъ еси сѣсти, ехалъ еси.

Такимъ образомъ вспомогательный глаголъ сначала вышелъ изъ употребленія въ 3 лицѣ, а потомъ уже во 2-мъ и 1-мъ. Но всетаки въ извѣстныхъ случаяхъ для большей точности особенно въ граматахъ употреблялся вспомогательный глаголъ довольно долго. Даже начиная съ XV в. встрѣчается 1-е лиц. ед. числа уже въ новой формѣ есми, которая развилась подъ вліяніемъ еси. Такъ въ памятникахъ XV в. находимъ: далъ есми, пожаловалъ есми. Потомъ эта форма повторяется довольно часто даже и въ памятникахъ XVII в.: чья земля того есми и азъ.

Во множест. числѣ вмѣсто формы азъ есмы (напр. цѣловали есмы грам. 1305 г). въ сѣверныхъ говорахъ верхъ-

и прилагательныхъ, то и здѣсь нѣкоторые падежи обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что существуютъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ простонародныхъ говорахъ, двѣ формы рядомъ, такъ напр. то на ѣе и ои, то на ые; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ обѣ формы и въ языкѣ XVI в. и XII в., напр. у порядливои жены (Домострой), оу которые жены (тамъ же), не вѣрую азъ вашея латинские вѣры (XVII в.)

Род. падежъ ед. ч.

Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ чередованіе формы древнѣйшаго окончанія (ые) съ формой прономинальной на ои. Точно также встрѣчается иногда древняя форма Дательнаго падежа добрыи на ряду съ новой: доброй, по аналогіи съ формами мѣстнаго падежа мужескаго рода печерскымъ возъ печерскомъ.

Относительно именъ прилагательныхъ еще нужно замѣтить особенность теперешняго произношенія формы родительнаго падежа м. рода (на во, составляющую характерное явленіе великорусскаго нарѣчія.

Съ какого времени можно доказать такое произношеніе?

Весьма трудно опредѣлительно отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что могло существовать простонародное произношеніе и не попасть въ памятники литературы, которые стояли подъ вліяніемъ тради-

дящій книжнаго языка. Тѣмъ не менѣе незамѣтно вкрадывались и попадали въ кой-какія грамоты, напр. купчія, рядныя народныя особенности. Такимъ образомъ, вѣроятно, и проникла въ памятники XVв. особенность произношенія на во, г въ XVIв. мы можемъ смѣло сказать, что она уже преобладала. Такъ въ грамотахъ XVIв. находимъ: староборисовскую (1566г), князя молодово (Домострой), новобрачново, зеленово (тамъже) и т. д. Даже ево и тово.

Относительно формъ множественнаго числа нужно замѣтить слѣдующее отступленіе: окончаніе на ые (или ыя) стало теперь употребляться уже безъ различія родовъ и для Именительнаго и Винительнаго вмѣстѣ. Только въ концѣ прошлаго столѣтія совершенно произвольно было рѣшено, чтобы для мужескаго рода во множественномъ числѣ было свое окончаніе: ые, различное отъ окончанія средняго и женскаго рода на ыя. Языкъ XV–XVIIIв. не зналъ этого различія; такъ мы находимъ въ то время слѣдующія формы: яблока кузминскии (вм. —ія) цѣлые, не битые (Домострой), сухія мѣста, во врата великие, градные (Курбск.)

Относительно глаголовъ нужно замѣтить, что прошедшихъ вре-

чалось также есме (привели есме 1494 г., приготовили ся есме грам. с[м]ол[енск]. 1300 г. изд.) Это же есме произносилось иногда, какъ есмя, подобно тому, какъ тебя вм. тебе: и ѣхали есмя, дали есмя (грам. 1510 г.), оскорбили есмя, послали есмя (XVI в.) есмя пришли, дѣлаючи есмя (XVI в.) есмя (Курбск.) и др.

Подъ вліяніемъ формы есмя развилось тоже еста (не часто): били еста намъ челомъ (XVII в.

Всѣ глаголы, которые прежде оканчивались въ 1 л. ед. числа на мь (вѣмь, дамь, ямь) съ того времени, когда мь перестало существовать, какъ мягкое окончаніе и въ творительномъ падежѣ уже перешло въ мъ, стали оканчиваться и здѣсь безъ различія на мъ, напр. тобѣ дамъ ю (Тихонравовъ I, 92, 1406 г.), исповѣмся тебѣ XIV в., не ямь бо мясъ (сб. XIV в.) Съ этихъ же поръ и множественное число вошло въ употребленіе исключительно въ ф. дамы, напр. не вѣмы (въ пам. 1494 г.) Вм. мы встрѣчается -ме: непромываиме въ Новг. лѣтоп.

Южнорусскія нарѣчія не знаютъ формы есме, зато у нихъ встрѣчается ф. есмо и довольно рано, напр. есмо закопали (XV в.), дали есмо, взяли есмо (XV в.)

Въ то же время, когда происходитъ такое колебаніе на счетъ образованія формъ глагола есмь, и когда ф. 2-го лица приняла

твердое окончаніе шъ вм. мъ, то и тѣ глаголы, которые прежде оканчивались во втор. л. на си, какъ даси или яси подпались общей аналогіи, напр. вм. даси въ XVII в. встрѣчается уже дашь: дай свою дочь за меня съ любви, а не дашь.... (въ сказкѣ о Бовѣ Корол. XVII в.) Формѣ дашь подчинились всѣ прочіе глаголы, а также хощешь (хочешь, хочете); на ряду съ послѣдней встрѣчается и древнѣйш. ср. хошти вм. хощеши. Это не что иное, какъ желательное наклоненіе (а не сокращеніе изъ хощеши), образовавшееся изъ хот + jі (долгое і въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ долгому дифтонгальному слогу въ родственныхъ яз., напр. въ греч. слогу ει)

Такимъ образомъ, если мы находимъ форму „не хошти приняти", то значитъ: „не имѣй желанія принять". „Хошти" перешло въ хошть, а отсюда русское хощь и хочь или хошь, которое и существуетъ въ народныхъ древнерусскихъ текстахъ, напр: не могла я Бовы прелстить хошь его, повольсь, хошь его на конь посади (сказк. о Бовѣ Королевичѣ XVII в.)

Точно также изъ вѣжди вышло сокращеніемъ вѣжь и вѣшь. Звукъ ж въ концѣ слога формы вѣжь имѣлъ не звучное произношеніе и перешелъ въ ш: вѣшь. Изъ этого вѣшь съ предшествующимъ бѣ развилось бѣ вѣшь, а потомъ бѣшь, которое и встрѣчается уже въ памятникахъ XIV в.: какъ то бѣшь иныи люди баламели (грам., писанная около 1300 г.)

3го лиц. ед. ч. подъ влiянiемъ отвердѣвшаго окончанiя 2го лица перешло также изъ —тъ въ —тъ и встрѣчается въ XV в. рѣдко, а въ XVI и XVII часто. Какъ извѣстно, мягкое произношенiе существуетъ всетаки и теперь не только въ южнорусскихъ нарѣчiяхъ, но и въ различныхъ говорахъ сѣверно-или великорусскаго языка. Отвердѣнiе окончанiя 3го лица принадлежитъ собственно средней полосѣ Россiи, главнымъ образомъ относясь къ московской области. Начиная съ XVI в., мы встрѣчаемъ твердое окончанiе, напр. какъ отсидятъ — в грамотѣ московской 1520 г.)

Перейдемъ къ повелительному наклоненiю, которое отступаетъ отъ ц. славянскаго и древнерусскаго в томъ смыслѣ, что во множ. числѣ очень рано поддалось влiянiю 2го л. ед. числа, т. е. всн. —ѣте принимаетъ окончанiе ите для всѣхъ глаголовъ безъ различiя: възмите, станите, рцыте, прочтите, поедимъ, идивѣ, клените или кльните (вм. нын. клянитe) даже съ пренебреженiемъ палатализацiи гортанныхъ: посеки, не моги, постерегите.

Форма ядь перешла в ядь, а отсюда 1е лице мн. числа яшьмы, хотя по ц. слав. грамматикѣ ожидалось бы ядимы или ядимъ. Такое же сокращенiе видно въ: двиньте, обиньте въ гр. XV в.

Неопредѣленное наклоненiе съ своими

полнымъ объемомъ на -ти господствовало
очень долго: можно сказать, что въ XVII в.
считалось еще правиломъ употреб-
лять эту форму окончанія для него.
Тѣмъ не менѣе нынѣшняя сокра-
щенная форма все болѣе и болѣе
входитъ въ употребленіе, такъ что уже
въ текстѣ Домостроя можно ее
найти рядомъ съ полной: <u>не пере-
мечь</u> возмь: <u>ничего свата говорити а изо
стола не выходити</u>.

Отъ глагола <u>чьтѫ</u>, <u>чьтешь</u>, <u>чьтетъ</u> по
ц. слав. грамматикѣ слѣдовало бы
ожидать неопред. наклоненіе <u>чисти</u>,
а между тѣмъ мы находимъ въ Паи-
евскомъ сборникѣ <u>чести</u> (<u>мещти</u>), а так-
же <u>отверсти</u> вм. <u>отверести</u> = ц. слав.
<u>отврѣсти</u>, но встрѣчается и <u>стерети</u>,
<u>оумерети</u> и т. д. Отъ глагола <u>иду</u> неопр.
накл. писалось уже в то время <u>итти</u>, <u>ит-
ти</u> и <u>ити</u>. Ни та, ни другая формы
не могутъ быть оправданы этимоло-
гически, п. что тема <u>ѣду</u> наст. времени
собственно не имѣетъ никакого отноше-
нія къ неопредѣленному наклоненію.

Кромѣ неопредѣленнаго наклоненія
древнерусскій языкъ зналъ еще наклоненіе
<u>достигательное</u>; оно употреблялось преж-
де послѣ глаголовъ, обозначавшихъ движеніе,
напр. <u>всташа играть</u>, <u>придоша воевать</u>, <u>при-
ѣхо просить</u>.

Существительное, зависящее отъ достиг. наклон.
всегда стояло въ род. пад. вмѣсто винительн.,
но когда языкъ сталъ сокращать окончаніе infinitif
достиг. наклон. вышло изъ употребленія.

Къ страницѣ 124 продолженіе:

Отъ того же Мстислава сохранилась до сихъ поръ въ подлинникѣ грамота, относящаяся къ Юрьеву Монастырю; она написана интересна, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ подлинныхъ образцовъ юридическаго языка XII в. (собств. 1127-1130). Со стороны языка обращаетъ на себя вниманіе народный оборотъ: „а язъ далъ" безъ вспомогат. глагола „есть", кром. однакоже два раза встрѣчается „повелѣлъ есмь", „далъ есмь". Мѣстоимение <u>язъ</u> пишется кромѣ того <u>азъ</u> и <u>на</u>-послѣднее, конечно, народная ф. но тогда еще могло быть въ употребленіи и <u>язъ</u>. Вообще Дат. „сыноу своемоу Всеволодоу" отмѣтимъ форму „свтомоу Георгиева". Зват. п. <u>братие</u> свидѣтельствуетъ о звуковомъ значеніи ѣ=е, что видно также въ Вин. п. мн. ч. <u>боуцѣ</u> (ц. слав. было бы боуцѧ) и въ „за мою дѣти". Впрочемъ языкъ правильный, соблюдающій всѣ звуковыя тонкости XI–XII в. сл. попр. формы за мя, за ны, въ не (т. е. блюдо), полъ третиꙗ десяте гривнъ и т. д. Со стороны содержанія мы встрѣчаемъ здѣсь юридическія слова <u>виры</u> и <u>продажи</u>: <u>съ данию</u>, <u>съ вирами</u> и <u>съ продажами</u>. Послѣднее слово въ смыслѣ штрафа или пошлины было очень долго въ употребленіи (еще въ XVI в.); по древнему языку „продажами" назывались всѣ уголовныя денежныя взысканія кромѣ штрафа за смертоубійство; напр. по постановленію Р. Правды: „а оже лодью оукрадеть то за лодью платити 30 рѣзанъ, а <u>продажи</u> 60 рѣзанъ." Слово же <u>вира</u> - иностр., норманскаго происхожденія, значило штрафъ за угол. преступленіе смертоубійства; возлѣ <u>вира</u> существуетъ прилагательное <u>вирное</u> и существительное въ смыслѣ чиновника, собир. эту подать, <u>вирникъ</u>. Когда вм. убійцы платили виру члены рода или племени, вер-

вѣ, къ кот. онъ принадлежалъ, тогда вира называл ди-
кою вирою. Кромѣ того грамата упоминаетъ объ осен-
немъ полюдіи (ср. въ лѣтописи подъ 1154 г. бѣ бо тогда на рѣ-
цѣ на Ахромѣ въ полюдьи и со княгинею — или 1190: тогда
сущю великому князю Ростовѣ въ полюдьи) и даетъ намъ
случай узнатъ объ одномъ обычаѣ въ монастырск. жизни
(„бити въ серебрьно блюдо на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ")
Подъ 1144 г. мы д. отмѣтитъ т. н. Галицкое Евангеліе или
Крылоское — памятникъ важный въ томъ отношеніи,
что онъ написанъ далеко на Западѣ, въ предѣлахъ Га-
лицкой Руси, слѣд. заставляетъ насъ искатъ въ немъ слѣ-
довъ югозападнаго р. нарѣчія. Къ сожал., этотъ важный
памятникъ еще не изданъ и не изслѣдованъ (все, что мы зна-
емъ о немъ, заключается въ небольшихъ замѣткахъ проф. Бу-
слаева и въ описаніи памятника у Горскаго и Невоструева)
Какъ обыкновенно, и здѣсь ч. южнорусскихъ говоровъ высту-
паютъ только очень не смѣло: и вм. ѣ почти вовсе нѣтъ,
естъ наоборотъ ѣ = е; Къ южнорусская черта обращаетъ на
себя вниманіе жч вм. книжн. жд (въ противоположностъ
съв. русск., новгородскому жг = жд), въ слѣд. примѣрахъ:
въжчадах ся, въжчадаи ся, изжчиви все своя, іжженоутъ
неижченоу, дъжчь, дъжчитъ, рожчьне. Полногласныя
ф. встрѣчаются даже въ такихъ словахъ, какъ голова
(= плѣва), половелъ (= плѣвелъ), въ глаголѣ исполовемъ
(= исплѣвемъ). Черта народнаго говора видна пожалуй
еще въ произношеніи к какъ х въ словахъ: хрищахоу ся,
хрьститель, хрьщенье. Переходящее время (Imperfectum)
встрѣчается здѣсь уже довольно часто м. тѣ: слоу-
жахоутъ, молахоутъ, стрѣжахоутъ.
Въ текстахъ попадаются русскія слова (но безъ оттѣнка
локальнаго): олъ, подолъцѣ, подрачъ, посохъ, пъртъ и др
Подъ 1156 и 1163 г. сохранились стихирари новгородскаго
письма. Заниматься изученіемъ стихирарей важно въ
томъ отношеніи, что въ памятникахъ этого рода
не существуетъ сокращенія, всѣ слова выписываются
Этимъ возможностъ узнать, какъ въ то время

произносили фр. ц. слав. яз. Если напр. въ стихирар. 1156 г. читаемъ по съмьрти, то отсюда можно заключить, что и въ словахъ твьрдыне, вьрета, дьржавоу и т.д. ь произносилось, какъ е, въ доказательство чего можно указать на вьньца, гдѣ первое ь = е, сл. также безмьздьна вм. бемьздьна, гдѣ опять ь передается через ь = е. Слово цьсарь сокращается уже въ цьсарь (напр. цьсарьствие, цьсарьствовати) и т.д.; произношение нынѣшнее царь восходитъ и можетъ быть даже къ XII в. Специальность новгородская ц = ч видна изъ примѣра притьцю, отъ святыя дѣвича, небесьныи чловѣче.

Къ 1161 г. относится крестъ княгини Евфросинии полоцкой съ надписью, на которой мы читаемъ слово кровь тоже съ видною уступкою сдѣланною народному произношению. И форма злото могла бы отражать особенность диалектическую, такия формы вм. настоящихъ полногласныхъ встрѣчаются въ области сѣверозападныхъ говоровъ, какъ переходъ къ языку польскому. Стоитъ упомянуть слово жьньчюгъ, которое здѣсь впервые встрѣчается такъ, т.е. съ н писали это слово въ XII–XIII ст., потому уже вошла въ употребление форма жемчугъ

Къ 1164 г. относится Семеново или Добрилово Евангелие, мало извѣстное до сихъ поръ. Судя по отрывкамъ, напечатаннымъ у Буслаева и Срезневскаго, оно отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что ь и ъ очень часто, чуть ли не правильно передаетъ через е, о, напр. пишется терньи, въ терны, до верха, держать, въ терпьньи, отверзи ся, отверзоста ся, отверзеться, съмерти; тоц рескъ, сидонескъ; возьми, возрыдъ. Послѣ такихъ примѣ-

нынѣшнее произношеніе приведенныхъ словъ существовало уже въ XII в. Мягкость слога ер засвидѣтельствована слѣдующимъ правописаніемъ: перьсты.

Къ концу XII в., именно къ 1192 г. относится одна грамота, дарственная запись приватно-правнаго характера, съ нѣкоторыми особенностями въ языкѣ. Вмѣсто далъ читается вдале (3 раза вм. вдалъ), вм. Варлаамъ тоже Варлааме; е передаетъ приблизительное произношеніе полугласной ъ по искусственному чтенію. Примѣры (исчезновенія) произношенія о какъ е (а ѣ счит. стоящимъ въ серединѣ между о и е) въ сѣверныхъ говорахъ встрѣчаются въ XIII в. и слѣд. столѣтіяхъ довольно часто. Въ грамотѣ попадаются интересныя народныя слова: огородъ, ловище, пожита, рель (вѣроятно роль), коле (вѣр., колъ) т. е. законъ), корь (вѣр. кустарникъ), дѣвъка въ смыслѣ рабы. Новгородск. специальность: цѣто вм. чьто.

Программа по Исторіи Р. Языка (№1)

I. Русскій языкъ въ средѣ славянскихъ нарѣчій

II. Черты праславянскаго языка, насколько онъ уловимы изъ сопоставленія всѣхъ нынѣшнихъ нарѣчій:
а) относительно вокализма и консонантизма
в) относительно склоненія и спряженія

III. Отношеніе славянскаго языка къ родственнымъ, преимущественно къ литовскому

IV. Выводы изъ языка относительно доисторической жизни Славянъ.

V. Движеніе славянъ по двумъ направленіямъ: сѣверозападному и югозападному

VI. Извѣстія лѣтописи русской объ этническомъ положеніи славянъ, оставшихся за Вислою и Карпатами.

VII. Принятіе Христіанства и церковно-слав. письменности Славянами русскими. Значеніе ц. слав. языка въ этомъ дѣлѣ.

VIII. Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, ихъ значеніе для исторіи русскаго языка

IX. Остромирово Евангеліе, въ его языкѣ слѣды вліянія русскаго (языка)

X. Изборникъ Святослава, особенности его языка

XI. Новгородскія Минеи 1096-7 г., важность этихъ памятниковъ для исторіи русскихъ говоровъ.

XII. Общіе выводы о звуковыхъ и формальныхъ

особенностямъ древнерусскаго языка по памятникамъ XI вѣка.

XIII. Обозрѣніе памятниковъ XII в. вѣка, ихъ отступленія отъ текстовъ XI в. въ правописаніи, уступки, сдѣланныя живому произношенію.

XIV. Сравнительное изученіе одного и того же памятника по списку XII и XIV в. даетъ возможность судить, насколько въ теченіе двухъ столѣтій измѣнился древнерусскій языкъ, и насколько пріемы орѳографическіе.

XV. Обозрѣніе памятниковъ XIII в., преимущественно грамотъ, черты языка этихъ грамотъ, преимущественно сѣверныхъ и сѣверозападныхъ говоровъ.

XVI. Русская правда въ связи съ различными каноническими текстами.

XVII. Памятники XIV в., преимущественно лѣтописи. Особенности языка русскихъ лѣтописей по Лаврентьевскому, Ипатскому и синодально-новгородскому списку.

XVIII. Значеніе XV в.: переходъ съ пергамента къ бумагѣ, съ устава къ полууставу и скорописи.

XIX. Измѣненія въ вокализмѣ и консонантизмѣ, начиная съ XV в., въ связи съ которыми произошли значительныя перемѣны и въ формахъ, хотя не всѣ новопоявившіяся ф. могутъ быть объяснены переходами звуковыми, многія вызваны силою аналогическою.

X. Отличительныя черты языка южнорусск. сравнительно съ сѣверно-русскимъ начиная съ XVI в.

Программа по исторіи русскаго языка.

№ II.

1. Главнѣйшія литературныя пособія по исторіи русскаго языка.
2. Жизнь русскаго языка доисторическая обнимаетъ ту эпоху времени, когда онъ стоялъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Въ чемъ заключалась эта бо́льшая близость?
3. Какія черты характеризуютъ русскій языкъ, какъ отдѣльную группу въ средѣ славянскихъ нарѣчій?
4. Въ чемъ состоитъ такъ называемое русское полногласіе? Сколько видовъ его? Какую праславянскую форму предполагаетъ каждый видъ русскаго полногласія? Къ кому времени относится первое появленіе русскаго полногласія?
5. Что такое r-l sonans? Существуетъ ли слоговое р, л до сихъ поръ? Въ какихъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Какъ передается слоговое р, л въ памятникахъ старославянскихъ и какъ въ древнерусскихъ? Съ какого времени вошло въ употребленіе правописаніе ор вм. ър, ер вм. ьр и т. д.? Что значитъ правописаніе ъръ и ьрь? Въ какихъ памятникахъ оно главнымъ образомъ встрѣчается?
6. Сколько глухихъ звуковъ или полугласныхъ предполагается для

праславянскаго языка? Какая судьба постигла ихъ въ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Какъ отнесся къ глухимъ звукамъ древнерусскій языкъ? Какъ понимали звуковое значеніе знаковъ ъ и ь въ древнерусской письменности XIII и XIV стол? Какіе случаи замѣны ъ и ь черезъ ъ существуютъ въ русскомъ яз. и какъ ихъ объяснить?

7. Назализмъ — общеславянское ли явленіе? Сколько носовыхъ звуковъ вообще предполагаютъ славянскія нарѣчія? Въ какомъ нарѣчіи назализмъ сохранился до сихъ поръ? Какой звукъ въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій замѣняетъ теперь ѫ? Какой же звукъ замѣняетъ теперь ѧ? Съ какого времени русскій языкъ не знаетъ носовыхъ звуковъ? Какъ долго продолжалось употребленіе ѫ въ древней письменности? Какова была судьба малаго юса?

8. Звукъ ы — въ какихъ слав. нарѣчіяхъ сох. до сихъ поръ существуетъ? Какъ относятся къ этому звуку говоры русск. языка? Съ какого времени вошло въ употребленіе ы? и откуда произошло это правописаніе? Какіе звуки могутъ въ русскомъ языкѣ замѣнить та~~кое же~~ ы? Въ какихъ случаяхъ? чѣмъ это объясняется?

9. Родство между е и ѣ. Какъ оно выходитъ наружу въ древнерусскихъ памятникахъ? Существуютъ-ли доказательства произношенія ѣ какъ и? Въ какихъ памятникахъ и съ какого вре-

меніе? Въ какихъ памятникахъ встрѣчается о вм. е (т.е. ё)? Можно-ли доказать, что е уже въ древнерусскомъ языкѣ произносилось мягко?

10. Какъ писалось у въ памятникахъ древнерусской письменности?

11. Съ какого времени вошло въ употребленіе нынѣшнее і передъ гласными? Кому мы этимъ обязаны?

12. Что такое монофтонгизмъ славянскаго языка? Какъ можно доказать стремленіе слав. языка къ монофтонгизму?

13. Въ чемъ заключается сущн. славянскаго палатализма? Сколько видовъ палатализма существуетъ въ слав. яз.? Всѣ-ли виды слав. палатализма уцѣлѣли до сихъ поръ въ славянскихъ нарѣчіяхъ? Какими звуками считались ч, ж, щ, ц, жд, ц? въ древнерусской письменности по отношенію къ гортаннымъ к, г, х? Измѣнилось-ли это отношеніе и когда? Не отразилось-ли измѣненіе на нормальномъ составѣ русскаго языка? Существуетъ-ли смѣшеніе ц съ ч и гдѣ?

14. Какимъ образомъ іотація послѣдующаго вокала дѣйствуетъ на предшествующій зубной консонантъ? Какое разнообразіе на этотъ счетъ замѣчается въ славянскихъ нарѣчіяхъ? Какими звуками передается іотованное д-т въ русскомъ языкѣ? Съ какого времени можно доказать существованіе этихъ звуковъ въ древнерусской письменности и существуютъ-ли

на счетъ сочетанія согласныхъ жд въ древнерусской письменности особенности, выражающія отличія древнерусскихъ говоровъ?

15. Значеніе l epentheticum. Какъ расходятся въ этомъ отношеніи славянскія нарѣчія?!

16. Сколько различныхъ р и л предполагается по теоріи? всѣ-ли эти звуки уцѣлѣли до сихъ поръ во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ?

17. Различное произношеніе согласныхъ?

---

1) Какая разница между ъ/о склоненіемъ и ъ/у склоненіемъ въ отдѣльныхъ падежахъ? Какъ относится къ этой разницѣ древнерусскій языкъ? Существуютъ ли до сихъ поръ въ русскомъ склоненіи слѣды ъ/у склоненія?

2. Нынѣшнее склоненіе существительныхъ муж. рода на ъ — въ какихъ падежахъ оно отступаетъ отъ древнерусскихъ формъ? Съ какого времени эти отступленія замѣтны по памятникамъ и какъ объяснить ихъ? Съ какого столѣтія входитъ въ употребленіе форма какъ князья, голоса?

3. Судьба словъ мужескаго рода, склоняемыхъ въ церковнослав. языкѣ по ь- склоненію (гость, тать).

4) Особенности въ склоненіи существительныхъ женскаго рода относительно падежей, оканчивающихся въ ц. слав. языкѣ на ѧ? Съ какого столѣтія преобладало въ род. падежѣ

ед. числа ы (и)? и въ Дательномъ ѣ? Каковъ
былъ въ древнерусскомъ языкѣ имени-
тельный падежъ ед. числа вм. Княгиня?
Какія измѣненія произошли въ теченіе
времени въ т. наз. консонантическомъ
склоненіи?
Склоненіе прилагательнаго было когда-то
и въ древнерусскомъ яз. двоякое: простое
(номинальное) и сложное (прономинальное).
Въ какихъ выраженіяхъ сохранились слѣ-
ды номинальнаго склоненія? Состав-
ныя части сложнаго склоненія. Въ
какихъ падежахъ сложное склоненіе
древнерусскаго и нынѣшняго русскаго языка
отступило отъ формъ ц. слав. языка?
Чѣмъ было вызвано это отступленіе?
Объясненіе формъ двухъ-двумъ-двумя и род. ви-
падежа меня, тебя, себя; вм. тебе, себе существо-
вала еще другая форма этого падежа.
Съ какихъ поръ является ф. тѣ? Съ какого
столѣтія засвидѣтельствованъ имените.
пад. тотъ и произношеніе родительнаго
того, его.
Какія прошедшія времена существо-
вали въ ц. слав. языкѣ? Можно-ли по-
казать, что древн. р. языкъ зналъ и ихъ?
Совпадаютъ-ли древнерускія формы
аориста и имперфекта вполнѣ съ
формами ц. слав.?
Съ какого времени можно доказать упо-
требленіе причастія прош. времени безъ
вспомогательнаго глагола въ смыслѣ
прошедшаго времени?
Окончаніе 3 лица ед. числа и множ. въ древне-
русскомъ яз. было всегда мягкое (ть) Съ

времени вошло въ употребленіе ть? Какъ объяснить себѣ эту особенность? Какая перемѣна произошла въ окончаніи 2го л. ед. числа? Какъ объяснить форму 1го л. ед. числа есми и множ. числа есмъ?

11. Отступленія нынѣшняго русскаго языка отъ древнерусскаго относительно формъ повелительнаго наклоненія. Время и причины этихъ отступленій.
12. Неопредѣленное наклоненіе нынѣ и прежде.
13. Формы дѣепричастія: идя, возьмя откуда взялись и какъ ихъ объяснить?
14. Древнерусскій языкъ зналъ достигательное наклоненіе (supinum)
15. Какіе синтактическіе обороты народнаго языка замѣтные уже въ древнихъ памятникахъ XIII в.?
16. Особенности лексическія, смотря по содержанію памятника, иногда отражается въ нихъ чужое вліяніе

Конецъ.

Лито. Волжина Гор. д. № 17

